

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Аффрикаты в спонтанном речевом потоке на материале албанского и
арумынского языков**

основная образовательная программа магистратуры по направлению подготовки
45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Теория и история языка и языки народов Европы»
Профиль: «Балканистика»

очной формы обучения
Харламова Анастасия Вадимовна

Научный руководитель:
д. ф. н., проф. Соболев А.Н.

Рецензент:
к. ф. н., ст. н. с. Домосилецкая М.В.

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

<i>Введение</i>	3
1. Понятие аффрикаты в современном языкознании. Аффрикаты в фонетике и фонетической типологии	5
<i>Фонетика спонтанной речи</i>	5
<i>Понятие аффрикаты</i>	11
<i>Аффрикаты в фонологическом аспекте</i>	12
<i>Аффрикаты в типологическом аспекте</i>	15
<i>Аффрикаты в спонтанной речи</i>	17
<i>Фонетические методы исследования аффрикат</i>	18
2. Материал исследования	23
<i>Албанский язык</i>	23
Из истории албанцев и албанского языка	23
Исследования албанского языка	33
Аффрикаты в албанском языке.....	39
<i>Арумынский язык</i>	41
Из истории арумын и арумынского языка	41
Исследования арумынского языка.....	48
Аффрикаты в арумынском языке	54
Арумыны в Албании. Говор наших информантов	56
3. Методика исследования	60
<i>Пилотные исследования (говор Турьи и говор Ресена)</i>	60
<i>Полевая работа</i>	65
<i>Транскрипция и анализ</i>	67
4. Аффрикаты в исследуемом материале	71
<i>Инвентарь аффрикат в албаноязычной записи</i>	71
<i>Инвентарь аффрикат в арумыноязычной записи</i>	73
<i>Палатализация аффрикат</i>	75
<i>Переход аффрикат в щелевые</i>	84
<i>Итоги и перспективы</i>	87
Заключение	91
Список использованной литературы	93
Приложения	123
<i>Приложение 1. Фонетическая анкета</i>	123
<i>Приложение 2. Фотографии информантов</i>	125
<i>Приложение 3. Примеры текстов</i>	127
<i>Приложение 4. Спектрограммы и осциллограммы наиболее частотных аффрикат</i>	128

Введение

Настоящая работа посвящена крайне мало исследованной теме аффрикат в спонтанной речи и проведена с использованием материалов двух языков Балканского языкового союза – албанского и арумынского, находящихся в контакте на территории Албании.

Целью исследования является установление инвентаря аффрикат в албаноязычной и арумыноязычной речи информантов, акустических характеристик аффрикат, сходств и различий их реализации в албанском и арумынском материале. Спонтанная речь избрана как материал для исследования в связи с практически полным отсутствием разработок на тему фонетики спонтанной речи балканских языков вообще и конкретно албанского и арумынского.

К задачам относятся сбор и эксцерпция материала, проведение фонетического анализа имеющегося материала при помощи программ Sound Forge и Speech Analyzer, составление статистики реализации аффрикат в албанской и арумынской речи с учётом затрагивающих их фонетических процессов, а также постановка вопросов об общих закономерностях албано-арумынской фонетической интерференции.

Мы хотели бы выразить благодарность: А. Л. Макаровой – за неоценимую помощь в поиске информантов и организации полевой работы при пилотном исследовании в Македонии, С. Нисией, Б. Джозефу и М. Невачь – за помощь с библиографией по арумынам и арумынскому языку, А. Ю. Русакову, Л. Н. Каминской – за помощь с библиографией по албанскому языку и арумынам Албании, А. Голдсуорти – за помощь с библиографией по античной истории Балкан, Г. Лушютцки – за помощь в подборе литературы по типологии аффрикат, В. М. Киселёву, Н. А. Слепокуровой, Н. Б. Вольской, С. О. Тананайко и Д. А. Кочарову – за консультации по инструментально-фонетическому анализу речи, а также работавшим с нами информантам – В.

Андоновской, И. Стефановской, А., Э. и Ф. Кристо, Э. и Г. Димо, П. и Т.
Чарауш.

1. Понятие аффрикаты в современном языкознании.

Аффрикаты в фонетике и фонетической типологии

Фонетика спонтанной речи

О необходимости сформировать направление, которое бы занималось изучением акустического и артикуляторного аспектов произношения, шла речь ещё в XIX в. Так, например, Эдуард Зиверс, который считается «одним из основоположников современной фонетики» [Зиндер 1969: 110], говорит о «физиологии звуков» (нем. Lautphysiologie):

Итак, физиология звуков – пограничная область между *физикой*, в той мере, в какой она занимается чисто акустическим анализом отдельных звуков, *физиологией*, в той мере, в какой она занимается исследованием функций органов, ответственных за порождение и восприятие звуков языка, наконец, *лингвистикой*, в той мере, в какой она даёт необходимые объяснения природе одного из важнейших предметов последней и в то же время, таким образом, предоставляет средство для понимания установленных при помощи сравнительной фонетики законов беспрестанно продолжающегося изменения звуков¹ [Sievers 1876: 1; курсив автора, перевод наш – А. Х.].

В первой половине XX в. фонетика стала определяться как направление, изучающее звуки речевого акта, а не абстрактные единицы языка (фонемы). Определение понятий речи и речевого акта мы находим в классическом труде [Трубецкой 2000 (1938)]:

¹ Somit bildet die Lautphysiologie ein Grenzgebiet zwischen der *Physik*, insofern sie sich mit der rein akustischen Analyse der einzelnen Laute beschäftigt, der *Physiologie*, insofern sie die Functionen der zur Erzeugung und Wahrnehmung der Sprachlaute thätigen Organe erforscht, endlich der *Sprachwissenschaft*, insofern sie über der Natur eines der wichtigsten Objecte derselben die nöthigen Aufschlüsse ertheilt und damit zugleich ein Mittel zum Verständniss der durch die vergleichende Lautlehre ermittelten Gesetze für den fortwährenden Wandel der Sprachlaute an die Hand gibt [сохранена орфография источника].

Каждый раз, когда один человек говорит что-либо другому, мы имеем дело с *речевым актом*, или *речью*. Речь всегда конкретна, она приурочена к определённом месту и к определённому времени. Она предполагает наличие говорящего («отправителя»), слушателя («получателя») и предмета, о котором идёт речь. Все эти три элемента ... меняются от одного речевого акта к другому. Но речевой акт предполагает наличие ещё одного момента: чтобы слушатель понимал собеседника ... Наличие в сознании каждого члена языковой общности единого языка является предпосылкой любого речевого акта [Трубецкой 2000 (1938): 9; курсив автора].

Трубецкой писал о необходимости «иметь вместо одной две “науки о звуках”, из которых одна ориентировалась бы на речь, а другая – на язык» [Трубецкой 2000 (1938): 11]. Ср. также у Л. Р. Зиндера:

Таким образом, *предметом фонетики* следует признать звуковые средства языка во всех их проявлениях и функциях, а также связь между звуковой стороной языка и письмом. (Говоря о звуковых средствах языка, в частности о звуках, обычно имеют в виду не только самые звуки, но и способы их образования, т. е. не только акустическую, но и артикуляционную сторону) [Зиндер 2007 (1960): 11; курсив автора].

Среди фонетистов общепринято положение о том, что устная речь делится на три типа (в англоязычной традиции – три «стиля говорения», *speaking styles*): чтение вслух, подготовленная речь и спонтанная речь [Gut 2009: 107; Венцов и др. 2011: 27].

К XX в. развитие звукозаписывающих технологий повлекло за собой и активное развитие инструментальной фонетики. В первое время этой дисциплиной часто занимались эксперты в области физиологии и медицины, соответственно, проводившие свои исследования в отрыве от собственно лингвистики [Щерба 1958: 165; Зиндер 1969: 109]. Как обобщил Л. Р. Зиндер, в конце концов, «такая “автономная” экспериментальная фонетика должна была зайти в тупик», так как одна из важнейших операций в фонетике – сегментация звукового потока на языковые единицы – проводится на основе исключительно лингвистических критериев [Зиндер 1969: 109–111].

На материале русского языка было написано много работ по инструментальной фонетике и связанных с ней дисциплинам: в фундаментальном труде Г. Фанта «Акустическая теория речеобразования» использовались данные, полученные от русскоязычного диктора [Фант 1964: 99], изучение акустического аспекта русской речи стало одним из направлений работы открытого в 1953 г. Акустического института РАН (см., к примеру, [Бухтилов и др. 1970; Григорян 1970]), проблемы автоматического распознавания русской речи были рассмотрены с точки зрения кибернетики и информационных технологий, к примеру, в [Галунов, Слепокурова 1966; Трунин-Донской, Цемель 1968; Винцюк 1987], проводилось сравнение фонетики русской спонтанной речи с материалами других языков, например, финского [Leinonen 1985]

Прикладные лингвистические исследования в области инструментальной фонетики в течение XX в., в частности, в СССР активно проводились с целью решения двух взаимосвязанных проблем – проблемы автоматического распознавания речи и проблемы обучения иноязычной фонетике [Бондарко, Вербицкая 1983: 138].

Так, в ходе разработки автоматического анализа и синтеза речи был выявлен ряд перспективных направлений изучения акустического и артикуляторного аспектов фонетики: «выявление разных уровней в звуковом строе – от универсального, присущего любому человеку, владеющему членораздельной речью, до специфического, определяемого звуковой системой родного языка; дифференцированный подход к сенсорным и моторным аспектам реализации звуковых единиц в разных языковых ситуациях – звук, слог, слово, фраза; наблюдения над особенностями реализации звуковой системы русского языка в различных “национальных исполнениях”» [Бондарко, Вербицкая 1983: 139–145].

Кроме того, в работах, ставящих целью привнесение вклада в разработку программ для автоматического распознавания речи, фактически проводились

эксперименты на восприятие речи людьми – см., например, [Вербицкая, Зиндер 1969].

На основе проведённых исследований были сделаны многие революционные в то время заключения: «оказалось, что лингвистически значимые признаки сегментных звуковых единиц имеют более сложные артикуляционно-акустические корреляты, чем это считалось раньше; оказалось, что распределение артикуляционно-акустических свойств речевого потока не совпадает с распределением лингвистически значимых признаков» [Бондарко 1973: 256–257].

Образцы устной речи, на материале которых основывались фонетические исследования, в течение долгого времени включали в себя в основном тексты, начитанные специально подобранными исследователем дикторами в лабораторных условиях – считалось, что характер артикуляторной деятельности речевого аппарата в неподготовленном монологе и в прочитанном тексте одинаков² [Слепокурова 2013: 55]. Это относилось даже к тем работам, где проблемой являлось влияние темпа речи на качество звуков (например, [Зиндер 1964]). В 1960-е годы об изменениях характеристик звуков «в потоке речи» по сравнению с теми, которые предполагаются в соответствии с фонологической системой языка, речь ведётся весьма осторожно [Бондарко и др. 1966: 29].

Как утверждается в работе [Венцов и др. 2011: 27], только в последние десятилетия был поставлен вопрос о сходствах и различиях в фонетике спонтанной и прочитанной речи. Существуют две теории: первая (которой придерживаются, например, П. А. Скредин, Н. Б. Вольская, В. В. Евдокимова) заключается в том, что это разные виды устной речи, вторая (среди

² Мнения о важности фонетики спонтанной речи, однако, высказывались уже на ранних этапах развития фонетики и фонологии, хотя и не в виде какой-то оформленной концепции. Так, например, Н. С. Трубецкой в письме Р. О. Якобсону, говоря об особенностях ударения в венгерском языке, приводит в качестве примера речь пассажиров венгерского поезда, к которой он прислушивался, так как регулярно ездил этим поездом: «при *взволнованной речи* это музыкальное различие [между ударным и безударными слогами] ещё увеличивается» [Трубецкой 2004 (1923): 48; курсив наш – А. Х.].

приверженцев которой Н. В. Богданова, Е. М. Сапунова) утверждает, что неподготовленное чтение можно считать одним из видов спонтанного монолога; кроме того, Е. М. Сапунова предполагает, что разницы между чтением текста с подготовкой и без подготовки нет.

Мы придерживаемся первой точки зрения, поскольку полагаем, что различия между особенностями фонетики спонтанной и прочитанной речи были неоднократно доказаны экспериментально. Например, результаты проведённых Н. А. Слепокуровой экспериментов «дают основание предполагать, что каждый из исследуемых типов текстов функционирует по своим собственным правилам: спонтанная речь порождается в соответствии с течением мысли и её линейная развёртка основывается прежде всего на необходимости практически одновременного обдумывания и “озвучивания” информации ... причем названные процессы, по-видимому, не являются строго синхронизированными, что и является одной из возможных причин паузально-синтаксических «сбоев». При чтении ... речевая стратегия ... изменяется и основой просодического декодирования письменного текста становится семантико-синтаксическое квантование разной степени дробности» [Слепокурова 2013: 59–60].

Более того, к примеру, Л. В. Бондарко утверждала, что фонетический облик прочитанной речи «навязывается зрительным образом текста» [Бондарко 2006: 42] и соответственно является неестественным.

В соответствии с этим, в данной работе под термином «спонтанная речь» будет подразумеваться неподготовленная речь, не являющаяся чтением текста или повторением его наизусть. Эксперименты, лежащие в основе нашего исследования, были проведены с опорой именно на это определение.

При этом мы считаем необходимым сделать оговорку, что, как показали исследования, описанные в монографии [Богданова-Бегларян и др. 2013], неподготовленному чтению присущ достаточный уровень спонтанности, чтобы включать его в широкое понимание термина «спонтанная речь» [Богданова-Бегларян и др. 2013: 150]. В связи, в частности, с тем, что

задействованные в нашем исследовании информанты часто отказывались и/или не могли (по причине несовершенного знания языка) породить «чисто спонтанные» монологи, часть наших материалов представляет собой начитанные без подготовки тексты.

Следует заметить, что в современной языковой коммуникации, с распространением SMS- и интернет-общения, возможно, возникает необходимость разграничивать письменную и устную спонтанную речь (см., к примеру, о письменной спонтанной речи недавно опубликованную статью [Кузьмина 2016]). В нашей работе, говоря о спонтанной речи, мы будем понимать под ней речь устную.

Исследования спонтанной речи на данный момент проводятся на материале небольшого количества языков, и в первую очередь это английский (см., например, [Ward 1989]), русский (см., например, [Венцов, Слепокурова 2010]), немецкий (см., например, [Kohler 1996]) и др. европейские языки с большим числом носителей.

Кроме того, спонтанная речь является важным объектом изучения и в смежных с языкознанием дисциплинах, в частности, в психолингвистике – поэтому многие результаты исследований спонтанной речи публикуются в таких изданиях, как «Проблемы порождения и восприятия речи» (к примеру, [Слепокурова 2013]), «Проблемы социо- и психолингвистики» (например, [Апушкина 2011]) и т. д.

В настоящее время основными направлениями исследований, проводимых на материале русского языка, являются дальнейшее изучение сегментации и супraseгментных явлений спонтанной речи (см. [Горлова, Слепокурова 2012; Нигматулина 2012; Вольская 2014], из работ на других языках – [Odé 1989]), создание и разработка фонетически аннотированных корпусов звучащей речи и частотных словарей словоформ русского языка (см. [Венцов, Грудева 2008; Венцов, Слепокурова 2012]), исследование процессов порождения и восприятия текста (см. [Раева, Риехакайнен 2013]), в том числе автоматического распознавания речи (см. [Венцов 2009; Фёдоров, Юрьев

2009]), а также проблемы ментального лексикона с использованием материалов спонтанной речи (см., например, одну из наиболее полных монографий по данному вопросу – [Венцов, Касевич 1994]). Продолжаются и исследования, направленные прежде всего на физический аспект звукового потока (см. [Булашевич 2009]).

В нашей работе затрагиваются вопросы сегментации спонтанной речи: на примере аффрикат обсуждаются проблемы того, что есть отдельный звук речи и как отграничить звуки друг от друга.

Понятие аффрикаты

Аффриката (от лат. *affricata* – ‘притёртая’ [Кузнецов 1998]) – на первый взгляд, однозначный термин, относительно семантики которого нет разногласий в различных лингвистических школах. Так, в [Berns 2014] приводится следующее толкование: аффрикаты – фонетически сложные звуки, состоящие из двух последовательных фаз (объяснения понятию «сложные звуки» в тексте не даётся, однако всё исследование [Berns 2014] опирается, помимо прочего, на [Weijer 1996], где сложными называются консонанты со вторичной артикуляцией [Weijer 1996: 53]). Как и в случае с простыми взрывными³, артикуляция аффрикаты начинается с полного перекрытия потока воздуха в ротовой полости. В противоположность простым взрывным, полное перекрытие переходит в узкую щель, что в результате даёт смычку, за которой следует фрикативный шум [Berns 2014: 369].

Основная черта аффрикат состоит в том, что первая часть их артикуляции представляет собой смычку, вторая же – гоморганный щелевой⁴.

³ В настоящей работе считаются синонимичными следующие термины: взрывной – смычный – обструэнт; щелевой – фрикативный – спирант. Смычно-проходные (= плавные и дрожащие) и смычно-щелевые (= аффрикаты) в понятие «смычный» не входят. Данное решение принималось с опорой на [Розенталь, Теленкова 1976; Ахманова 1966; Ярцева 1990].

⁴ С точки зрения акустики понятие аффрикаты не истолковывают: во-первых, это связано с тем, что основное отличие аффрикат от смычных и щелевых традиционно помещается в область артикуляции, во-вторых, с тем, что акустически, например, смычные звуки также представляют

На этом сходятся авторы самых разных работ: [Кузьменко 1970б: 114; Ковалёва 1987: 122; Hualde 1987: 379; Weijer 1996: 53; Berns 2014: 369] и пр. В связи с подобной двойственной природой и проистекающей из неё нестабильностью аффрикаты всегда представляли интерес и для фонологов, и для фонетистов.

Несмотря на то, что определение самого явления, казалось бы, не представляет трудностей, до сих пор нет единого мнения об артикуляционной природе аффрикат. Не вполне ясно, считать ли их «сложными звуками» (и если да, что всё же понимать под этим термином) или сочетаниями двух звуков [Кузьменко 1970б: 114]. Ещё в XIX в. аффрикаты понимались как двойные звуки, состоящие из смычного и щелевого (или «соединения звуков», нем. *Lautverbindungen* [Brugmann 1897: 57]), или же как модификации смычных и/или щелевых, и мнение о том, что это единые звуки, до сих пор не стало общепринятым [Buttler 1964: 263; Berns 2014: 370; Berns 2016: 142]. В этом смысле фонологический аспект проблемы менее сложен: «фонема, реализующаяся как аффрицированный согласный, является фонологической аффрикатой только в том случае, если она имеет и смычный, и щелевой корреляты» [Кузьменко 1969: 45].

Аффрикаты в фонологическом аспекте

Список основных фонологических теорий, касающихся аффрикат (в хронологическом порядке, начиная с теории Якобсона), приводится в [Berns 2014: 370]. В нём можно выделить следующие группы – теории об аффрикатах как об отдельной разновидности смычных (или же, как вариант, аллофонах каких-либо смычных, присутствующих в фонологической системе языка),

собой сложные единицы, согласно обобщённым в [Ковалёва 1985: 127] положениям теории аффрикат Л. В. Щербы.

теории об аффрикатах как о комбинации смычных и щелевых и теории об аффрикатах как о линейной последовательности смычной и щелевой фазы.

Если взять за основу общепринятый морфологический критерий сегментации фонем (звуки, через которые проходит морфемный шов, не могут быть одной фонемой), то в таком случае возникает проблема с такими аффрикатами, как /ts/ в русском языке. Это сочетание неоднократно находится на границе морфем, однако его монофонемность признаётся⁵ [Васильева 2003: 7]. Как дополнительные критерии М. Г. Васильевой предлагаются «слогоделение, длительность, распределение интенсивности и мускульного напряжения, восприятие носителей языка ... Представляется возможным привлечение статистических данных ... Вполне вероятно предположить, что на языковое сознание носителей русского языка, у которых монофонематичность (sic) аффрикаты [ts] не вызывает сомнений, влияет тот факт, что в количественном отношении случаи прохождения морфологической границы между её компонентами значительно уступают случаям употребления данной аффрикаты внутри морфемы» [Васильева 2003: 7–8].

Как другой важный критерий для определения фонемного статуса аффрикат предлагается также фонотактика: аффрикаты встречаются в таких позициях, где возможны смычные, но невозможны бифонемные сочетания смычных с фрикативными [Clements 1999: 272]; во многих языках аффрикаты и смычные зафиксированы как находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции [La Charité 1993: v]. Для установления фонологической природы аффрикат производились эксперименты по слогоделению и позиции аффрикаты в слогe (например, [Lleó, Prinz 1997]).

⁵ Монофонемность аффрикат, возникающих на стыке морфем, безусловно признаётся щербовской фонологической школой, в первую очередь Л. В. Бондарко, научным руководителем М. Г. Васильевой. В других лингвистических традициях проблема решается иначе: так, сторонники московской фонологической школы, к примеру, посвятивший отдельную статью этой теме Л. Л. Касаткин, считают, что звук [ts] «входит» и в фонему /t/, и в фонему /s/ [Касаткин 2017: 129]. Настоящая работа написана с опорой преимущественно на положения щербовской школы.

Есть предположение, что, хотя по фонологическим критериям аффрикаты могут считаться только простыми фонемами, их природу в фонетическом аспекте определить нельзя вообще [Kázmér 1961: 404]. Некоторые исследователи считают аффрикацию «фонетической стратегией для усиления восприятия фонологических контрастов» [Kehrein 2002: 1]. В других работах, например, [Weijer 1992], напротив, считается, что аффрикаты лучше анализировать как последовательность смычного и щелевого.

Тем не менее, для удобства представления результатов нашего исследования в данной работе мы будем придерживаться мнения, что аффриката – сложный согласный звук, который состоит из взрывной и фрикативной фаз.

Для различных видов звуковых изменений, затрагивающих вариации артикуляции согласных и связанных с аффрикатами, Г. Лушютцки были предложены следующие термины [Luschützky 1992: 8]:

- смычный → аффриката – аффрикация (Affrizierung);
- фрикативный → аффриката – акклюдация (Akkludierung);
- аффриката → смычный – дезаффрикация (Desaffrizierung);
- аффриката → фрикативный – дезакклюдация (Desakkludierung).

В нашей работе мы будем использовать данные термины⁶ вслед за Лушютцки, так как они представляются нам достаточно ёмкими; также во избежание многочисленных повторений будут использоваться синонимичные словосочетания (аффрикация = переход смычного в аффрикату = появление фрикативной фазы у согласного, дезакклюдация = переход аффрикаты в щелевой/фрикативный = выпадение/утрата смычки и т. д.).

⁶ Для термина «аффрикация» в некоторых работах, особенно русскоязычных встречается также вариант написания «аффрикатизация» (см., например, [Сержант 2008; Балшайтите 2010; Мележик 2012; Таов, Маремукова 2012] и др., из работ на других языках [Хамити 2008]). Мы не используем его, так как, во-первых, с нашей точки зрения, он слишком громоздкий, во-вторых, его аналог отсутствует в наиболее авторитетной англо- и немецкоязычной литературе по данным темам (мы не обнаружили терминов наподобие *affricatization, *Affrikatisierung и т. д.) и поэтому создаёт излишние трудности при переводе.

Аффрикаты в типологическом аспекте

В работе Дж. Бернс [Berns 2014], посвящённой типологии аффрикат, статистические подсчёты велись по базе данных UPSID⁷, в которой представлена выборка из 451 языка. Согласно данным из этой выборки, в фонологической системе 66,96 % языков присутствует хотя бы одна аффриката [Berns 2014: 372].

Причём наличествующие в системе аффрикаты необязательно имеют соответствия среди фрикативных того же языка [Berns 2014: 389–392] (ср. уже упоминавшееся выше иное мнение Ю. К. Кузьменко по этому поводу [Кузьменко 1969: 45]).

В той же работе приведена статистика аффрикат по языкам, в фонологии которых они присутствуют (см. таблицу 1 по [Berns 2014: 382]):

Таблица 1. Наиболее частотные аффрикаты

Ранг	Аффриката	Количество языков с аффрикатой	Процент в UPSID
1	tʃ	188	62,25%
2	ts	123	40,73%
3	dʒ	113	37,41%
4	dz	54	17,88%
5	tsj	52	17,22%
6	tʃh	51	16,89%
7	tsh	50	16,56%
8	tʃj	44	14,57%
9	tʃj	20	6,62%
10	tʃj	16	5,30%

Кроме того, дана статистика наличия глухих и звонких аффрикат в языках (см. таблицу 2 по [Berns 2014: 383]):

⁷ University of California, Los Angeles, Phonological Segment Inventory Database, база данных инвентарей фонологических сегментов Калифорнийского университета Лос-Анджелеса.

Таблица 2. Распространение в языках звонких и глухих аффрикат

Аффрикаты по месту образования	Только звонкие	Только глухие	Глухие и звонкие	Общее число языков
Лабиодентальные	2	3	1	6
Дентальные/альвеолярные сибиллянты	6	92	51	149
Альвеопалатальные	0	5	2	7
Палатальные (не сибиллянты)	0	4	8	12
Велярные	0	4	0	4
Дентальные/альвеолярные (не сибиллянты, не латеральные)	0	4	1	5
Латеральные	0	16	8	24
Палатоальвеолярные	13	102	107	222
Ретрофлексные	0	16	5	21
Увулярные	0	5	0	5

Как возможную причину такой асимметрии в сторону глухих аффрикат автор статьи приводит теорию о том, что звонкие аффрикаты реже возникают в фонологических системах в связи с особенностями артикуляции [Berns 2014: 383]. К тому же выводу приходят и авторы работы [Żygiś et al. 2012], посвящённой анализу распространения в языках глухих и звонких аффрикат-сибилянтов: глухие смычные с большей вероятностью аффрицируются, звонкие аффрикаты, напротив, с большей вероятностью теряют смычку [Żygiś et al. 2012: 1]. Отмечалось и то, что носители языка лучше различают глухие аффрикаты, чем звонкие [Carrera-Sabaté 2009: 77].

Сама по себе артикуляция аффрикат считается очень нестабильной, и между разными её случаями часто наблюдаются сильные различия. Как показывают опыты, подобная нерегулярность «размыкания» смычки перед фрикативной фазой вызвана в основном сцеплением, вызванным слюной [Buttler 1964: 267–273].

Аффрикаты в спонтанной речи

Реализация аффрикат в спонтанной речи на данный момент мало изучалась отдельно, однако аффрикаты затрагиваются в исследованиях по фонетике спонтанной речи на материале различных конкретных языков. Так, в посвящённой редукции звуков испанской спонтанной речи статье [Aguilar et al. 1993] приведены результаты по всем звукам, присутствующим в стандартном испанском, в том числе и по аффрикате [tʃ]: указано, что в своём материале авторы наблюдали её озвончение, а также утрату смычки и деаффрикацию [Aguilar et al. 1993: 436]. В работе [Greenberg et al. 1996] приводится статистика и сделана попытка выведения средних значений длительности и частотности различных звуков, включая аффрикаты, в корпусе американской английской спонтанной речи.

Аффрикаты упоминаются в исследовании [Pfau 2009], где отмечено, со ссылкой на работы В. Фромкин, что в спонтанной речи переходов аффрикат в сочетании «смычный + щелевой» найдено не было.

Восприятие аффрикат (как правило, наряду с восприятием других звуков) в спонтанной речи рассматривается в работах по психолингвистике и психологии, таких, как, например, статья, посвящённая транскрибированию корпуса спонтанной речи [Raymond et al. 2002]; любопытно, что у четверых испытуемых, занимавшихся транскрибированием, было меньше всего разногласий именно относительно аффрикат и фрикативных [Raymond et al. 2002: 2]. Что касается автоматического распознавания речи, в нём различение аффрикат и фрикативных как раз является проблематичным в связи с присутствием и в тех, и в других звуках шумной фазы (см. подробно по данному вопросу статью [Hu, Wang 2005]).

Так как аффрикаты как фонемы чаще всего относят к смычным (см. ранее раздел «Аффрикаты в фонологическом аспекте»), наиболее подробно они рассматриваются в работах, посвящённых данному классу звуков. Такова, например, статья [Chuang, Fon 2010], где исследуется влияние просодики на

реализацию глухих дентальных и ретрофлексных сибилантов в китайской спонтанной речи билингвов Тайваня. Из шести таких сибилантов в изучаемом материале четыре являются аффрикатами. В фокусе статьи находится смешение дентальных и ретрофлексных звуков в спонтанной речи в связи с отсутствием ретрофлексных в миньском языке – языке повседневного общения информантов [Chuang, Fon 2010: 1].

Однако, как уже было сказано выше, аффрикаты в спонтанной речи крайне редко становятся отдельным предметом изучения. Как один из немногих примеров такого исследования можно привести диссертацию М. Г. Васильевой на тему «Сложные согласные звуки в фонетическом и фонологическом отношении (экспериментально-фонетическое исследование на материале халха-монгольского, бурятского и русского языков)» (см. [Васильева 2003]), но и в ней спонтанность изучаемого потока речи не является ключевым критерием отбора материала.

Прежде чем перейти к материалам нашего исследования, следует упомянуть методы исследования аффрикат.

Фонетические методы исследования аффрикат

Отдельных фонетических методик для исследования аффрикат на данный момент не разработано (см. выше раздел «Аффрикаты в спонтанной речи»); соответственно, в настоящее время они изучаются при помощи методик, применимых также и к любым другим звукам.

Прежде всего это экспериментальные методики, так как в фонетике вообще и фонетике спонтанной речи в частности исследование без эксперимента практически невозможно. В настоящее время распространение и доступность звукозаписывающих аппаратуры и программ сильно облегчило подготовку фонетического эксперимента (см. далее раздел «Методика исследования» о данном этапе в нашей работе).

Однако для подробного исследования «физической структуры речевой волны», как этот аспект охарактеризовал Г. Фант [Фант 1964: 34], если, к примеру, необходимы данные о состоянии ротовой полости в момент произнесения (как, например, при эксперименте, описанном в [Buttler 1964]), по-прежнему требуется организация лабораторной обстановки. Поэтому подобных работ крайне мало, а на материале спонтанной речи подобный эксперимент пока что не проводился, скорее всего, именно потому, что в лабораторных условиях даже формально неподготовленная речь диктора звучала бы не так, как звучит при повседневном общении.

Подбор дикторов зависит от целей и задач конкретного исследования, поэтому общих правил достаточно мало. Если исследование не посвящено особенностям детской речи или произношению людей с речевыми дефектами или поражениями головного мозга, дикторами должны быть взрослые люди без серьёзных повреждений речевого аппарата. В настоящее время, как и в любой области науки, обязательно требуется добровольное согласие испытуемых на участие в эксперименте.

В фонетических исследованиях как в середине XX в. [Brooks 1964], так и в наши дни [Tserdanelis, Joseph 2015] наблюдается тенденция избегать очень большого количества информантов. Так, у М. Брукс, которой была необходима литературная польская речь, было два информанта [Brooks 1964: 208], у Й. Цернаделиса и Б. Джозефа, занимавшихся четырьмя балканскими языками, их было шестнадцать: семь носителей греческого, трое – румынского, четверо – албанского, двое – болгарского [Tserdanelis, Joseph 2015]. В [Bondarko et al. 2003] говорится о пяти носителях русского языка, участвовавших в эксперименте [Bondarko et al. 2003: 2973], в [Балшайтите 2010] – о двух записанных автором русско-литовских билингвах [Балшайтите 2010: 19], и т. д. Это связано с тем, что транскрибирование представляет собой крайне трудоёмкую задачу, и при большом количестве информантов одному или двум исследователям физически невозможно выполнить эту работу в

сжатые сроки. Поэтому предпочтение отдаётся выбору одного или нескольких репрезентативных информантов и дальнейшей работе с ними.

Запись рекомендуется проводить по возможности при отсутствии посторонних шумов (например, эксперимент, описанный М. Брукс, проходил в звуконепроницаемом помещении [Brooks 1964: 208]), но в наши дни, с ростом интереса к спонтанной речи, не всегда можно создать подобные условия, поэтому посторонние шумы, если они не затрудняют идентификацию звуков, допустимы⁸. Так, к примеру, один из основных источников материала для исследований лаборатории моделирования речевой деятельности СПбГУ – теле- и радиопередачи [Венцов и др. 2013: 225].

Как правило, при фонетическом эксперименте может проводиться запись: спонтанной речи, подготовленной речи, чтения текста вслух (чтение также может быть спонтанным или подготовленным) и/или произношения изолированных слов или фраз (в виде ответов на вопросы из фонетической анкеты или же зачитывания предоставленного экспериментатором списка). Описание записи спонтанной речи приведено, например, в [Bondarko et al. 2003: 2973], описание записи материала для фонологического исследования аффрикат дано, к примеру, в [Brooks 1964: 208], где изолированные фразы, которые информанты должны были прочесть, содержали лексемы, представляющие собой минимальные пары «аффриката/смычный + щелевой».

Записанная речь транскрибируется – этот процесс может также представлять собой отдельный эксперимент в случае, если исследование направлено в том числе на восприятие и распознавание звуков (см., к примеру, [Raymond et al. 2002]).

⁸ В используемых при анализе речи компьютерных программах, например, в Sound Forge и Wave Assistant, часто присутствует опция удаления шума, однако применять её не рекомендуется, так как вместе с посторонним шумом могут быть удалены ффрикативные согласные. Даже если предметом исследования являются не они, это неизбежно приведёт к искажению всей первоначальной картины. Стоит отметить, что конкретно для нашего исследования это было весьма актуально, так как наш основной информант часто говорил очень тихо, вследствие чего иногда, как мы ни усиливали звук, на спектрограммах сложно было увидеть что-то, кроме гласных и шума.

В случаях, когда цель изучить распознавание звуков носителями языка, не знакомыми с лингвистикой, отсутствует, транскрибирование обычно проводится опытным фонетистом, чаще всего самим исследователем; автоматическое распознавание сегментов речи возможно, но в настоящее время не используется (за исключением случаев, когда работа посвящена его особенностям и сравнением результатов автоматической и ручной сегментации – например, [Kipp et al. 1997]). Попытки автоматического транскрибирования приводили к появлению многочисленных ошибок [Венцов, Слепокурова 2012: 35].

Долгое время построение спектрограмм и осциллограмм, крайне важных при транскрибировании и фонетическом анализе, проводилось при помощи специальных приборов – спектрографов и осциллографов соответственно, обращению с которыми необходимо было учиться отдельно. Работа с такой аппаратурой всесторонне описана, например, в [Бухтилов и др. 1970; Григорян 1970] и т. п.

Но в настоящее время, как уже было отмечено выше, есть широкий выбор программ, широко применяющихся в инструментальной фонетике и не требующих каких-то особых технических навыков от исследователя, и сейчас речевой сигнал, как правило, транскрибируется с опорой на спектро- и осциллограммы, созданные при помощи именно компьютерных программ, таких, как Sound Forge, Speech Analyzer, Wave Assistant, PRAAT и др. Подробное описание методик транскрибирования можно найти в трудах сотрудников упомянутой ранее лаборатории моделирования речевой деятельности СПбГУ [Апушкина и др. 2009; Венцов, Слепокурова 2010; Венцов и др. 2013; Evgrafova et al. 2015; Нигматулина, Раева 2016; Нигматулина 2017].

При создании транскрипции может возникнуть дополнительная проблема разграничения аффрикат и сочетаний «смычный + щелевой», не составляющих единого звука (см., например, [Brooks 1964], где единственным

критерием различения этих сегментов речи на польском материале стала относительная длительность фрикативной фазы [Brooks 1964: 209]).

Аудиозаписи могут быть помещены в какую-либо базу данных (такую, как, к примеру, упомянутую выше в разделе «Аффрикаты в типологическом аспекте» базу данных инвентарей фонологических сегментов) для дальнейшего изучения. Некоторые подобные базы данных (такие, как корпус болгарских диалектных текстов «Болгарская диалектология как живая традиция», англ. «Bulgarian Dialectology as Living Tradition», www.bulgariandialectology.org) снабжены записью файлов в транскрипции, однако при использовании таких материалов всегда рекомендуется перепроверка этой записи, так как риск появления ошибок высок и при ручном транскрибировании [Венцов, Слепокурова 2012: 37].

С помощью вышеназванных компьютерных программ возможно измерение длительности, интенсивности и др. параметров аффрикат. Как правило, за измерением следует сведение его результатов в статистическую таблицу или таблицы (см. [Brooks 1964] и др.).

Перейдём к материалам, которые использовались в нашем исследовании; после чего будет дано описание применения к ним вышеописанных методов.

2. Материал исследования

Албанский язык

Из истории албанцев и албанского языка

Албанский язык – язык, относящийся к индоевропейской семье и представляющий собой отдельную группу, т. е. не имеющий ближайших родственников [Десницкая 1968: 8]. Основным ареалом расселения его носителей являются территории Албании, частично признанной Республики Косово, юга Сербии, Черногории, Македонии и северо-западных регионов Греции. Что касается албаноязычного населения в других местах, принято разделять его на диаспору (потомков ранних волн миграции, проживающих в прочих районах Греции, в Италии, на побережье Далмации, в Болгарии, на Украине) и мигрантов (албанцев в других странах, таких, как США, Австралия и Аргентина, куда они начали активно переселяться лишь со второй половины XIX в. и позже) [Десницкая 1968: 11–14; Жугра, Сытов 1990: 46–47; 52–59]. Албанский язык подразделяется на две большие группы диалектов – гегскую (северную) и тоскскую (южную); их граница проходит по реке Шкумбин в Албании [Десницкая 1968: 39].

Древняя история албанцев является предметом споров. Основные существующие гипотезы – т. н. иллирийская и фракийская – возводят происхождение албанского народа соответственно к иллирийцам и фракийцам, двум палеобалканским народам. Иллирийская поддерживается прежде всего в Албании, в том числе по политическим причинам, так как территория расселения иллирийцев во многом совпадает с современной территорией албанцев. Фракийская, однако, также активно поддерживается, например, в сербохорватской⁹ традиции: так, например, в [Barić 1959: 30]

⁹ В настоящей работе «сербохорватский язык» является обобщающим термином для современных сербского, хорватского, а также не всеми признаваемых боснийского и черногорского языков.

указано, что «албанский язык¹⁰ в своей основе – несомненно, какой-то фракийский диалект» (перевод и курсив наш – А. Х.).

На данный момент найдено крайне мало источников иллирийского и фракийского языков – в основном это передача заимствованных из них лексем в античных словарях (примеры таких словарей приведены, например, в [Barić 1959; Çabej 1976]). Есть ряд албанских и общепалланских лексем, этимологию которых возводят к иллирийскому или фракийскому: так, например, принято связывать название палеобалканского племени дарданов (лат. *Dardani*) с алб. *dardhë* ‘груша, грушевое дерево’; в [Çabej 1976: 26] это приведено как пример иллирийского наследия в албанском¹¹. Задokumentированная фракийская лексема *amalusta* ‘ромашка’ соотносится с алб. *ambël* (гег.)/*ëmbël* (тоск.) ‘сладкий’ (об основных различиях между гегской и тоскской диалектными зонами см. далее) [Çabej 1976: 31].

Безусловных строго лингвистических доказательств какой-либо из гипотез не существует [Десницкая 1968: 8; Десницкая 1990: 8].

Одним из аргументов против иллирийской гипотезы является отсутствие в албанском языке исконной мореплавательной и рыболовной терминологии, несмотря на то, что страна расположена вдоль побережья Адриатического и Ионического морей. Это позволяет думать, что на свою нынешнюю территорию албанцы мигрировали из глубины материка [Barić 1959: 29].

В качестве аргумента в пользу фракийской гипотезы приводится также то, что фракийский, как и современный албанский, относился к языкам группы «сатем», в то время как иллирийский, как считается, был языком группы

¹⁰ «Arbanaški jezik je u osnovi nesumnjivo jedan trački dijalekat». Необходимо отметить, что *arbanaški jezik*, *arbanasi* – устаревшие термины сербской балканистики, обозначающие албанский язык и албанцев. В нашей работе мы переводим его общепринятым в российской традиции терминами «албанский язык», «албанцы», за исключением тех случаев, когда они несут явную стилистическую маркированность.

¹¹ О том, к какому палеобалканскому племенному объединению относились дарданы (к иллирийцам или фракийцам), есть разные мнения. Хотя Чабей относит их к иллирийцам, в других источниках, например, [Mócsy 2014], высказана противоположная точка зрения и, кроме того, упомянута вражда дарданов с иллирийцами [Mócsy 2014: 9].

«кентум» (пример такой аргументации разобран в [Çabej 1976: 32]). Тем не менее, сторонники иллирийской гипотезы (по крайней мере, принявшие её как рабочую; например, А. В. Десницкая) утверждают, что для протоалбанского языка была характерна «непоследовательная сатемность», которой отличались языки в центре позднеиндоевропейского ареала, на стыке ареалов группы «кентум» и группы «сатем» [Десницкая 1990: 8–9].

В книге Й. Тунманна «Исследования по истории восточноевропейских народов» (нем. «Untersuchungen über die Geschichte der östlichen Europäischen Völker»; [Thunmann 1774]), которая многими считается первым исследованием по лингвистике балканских языков вообще [Friedman 2000: 1] (подробнее см. ниже раздел «Исследования албанского языка»), впервые затрагивается этот вопрос:

Они [албанцы] – потомки древних иллирийцев, так же, как их соседи-влахи¹², древнейшей истории которых я коснусь далее, являются детьми фракийцев. Эти высказывания я попытаюсь обосновать, насколько возможно. Не всегда весь народ, который проживает между Ионическим морем и Македонией ... и говорит на албанском, носил имя албанцев. Прежде оно принадлежало только маленькому племени, места проживания которого располагались в Македонской Иллирии ... Греки, которые сперва столкнулись с собственно албанцами как с независимым, воинственным и занимающимся скотоводством народом, сделали их название общим названием для остальных жителей гор Греческой Иллирии и Эпира, у которых были общий с албанцами язык и стиль жизни¹³ [Thunmann 1774: 240–242; перевод наш – А. Х.].

¹² Об этнониме «влахи» см. далее главы «Из истории арумын и арумынского языка», «Исследования арумынского языка».

¹³ Sie sind Nachkömmlinge der alten Illyrier, so wie ihre Nachbarn die Wlachen, deren älteste Geschichte ich nachher berühren will, Kinder der Thracier sind. Diese Sätze will ich so gut, als es möglich ist, zu beweisen suchen. Nicht immer wurde das ganze Volk, welches zwischen dem Ionischen Meere und Macedonien ... wohnt, und Albanisch spricht, mit der Namen Albaner belegt. Vormalß gehörte er nur einer kleinen Völkerschaft, die in dem Macedonischen Illyrien ... ihre Wohnsitze hatte ... Die Griechen, die zuerst die eigentlichen Albaner, als ein unabhängiges, kriegerisches und dem Hirtenleben ergebenes Volk kennen lernten, machten ihren Namen zu einem allgemeinen Namen der übrigen Bergbewohner des Griechischen Illyriens und des Epirs, die mit den Albanern von gleicher Sprache und Lebensart waren [сохранена орфография источника].

Через семьдесят лет после Тунманна Й. фон Ксиландер в «Языке албанцев или шкипетаров¹⁴» (нем. «Die Sprache der Albanesen oder Shkipetaren», [Xylander 1835]) высказался более осторожно, назвав албанцев «потомками находившихся в родстве с фракийцами иллирийцев» [Xylander 1835: v]; последователи объединяющей основные точки зрения гипотезы об «иллиро-фракийском» происхождении албанского появлялись и в дальнейшем [Десницкая 1968: 8].

В нашей работе мы будем преимущественно опираться на иллирийскую гипотезу, так как приводимые её сторонниками аргументы кажутся нам наиболее состоятельными.

В территорию расселения иллирийцев, как было упомянуто выше, входила и территория современной Албании, однако, согласно большинству мнений, их ареал ею не ограничивался. Древние историки, такие, как Страбон, указывали, что иллирийцы проживали от Истрии до Ионического моря. В [Çabej 1976] приведены источники, сообщающие, что иллирийские поселения простирались на север вплоть до Паннонии, Австрии и Венгрии [Çabej 1976: 21]. Впрочем, определение границ расселения этого племени затрудняется тем, что под названием иллирийцев могли объединять истров, либурнов, далматов и другие палеобалканские народы [Çabej 1976: 22].

Существует также традиция возводить иллирийцев, в свою очередь, к ещё более древнему племени пелазгов (*pellazgët*) [Zenelaj 2017], или праиллирийцев (*parailirët*) [Korkuti 2003], подтверждения существования которых находят в различных источниках вплоть до книг Ветхого Завета [Zenelaj 2017: 28]. Как мы считаем, свидетельства в пользу происхождения от них иллирийцев недостаточны сильны, чтобы можно было говорить о его достоверности, и в литературе подобные предположения не считаются

¹⁴ Этноним *shqiptar* ‘албанец’ и его варианты в настоящей работе переводятся с албанского как «албанец», в случае перевода с языка, где традиционно принято другое обозначение албанцев и/или слово *shqiptar* является стилистически маркированным, транслитерируются.

научными – так, с подобным предположением не согласен один из признанных авторитетов по истории албанского языка Ш. Демирай [Demiraj 2008: 51].

Сведениями о племенах мы располагаем главным образом благодаря греческим историкам, так как у греков были интенсивные контакты с соседями. Иллирийские области колонизировались греками: так, в 685 г. до н. э. дорийцами был основан Эпидамн (современный Дуррес). В Иллирию из Греции импортировали оружие, ювелирные украшения и другие товары [Çabej 1976: 46].

О других контактах иллирийского языка мы знаем крайне мало, в основном имея возможность судить о них по современному состоянию индоевропейских языков и по реконструкции их развития – так, например, неоднократно отмечается сходство изменений, которым подверглись реконструируемые индоевропейские фонемы в албанском и армянском языках (см., например, [Kortlandt 2013: 15]).

Одним из иллирийских племён были албаны (*Ἀλβανοί*), упоминающиеся, например, во II в. у Птолемея вместе с местом проживания – Албанополем (по мнению некоторых исследователей, примерно соответствующим современной Круе) [Barić 1959: 19].

В албанском языке сохранились следы раннего влияния греческого и латинского языков. Из древнегреческого были заимствованы такие лексемы, как *tokër* (тоск.)/*tokën* (гег.) ‘жёрнов’ – ср. др.-греч. *μηχανή* ‘орудие’ (передача /x/ через /k/ – один из характерных признаков древности греческих заимствований) [Çabej 1976: 47; Demiraj 1997: 37].

В III в. до н. э. одним из самых могущественных иллирийских племён были ардиеи (или вардеи [Страбон 1967: 287–288]), чьё государство достигло расцвета во времена царя Агрона, правившего примерно в 250–230 гг. до н. э., о котором упоминают такие античные историки, как, например, Аппиан [Appian 1962: 331–332]. После его смерти начался период борьбы Иллирии и Рима, основными вехами которого являются Иллирийские войны – Первая (229–228 гг. до н. э.), Вторая (219–216 гг. до н. э.), в результате которой царь

Плеврати стал римским вассалом, и Третья (168–167 до н. э.), завершившаяся падением иллирийской монархии и сдачей в плен последнего царя ардиеев Гентия в 168 г. до н. э. [Çabej 1976: 50; Десницкая 1987: 12].

Несмотря на это, Иллирия долго не подчинялась римской власти – так, например, известно о восстаниях далматов в 156 г. до н. э. (было в том числе совершено нападение на римских послов), ардиеев в 135 г. до н. э. и т. д. [Dzino 2010: 24]. Тем не менее, фактически Иллирия со II в. до н. э. считалась римской провинцией (она в основном упоминается в латинских источниках как Иллирикум, лат. *Illyricum*), в городах на побережье Адриатики проживало римское население; в современных исследованиях (таких, как [Goldsworthy 2006]), говоря о провинциях, также подразумевают в том числе и Иллирию.

В 49–48 г. до н. э. на балканских территориях и, в частности, на территории современной Албании шли сражения гражданской войны между Юлием Цезарем и Помпеем Великим. Цезарь позже писал, что жители городов Орика и Аполлонии отказались сражаться против него и атаковали гарнизоны, оставленные Помпеем. При Диррахии (совр. Дуррес), где располагалась основная база Помпея, Цезарь потерпел серьёзное поражение [Goldsworthy 2006: 410–422].

Октавиан Август в 35–33 гг. до н. э. лично возглавлял войска римлян в ходе новой войны с Иллирией. Хотя его основными целями были не столько завоевания новых территорий, сколько установление собственной репутации полководца (в это время ещё не завершилось его противостояние с Марком Антонием), он дошёл до побережья Савы и добился капитуляции далматов [Bowman et al. 2008a: 172–173]. В 29 г. до н. э. он издал указ о включении Иллирикума в число провинций империи [Десницкая 1987: 12]. В 16 г. до н. э. в римских владениях на Балканах вновь начались волнения и нападения независимых племён, что привело к серии новых войн под командованием сначала Агриппы, затем Тиберия. Покорение балканских провинций – Далмации, Иллирикума и Паннонии – завершилось только к 10 г. н. э.

[Bowman et al. 2008a: 174–178] (см. карту провинций и населяющих их племён по [Bowman et al. 2008a: 561] на рис. 1).

Рис. 1. Римские провинции на побережье Адриатического моря

В качестве римской провинции Иллирикум играл важную роль в экономике империи благодаря своему расположению по берегу Адриатического моря. Именно в Иллирикуме находились важнейшие порты – такие, как Аполлония и Диррахий (Дуррес), самый большой портовый город Адриатики; кроме того, в Диррахии начиналась Эгнатиева дорога (лат. *Via Egnatia*), построенная ещё во время войн Римской республики с Иллирией во II в. до н. э. крупная транспортная артерия, проходившая через все Балканы и соединявшая Диррахий с Византием (позднее Константинополь, совр.

Стамбул) [Десницкая 1987: 12; Hidri, Hidri 2014: 96]. В провинции активно велась торговля с центром империи, что способствовало её романизации [Korkuti 2003: 78].

«Римское завоевание балканских областей, иначе говоря, начало I тыс. н. э.», согласно А. В. Десницкой – завершение периода протоалбанского (или праалбанского) языка [Десницкая 1990: 5]. После него началось формирование древнеалбанского, которое, как предполагает Десницкая, могло носить характер креолизации в связи с римским господством, которое, соответственно, повлекло за собой распространение латыни и массовые латинские лексические заимствования в албанский (хотя, что любопытно, заимствований на грамматическом уровне обнаружено не было) [Десницкая 1990: 10].

Латинизмы в албанской лексике представлены крайне широко и охватывают необычайно много сфер значений [Десницкая 1990: 11], в том числе базовую лексику (лат. *factura* ‘создание, творение’ – алб. *fytyrë* ‘лицо’), названия месяцев (лат. *Augustus* ‘август’ – алб. *gusht*) и т. д. [Çabej 1976: 55]. При заимствовании слова из латыни происходили такие фонетические процессы, как, в частности, упрощение групп согласных (лат. *directo* ‘прямо’ – алб. *drejt*). В албанских латинизмах сохранилось исконное краткое /u/, которое, например, в итальянском перешло в /o/: лат. *pullus* ‘курица’ – алб. *pulë*, ср. ит. *pollo* [Çabej 1976: 54]. Латинское /s/ в албанских заимствованиях передаётся как /ʃ/ (лат. *sagitta* ‘стрела’ – алб. *shëgjetë*), однако насчёт того, произошёл этот переход непосредственно при заимствовании или уже после него, есть разные мнения [Русаков 1987: 130].

По мнению А. В. Десницкой, «положение их [латинизмов] в лексической системе равноправно с положением унаследованных ею протоалбанских элементов» [Десницкая 1990: 10].

При разделе Римской империи Албания отошла восточной части и впоследствии долгое время оставалась под контролем Византии. В связи с этим, обширный пласт албанской культурной лексики составляют

заимствования из средне- и новогреческого – в сфере религиозной терминологии (*manastir* ‘монастырь’, *ajazëm* ‘святая вода’), общественной жизни (*flamur* ‘знамя’) и др. [Çabej 1976: 48; Жугра, Сытов 1990: 66]. Албанцы упоминаются в византийских источниках – например, у Анны Комнины [Çabej 1976: 85].

VI–VII вв. датируется приход славян на Балканы. Славянские поселения возникли в основном в долинах рек средней и юго-восточной Албании; впоследствии их жители ассимилировались с албанцами. Влияние славянского языка на албанский проявилось, в частности, в заимствовании сельскохозяйственной терминологии (например, *lopatë* ‘лопата’) [Çabej 1976: 61; Жугра, Сытов 1990: 52].

Известно, что уже в конце XIV в.–начале XV в. имелась албанская диаспора в Греции. С середины XV в. в связи в первую очередь с османским завоеванием балканских регионов начинается активная миграция албанского населения в Италию, где и в наши дни живёт крупная диаспора т. н. арбрешей [Çabej 1976: 89–90].

Завоевание Албании Османской империей началось в XIV в. и завершилось в XV–XVI в., с ним же связано начало интенсивного турецкого влияния на албанский язык. Турцизмы представляют собой крайне многочисленную группу, включающую лексемы из сфер торговли (*pazar* ‘базар’), быта (*tavan* ‘потолок’), исламской религиозной терминологии (*xhami* ‘мечеть’) и т. д. [Жугра, Сытов 1990: 66]

К XV–XVI вв. относится и начало письменной фиксации албанского языка. Первые албаноязычные тексты – в основном духовной и особенно богослужебной направленности. Они были написаны шкодранскими католиками и, как правило, изданы в Италии, где существовали учебные заведения для албанского духовенства и велась поддержка католической миссии в Албании (подробнее о ранней албанской письменной традиции см., например, [Berisha 2015]). Миссал (служебник) священника Гьона Бузука (издан в 1555 году) – самая ранняя из дошедших до нас подобных книг. Далее

следует отметить имена Пьетра Буди, Франга Барди и Андреа и Пьетра Богдани – они, однако, помимо собственно создания духовной литературы на албанском, ставили перед собой и некоторые конкретно лингвистические задачи: так, Буди издал албанскую грамматику, Барди – латино-албанский словарь, А. Богдани также написал грамматику, впоследствии утраченную [Gosturani 1999: 76–80].

Как считается, к XVIII веку окончательно оформились современные албанские диалектные зоны, гегская на севере Албании и тоскская на юге (часто для удобства обобщённо называемые гегским и тоскским диалектами). Между ними до наших дней существует ряд основных различий, по которым можно разграничить их достаточно чётко. В первую очередь это различия в области фонетики:

- оппозиция по долготе-краткости гласных в гегском
- наличие в гегском носовых гласных
- тоск. [ə] (ĕ) – гег. [ã]
- тоск. *ua* – гег. *ue, ū*
- тоск. *va-* – гег. *vo-* (в небольшом числе слов, например, *vatër/votër* ‘очаг’)
- тоск. *mb, nd* – гег. *m, n*
- основное различие – тоскский ротацизм, переход интервокального *n* в *r* в тоскских диалектах

Из грамматических различий наиболее существенны наличие в гегских диалектах инфинитива (в тоскских, что закономерно для балканских языков, его заменяет сослагательное наклонение) и разные способы образования будущего времени (в гегских диалектах – через глагол ‘иметь’, в тоскских – через ‘хотеть’) [Десницкая 1968: 40–47].

До середины XIX в. албанские письменные традиции так и оставались, как правило, ограниченными регионально и конфессионально – католическая на севере, православная в центральных и южных областях страны, исламская (с использованием арабского алфавита) – также на юге [Жугра, Сытов 1990:

83]. Однако в XIX в., как следствие подъёма национального самосознания албанцев, началось активное движение за создание единого литературного языка, которое достигло кульминации в конце XIX–начале XX в. Этот период традиционно называется албанским Возрождением, с ним связаны прежде всего имена поэтов, писателей и публицистов Наима Фрашери, Сами Фрашери, Константина Кристофориди. Задачи деятелей Возрождения включали в себя разработку единого алфавита (в конце концов в 1908 г. был принят алфавит на основе латиницы, который используется до наших дней), разработку орфографических норм, обогащение лексического состава языка. Многие неологизмы, созданные в этот период, прочно вошли в язык – *kryeqytet* ‘столица’, *folja* ‘глагол’ и др. [Жугра, Сытов 1990: 83–88].

В 1912 г. Албания провозгласила независимость. В период до Второй мировой войны литературным стандартом, в соответствии с общей тенденцией периода Возрождения и с решением действовавшей в 1916–1917 гг. «Литературной комиссии» в Шкодре, считался южногегский (эльбасанский) вариант языка. Однако после 1940-х гг., освобождения Албании от оккупации фашистской Италией и создания коммунистического государства, была установлена преимущественно тоскская литературная норма, которая используется и сейчас [Жугра, Сытов 1990: 88–90].

Исследования албанского языка

Согласно Дж. Гостурани, автору книги по истории албановедения, развитие албанистики можно разделить на четыре основных периода: первый, длившийся с конца XVI до начала XIX в., второй – с начала XIX в. до 1912 г. (провозглашение независимости Албании), третий – с 1912 по 1944 г., четвёртый – с 1944 г. [Gosturani 1999: 73–74]

В XVI в., в связи с укреплением национальных государств и с усилением торговых связей, среди европейских учёных пробудился интерес к

малоизвестным ранее языкам [Алпатов 2005: 43]; тогда в создаваемых ими классификациях языков впервые упоминается албанский (иногда под названием «эпирский») [Gosturani 1999: 75].

Появление первых описаний албанского языка (в частности, в «Исследованиях по истории восточноевропейских народов» Тунманна) иногда отождествляется с зарождением балканского языкознания как такового – с этой точкой зрения полемизирует В. Фридман [Friedman 2000: 1], утверждая, что работа Тунманна, при всей её ценности, имеет сугубо описательный характер (равно как и издания Новой Академии в Воскопое, на которых основывался Тунманн, см. далее разделы «Исследования арумынского языка», «Арумыны в Албании. Говор наших информантов») и поэтому не может быть названа лингвистическим исследованием.

В конце XVIII в. (определение точной даты проблематично) был опубликован разговорник Даниила Москополенского, где параллельно давались данные четырёх языков, которые сам Даниил называл *Ρωμáικα*, *Βλάχικα*, *Βουλγάρικα*, *Αλβανίτικα* ‘ромейский, влашский, вульгарный, алванитский’, подразумевая под ними в современном понимании соответственно греческий, арумынский, славянский и албанский [Friedman 2000: 1]. Разговорник приобрёл известность в Европе: так, он был частично скопирован английским дипломатом Уильямом Мартином Ликом в его книге «Исследования в Греции» (англ. «Researches in Greece», Лондон, 1814). Наиболее подробное комментированное издание разговорника, имеющееся в нашем распоряжении – [Stylos 2011].

Первой работой именно по балканской лингвистике Фридман называет «Албанский, валахский и болгарский язык» (нем. «Albanische, walachische u. bulgarische Sprache»; [Kopitar 1945 (1829)]) В. Копитара¹⁵ [Friedman 2000: 1]. Библиография по албанскому языку во вступительной части у Копитара

¹⁵ Имя Копитара (в связи с тем, что он был австрийцем словенского происхождения) встречается в двух написаниях – Ерней или Варфоломей. Нами принят вариант «Варфоломей» как наиболее распространённый в отечественных источниках, таких, как, например, сайт Российской академии наук.

приведена крайне короткая, наибольшее внимание уделено исследованиям Лика, так как они, по мнению Копитара, наиболее плодотворны и познавательны и, кроме того, Лик при описании албанского пользовался помощью носителей языка [Копитар 1945 (1829): 234–235].

Копитар отмечал, что албанский язык «всё равно что бесписьменный», так как ни один из использующихся в балканских странах алфавитов не может полностью отразить его звуки [Копитар 1945 (1829): 255].

Основная лингвистическая ценность статьи Копитара заключается в том, что он впервые сформулировал идею о сходстве грамматической структуры балканских языков (он сам говорил о полном её единстве):

Итак ... к северу от Дуная в Буковине, Молдавии и Валахии, Трансильвании, Венгрии, дальше, по другую сторону Дуная, в собственно Болгарии, затем во всей горной цепи Хемус¹⁶, в широком, старом значении этих гор, от одного моря до другого, в горах Македонии, в Пинде и по всей Албании господствует *единая языковая форма*, но с тремя языковыми *материями* (из них лишь одна местная, две другие принесённые извне с востока и запада) [Копитар 1945 (1829): 253; перевод наш – А. Х.]¹⁷.

После Копитара из исследований по албанскому языку следует выделить работы по сравнительно-исторической лингвистике Ф. Боппа, который доказал, что албанский относится к индоевропейской языковой семье [Ворр 1855: 1]. Некоторые исследователи считают отправной точкой албанистики как науки именно этот труд Боппа [Гирфанова 2009: 37].

Тезис Копитара развивает Ф. Миклошич, в чьей статье «Славянские элементы в румынском» (нем. «Die slavischen Elemente im Rumunischen»); под

¹⁶ В наши дни – Стара-Планина, также Балканские горы; горный хребет в Болгарии и Сербии, естественная граница между Северной и Южной Болгарией.

¹⁷ So daß ... nördlich der Donau in der Bukowina, Moldau und Walachey, Siebenbürgen, Ungern, ferner, jenseits der Donau in der eigentlichen Bulgarey, dann in der ganzen Alpenkette des Hämus, in der ausgedehntesten alten Bedeutung dieses Gebirges, von einem Meere zum andern, in den Gebirgen Macedoniens, im Pindus und durch ganz Albanien nur *eine Sprachform* herrscht, aber mit dreyerley *Sprachmaterie* (davon nur eine einheimisch, die zwey andern fremdher, von Ost und West eingebracht sind) [сохранена орфография оригинала].

румунским он понимает все восточнороманские языки) впервые приводится список явлений, объединяющих балканские языки и в настоящее время называемых балканизмами [Miklosich 1861: 6–8]. Однако албанский в статье Миклошича упоминается лишь в одной из частей, посвящённой автохтонному (в терминологии Миклошича – «древнему исконному», *alteinheimisch*) элементу в румынском, и приводится для сравнения.

В 1923 г. Н. С. Трубецким было предложено ныне прочно вошедшее в лингвистическую терминологию понятие языкового союза – группы языков, в грамматическом строе которых, а также в культурной лексике и звуковой системе, обнаруживаются значительные сходства, но которые при этом не связаны генетическим родством. Балканский языковой союз был приведён Трубецким в качестве примера такого явления [Трубецкой 1923: 124].

На рубеже XIX–XX вв. албанский в основном был предметом изучения индоевропеистов и рассматривался именно со сравнительно-исторической точки зрения – как, например, в работах Х. Педерсена, из которых можно выделить посвящённую индоевропейским гуттуральным в албанском статью [Pedersen 1900]. Весьма важную роль в развитии албанистики сыграл Г. Мейер, создатель, помимо книг по общей индоевропеистике [Meyer 1875], первого албанского этимологического словаря [Meyer 1891] и албанской грамматики с текстами для чтения [Meyer 1888].

Ключевой фигурой для албанистики первой половины XX в. можно назвать Н. Йокля, посвятившего много исследований истории албанского языка и албанцев, албанской этимологии и исторической фонологии и др. Значительная часть его работ (частично в переводе, частично в виде репринта с немецкоязычных журналов) была недавно издана Академией искусств и наук Приштины в сборнике [Jokl 2017]. Йокль работал над этимологическим словарём албанского языка, который стал бы расширением и продолжением работы Г. Мейера, однако этот словарь остался незавершённым в связи с арестом и убийством Йокля нацистами [Jokl 2017: ii].

Сравнительно-исторические исследования были продолжены студентом Йокля Э. Чабеем [Çabej 1958; Çabej 2012 (1962); Çabej 1965; Çabej 1972; Çabej 1976].

Очень рано был обнаружен ряд сходжений албанского языка с восточнороманской группой. Они присутствуют и в области лексики, в том числе палеобалканских корней, и в области грамматики, например, в образовании неопределённых местоимений [Çabej 1965: 106–108]. Более того, есть даже фонетические законы, действовавшие схожим образом в албанском и восточнороманской группе: к примеру, закон Мейера – выпадение интервокального смычного (ср. лат. *civitas* ‘город’ - алб. *qytet*; подробный анализ данного закона см. в [Demiraj 2001]).

Вкупе с обилием латинских и итальянских заимствований это долго давало повод считать албанский язык романским – так, в грамматике Мейера-Любке [Meuer-Lübke 1890] он описывается наравне с прочими языками этой группы. Впоследствии от этой точки зрения отказались: в работе Чабея, посвящённой албано-румынским параллелям, албанский, несмотря на многочисленность и разнообразие этих параллелей, всё же противопоставляется романским языкам; говорится не о каком-либо общем языке-предке албанского и румынского, а о раннем начале контактов этих двух языков [Çabej 1965: 102].

Хотя албанский язык (в отличие от арумынского, см. далее раздел «Арумынский язык») стандартизирован, а его фонетика и фонология изучаются достаточно давно, это изучение по-прежнему ведётся скорее в рамках диалектологической традиции, нежели собственно фонологической. Так, в вышедшем в 2015 году издании «Фонетики стандартного албанского языка» Р. Мемушая (алб. «Fonetika e shqipes standarde», [Memushaj 2015]), хотя во вступительной части даны сведения о Международном фонетическом алфавите (далее – МФА) [Memushaj 2015: 16–18], в дальнейшем транскрипция албанских слов приводится не в соответствии с ним, с использованием таких знаков, как [ë] (в МФА гласный звук среднего ряда среднего подъёма,

обозначаемый данной буквой албанского алфавита, записывается символом [ə]). Сходную ситуацию мы видим в работе «Фонетика и фонология албанского языка» А. Хамити (мак. «Фонетика и фонологија на албанскиот јазик», [Хамити 2008]): при транскрибировании македонских слов используется македонская кириллица, при транскрибировании албанских – албанский алфавит.

Албанская фонетика и фонология в конце XX–XXI вв. изучались и изучаются, как правило, албанскими исследователями – наиболее известны имена Б. Беци [Besic 2004; Besic 2012; Besic 2016], уже упоминавшегося Р. Мемушая [Memushaj 2015], А. Доди [Dodi 2004]; из авторов работ по исторической фонетике и фонологии – К. Топалли [Topalli 1995; Topalli 2003a; Topalli 2003b; Topalli 2004; Topalli 2007], Ш. Демирая [Demiraj 1994; Demiraj 1997; Demiraj 2015], Б. Демирая [Demiraj 2001]. Из современных русскоязычных исследований в области фонетики стоит отметить работы Л. Н. Каминской [Каминская 1997; Каминская 2012], в области исторической фонологии – А. Ю. Русакова [Русаков 1981; Русаков 1987].

Как правило, основными задачами таких исследований являются описание фонологической системы стандартного албанского, описание фонетики какого-либо диалекта или группы диалектов, или же решение какого-то вопроса исторической лингвистики. Фонетика спонтанной речи на албанском материале, насколько нам известно, не изучается, и исследований албанцев-билингвов с точки зрения их фонетики также нет.

В лингвистической базе данных Ethnologue (по состоянию на 31.05.2018) дана краткая информация об албанском языке, указано, что под ним подразумеваются, кроме стандартного албанского, также гегские говоры Сербии, арбрешские говоры Италии и говоры арванитов Греции. Общее число носителей оценивается в 5367000 человек.

В фонетической базе PHOIBLE на 31.05.2018 информация об албанском языке отсутствует.

Аффрикаты в албанском языке

Аффрикаты присутствовали в фонологической системе албанского языка, по данным реконструкций, уже в древнеалбанский период. А. Ю. Русаков в статье, посвящённой проявлениям звуковых законов и фонетических тенденций в албанском языке, утверждает:

Одной из характерных особенностей албанского языка является появление в нём наряду со смычными и фрикативными фонемами довольно богатой системы аффрикат. Развитие аффрикат в албанском демонстрирует нам действие фонетической тенденции на протяжении всей истории албанского языка [Русаков 1981: 192].

Древние аффрикаты (/tʃ/, /dʒ/, /çç/, /ʃj/) возникли в результате ещё индоевропейских фонетических процессов. Можно с уверенностью предполагать, что /tʃ/ и /dʒ/ оставались аффрикатами ещё в эпоху ранних заимствований из славянских языков (VII–VIII вв.) и лишь впоследствии перешли в щелевые /s/ и /z/: так, в *porosis* ‘приказать, предписать’ (от слав. *поржчити*, ср. совр. рус. *поручить*) произошёл такой переход, что свидетельствует о том, что заимствование состоялось раньше него [Русаков 1981: 192].

В настоящее время исследователи сходятся на том, что в албанском языке точно присутствуют аффрикаты /ts/, /dz/, /tʃ/ и /dʒ/, обозначающиеся на письме как *c*, *x*, *ç* и *xh* [Dodi 2004: 74]. Их происхождение различно – они присутствуют в латинских (*lexoj* ‘читать’), поздних романских (*tradicioni* ‘традиция’), славянских (*Pogradec* – название г. Поградец), турецких (*çelik* ‘сталь’, *xham* ‘стекло’) заимствованиях. Кроме того, аффрикаты присутствуют в исторических чередованиях со смычными, появившись в результате палатализации (А. Доди считает её особо важным процессом для развития албанского консонантизма [Dodi 2004: 122]): *plak* ‘старик’ – *pleq* ‘старики’; аффриката /dz/ также может происходить от сочетания *nz*: *zë* ‘держат, занимают’ – *një* ‘сиденье’ [Dodi 2004: 123].

До сих пор спорен вопрос о том, являются ли звуки, обозначаемые в стандартном языке буквой *q* и сочетанием *gj*, аффрикатами или смычными. Э. Чабей в очерке об албанском консонантизме, где об аффрикатах вообще сказано вскользь, называет их смычными, но упоминает, что они аффрицируются в северо-западных гегских диалектах [Çabej 1958: 33]. А. Доди также относит их к смычным [Dodi 2004: 74]. А. Хамити, подробно описывая реализацию аффрикат (т. е. выделяя их как отдельную от смычных разновидность), *q* и *gj* классифицирует как «средненёбные» (т. е. палатальные) смычные [Хамити 2008: 155]. Их аффрикацию он, как и Чабей, считает исключительно гегской диалектной особенностью [Хамити 2008: 178].

Что касается чисто фонетического аспекта вопроса, мы со своей стороны можем утверждать, что в Тиране аффрицированное произношение *q* и *gj* вполне регулярно даже при воспроизведении текстов на стандартном албанском.

Арумынский язык

Из истории арумын и арумынского языка

Арумыны – романский народ, проживающий в Греции, Албании, Румынии, Македонии, Болгарии и Сербии. Их точная численность неизвестна – по причине, во-первых, того, что статус национального меньшинства они имеют только в Македонии, во-вторых, того, что они сами, как правило, идентифицируют себя как представителей титульной нации страны, в которой проживают [Nedelkov 2009: 247].

Этноним «арумын» восходит через французское и румынское посредство к самоназванию этого народа *ar(u)mân* (в свою очередь, происходящее от лат. *romanus*) [Черняк 1990: 192]. В научную литературу термин «арумын» был введён Густавом Вейгандом в его двухтомнике «Арумыны» (нем. «Die Aromunen»); [Weigand 1895; Weigand 1894]).

Другим распространённым названием арумын является имеющий несколько значений термин «влах». Считается, что он восходит к древнегерманскому **walhaz*, первоначально имевшему семантику «чужеземец, незнакомец» [Черняк 1990: 192] и, в свою очередь, заимствованному из кельтских языков как этноним проживавшего в районе современного Шварцвальда кельтского племени вольков [Miklosich 1861: 2; Сухачёв 1990б: 143]. Слова с этим корнем в европейских языках стали обозначать, как правило, носителей кельтских и романских языков или то, что с ними было связано: др.-верх.-нем. *walh* – ‘романец/носитель романского языка’, нем. *Walchsee* – название озера, рядом с которым проживали романцы, англ. *walnut* – ‘грецкий орех’, букв. изначально ‘французский орех’ [Schrijver 2014: 20]. В Раннем Средневековье (по другим теориям – не ранее середины IX в. [Черняк 1990: 192]) корень был заимствован в языки славян Восточной Европы. В греческий язык он перешёл из языков, согласно различным точкам зрения, либо балканских славян, либо германских наёмников византийского императора. Есть и паранаучные, однако, не получившие широкого

распространения, мнения касательно происхождения термина «влах», например, этимология, возводящая его к греч. *βλήχωμαι* (совр. *βελάζω*) – ‘блеять’ [Nedelkov 2009: 225].

На Балканах арумыны были основной из этнических групп, населявших горы и занимавшихся отгонным скотоводством (т. е. включающим в себя перегон скота с летних пастбищ на зимние и обратно). Поэтому приблизительно с XI в. обозначение «влах» также стало синонимом понятию «пастух». Позже термин приобрёл пренебрежительный смысл: турецкие завоеватели называли влахами православных сербов, хорваты-католики – всё православное население [Nedelkov 2009: 225].

С XIII в. в памятниках из Далмации встречается этноним «мавровлахи», также использовавшийся для именованя арумын [Nedelkov 2009: 229]. Когда в XIV в. начала формироваться дакорумынская государственность, арумын, чтобы отличать их от дакорумын, стали называть «хромые [т. е. плохие, неправильные] влахи» или «куцовлахи» (греч. *κουτσοβλάχοι*). Это прозвище сохранилось до наших дней, в частности, в греческом языке [Черняк 1990: 192]. Предлагались различные этимологии этой лексемы. Ф. Миклошич (см. далее раздел «Исследования арумынского языка») упоминает даже о теории, которая заключается в том, что под «хромотой» подразумевается чрезмерная схожесть арумынского языка с греческим и, как следствие, его несамостоятельность [Miklosich 1861: 3].

В XIX в. М. Бояджи был создан использующийся иногда и в настоящее время термин «македоновлашский (македонорумынский) язык» [Черняк 1990: 193; Μποϊατζής 1813; Weigand 1895; Weigand 1894].

Существуют и другие слова для обозначения арумын в балканских языках, как прозвища с уничижительным значением (например, *цинцари*, от арум. *çinçi* – ‘пять’, в сербском), так и просто названия различных групп арумын в зависимости от места их проживания (например, фаршероты – арумыны из с. Фрашер, Албания) [Nedelkov 2009: 229].

Многие вопросы этногенеза арумын до сих пор не решены. Общепринятой является точка зрения, что начало «общерумынскому» языку, из которого затем развились современные дакорумынский, арумынский, мегленорумынский и истрорумынский, было положено в период романизации Балкан, завершающим этапом которой стало покорение римлянами Дакии [Сухачёв 1990а: 131] – исторической области на севере Балканского полуострова, границы которой традиционно проводились по Тисе, Дунаю, Днестру и Карпатам. С I в. до н. э. Дакийское царство стало вступать в многочисленные торговые отношения с Римом, а в 105–107 гг., в результате Второго дакийского похода Траяна, немалая его часть стала римской провинцией [Koritar 1945 (1829): 248] (см. карту по [Droysen 1886: 16] на рис. 2).

Рис. 2. Римская провинция Дакия до эвакуации (граница отмечена оранжевым)

В 118 г. провинцию разделили на Верхнюю Дакию (большая часть современной Трансильвании), Нижнюю Дакию (юго-западная Трансильвания

и Олтения) и Дакию Поролиссу (северо-западные регионы на Венгерской равнине) [Bowman et al. 2008b: 581–582]. В 168–169 гг., в ходе войн Марка Аврелия с германцами и сарматами, провинция вновь была реорганизована; три Дакии, составлявшие её, назывались Поролисса, Апулийская и Малвенса. К тому времени там размещалось около 40 тыс. римских солдат, не считая войск, набравшихся из местного населения. Кроме того, происходила активная миграция в Дакию из других областей, в частности, иллирийских, таких, как Норик и Паннония. Однако в III в. с ослаблением Римской империи провинция стала подвергаться нападениям со стороны вестготов, сарматов, свободных даков, карпов и др. соседних племён. В связи с этим в правление Аврелиана было принято решение об эвакуации из Дакии войск и администрации за Дунай (см. карту по [Stier 1956: 42] на рис. 3). Таким образом, в 271 г. к югу от Дуная была сформирована новая провинция, Аврелианова Дакия [Сухачёв 1990а: 136].

Рис. 3. Римские провинции на Балканах после эвакуации Дакии (прежняя территория Дакии заштрихована)

Эта эвакуация, хотя и не была полной, привела к появлению к югу от Дуная большого количества романоязычного населения. К северу от Дуная, на территории современной Румынии, возможно, также осталась компактная романская диаспора – различные ответы на вопрос о том, действительно ли она там была, способствовали возникновению противоречивых гипотез о территории формирования восточнороманских¹⁸ этносов и языков [Сухачёв 1990а: 138; Лухт, Нарумов 2001: 574].

Кроме того, при рассмотрении вопроса о происхождении арумынского языка мы сталкиваемся с проблемой его статуса как языка или диалекта. Гипотезы, в основе которых лежит тезис об арумынском как диалекте дакорумынского (или развившемся из такого диалекта), утверждают о происхождении арумынского из «общерумынского» языка к северу от Дуная, в то время как те, чьи приверженцы считают арумынский отдельным языком, помещают его в т. н. «южнодунайскую» группу (вместе с близкородственными мегленорумынским и истрорумынским) [Нарумов 2001а: 636–637].

Вероятно, на раннем этапе развития восточнороманских языков из народной латыни имели место контакты с неким палеобалканским языковым субстратом, что привело к возникновению многочисленных параллелей между восточнороманской группой и албанским языком (как считается, развившимся из одного из палеобалканских) [Десницкая 1987: 35]. Кроме того, с приходом славян на Балканы (V–VII вв.) началось активное взаимодействие со славянскими языками, продолжающееся до сих пор [Десницкая 1987: 31].

Для обозначения разговорной латыни на Балканах в том её состоянии, которое отражает результаты вышеописанных контактов, но до

¹⁸ Под восточнороманскими языками в настоящей работе понимаются (дако)румынский, арумынский, мегленорумынский и истрорумынский. Следует, однако, оговориться, что некоторые классификации, например, та, что приведена в базе Glottolog.org, включают в восточнороманскую группу диалект г. Кастельмедзано (Италия), а вышеперечисленные четыре языка объединяют в «макрорумынскую» подгруппу. Подобная система встречается и в работах по истории романских языков (см. обсуждение терминологии в [Десницкая 1987: 5–6]), где в понятие «восточной латыни», например, могут включаться вместе с восточнороманскими языками диалекты центральной и южной Италии.

окончательного её распада на позднейшие романские языки, в исследованиях на данную тему (к примеру, в [Çabej 1976]) используется термин «балканская латынь». Граница между этим понятием и такими терминами, как «восточнороманский язык» или «общерумынский язык» бывает достаточно зыбкая [Десницкая 1987: 5]. Кроме того, письменные латиноязычные источники с Балкан не демонстрируют серьёзных отличий от языка других регионов, позволяющих считать их написанными на отдельном диалекте, а так как источников устного, разговорного латинского языка не имеется, некоторые исследователи, например, А. В. Десницкая, в принципе не видят достаточных оснований для использования термина «балканская латынь» [Десницкая 1987: 8].

Распад общерумынского языка проходил приблизительно с VII–VIII вв. по XII в. [Lindenbauer 2006: 339; Ernst et al. 2006: 2633]; южнодунайская группа, по принятой в романистике точке зрения, отделилась примерно к концу I тысячелетия [Лухт, Нарумов 2001: 574]. Первое упоминание арумын в византийских хрониках датируется 976 г¹⁹. По свидетельству Анны Комнины, влахи, наряду с болгарам, в 1091 г. входили в число армии союзников печенегов [Nedelkov 2009: 233]. В документах X–XIII вв. описываются их вассальные государственные образования под контролем Византии. Помимо отгонного скотоводства, арумыны в Средневековье занимались торговлей, сопровождением караванов, ювелирным делом, играя важную роль в балканской экономике [Нарумов 2001а: 638].

Влахи упоминаются также и в документах других государств. Так, в начале X века они указаны как жители приходов Охридской архиепископии [Nedelkov 2009: 233].

Время османского владычества на Балканах было благоприятным для арумын. На них была возложена обязанность охранять горные проходы, кроме того, они параллельно с пастушеством продолжали заниматься торговлей и

¹⁹ Есть предположение, что под «лахмиенсами» (*Lachmienses*), о которых упоминалось в период правления Юстиниана I (527–565), подразумеваются именно арумыны [Nedelkov 2009: 233].

ремёслами. В первой половине XVIII в. культурным центром арумын был г. Воскопоя (или Москополе) в Албании, насчитывавший до 20 тыс. жителей. Там находилась т. н. Новая Академия арумын, имелась типография [Черняк 1990: 201]. Следует, однако, отметить, что там не проводилось политики в поддержку арумынского языка – напротив, языком и образования, и книгопечатания был греческий; в Новой Академии велась активная работа по распространению греческого языка среди арумын [Kahl 2002: 147]. В конце XVIII в. город был разорён соседями-албанцами, что привело к упадку среди албанских арумын и их массовому переселению из этих областей [Черняк 1990: 201].

В то же время, несмотря на имевшую успех в связи с политическим, экономическим и культурным значением греческого языка эллинизацию, начало формироваться арумынское самосознание: появились первые печатные грамматики арумынского. В 1815 г. арумыны, проживавшие в Буде и Пеште, попросили разрешения проводить литургию на своём языке (в разрешении было отказано). В 1860 г. в Бухаресте был основан «Македороманский комитет»; в Македонии при его поддержке стали учреждаться арумынские школы – первая появилась в 1864 г. в с. Трново. К началу XX в. в регионах Македония и Эпир было уже 100 арумынских церквей и 106 школ с более чем 4000 учеников и 300 учителей. Но преподавание велось лишь частично на арумынском, основным языком был румынский [Kahl 2002: 147–148].

В 1905 г. Османской империей был издан декрет, утверждающий идентификацию арумын как отдельного народа. В ходе последовавших балканских войн среди арумын возникло противостояние прогречески и проболгарски (затем прорумынски) настроенных [Kahl 2002: 148–149].

В настоящее время арумынский язык практически лишён престижа [Mutavdžić 2010: 148], несмотря на деятельность различных организаций, созданных с целью поддержки арумынской культуры, например, базирующегося в Воскопое «Македорумынского совета». На государственном уровне арумынский язык поддерживается только Македонией – с 1990-х гг.

ведётся выпуск газет, радио- и телевидение на арумынском [Friedman 2001: 40]. Именно в Македонии расположены немногочисленные населённые пункты, где арумынский язык обладает некоторым престижем и, более того, является языком повседневного общения, которым хорошо владеют представители не только старшего, но и младших поколений – например, с. Маловишта [Новик 2018].

Были попытки предложить для описания языковой ситуации среди арумын такие экзотические термины, как «бидиалектализм», «бисубдиалектализм» или – для многочисленных групп, таких, как арумыны Пинда – «микродиглоссия», исходя из диалектной раздробленности арумынского и из того, что ни один диалект не принят как стандарт [Ciolas 1992: 12–17]. Насколько нам известно, подобные термины в научном сообществе не прижились.

Исследования арумынского языка

Первой лингвистической работой, посвящённой арумынскому языку, считается вышедший в 1770 г. в Венеции албано-греко-арумынский словарь Т. Каваллиотиса (1715–1790), в 1750–1790-х гг. возглавлявшего Новую Академию в Воскопое [Mikropoulos 2008: 315–316]. Этот словарь был впоследствии переиздан в составе [Thunmann 1774]. Для записи как албанских, так и арумынских²⁰ лексем Каваллиотис использовал греческий алфавит [Thunmann 1774: 181–238]: в соответствии с позицией Новой Академии относительно эллинизации соседних с греками народов он не предпринимал попыток создания какой-либо отдельной арумынской письменности.

²⁰ Пересказывая работы XVIII–XIX вв., мы для удобства используем ныне общепринятые в российской балканистике понятия «арумыны», «арумынский язык». Безусловно, как уже было упомянуто выше (см. раздел «Из истории арумын и арумынского языка»), авторы до Вейганда (а некоторые и после него) оперируют терминами «влахи» [Thunmann 1774], «валахи» [Kopitar 1945 (1829)] и т. п. Кроме того, наша замена произведена во избежание смешения понятий, т. к. под «в(а)лахами» понимались не только арумыны (см., например, у Копитара «валашский язык к северу от Дуная» – т. е. румынский).

В [Thunmann 1774] не описывается арумынский язык, так как автор сам утверждает, что знает его плохо [Thunmann 1774: 175]; приводится лишь словарь Каваллиотиса в ознакомительном порядке.

Как уже было упомянуто выше (см. раздел «Исследования албанского языка»), в конце XVIII в. вышел на четырёх языках, в том числе и на арумынском, разговорник Даниила Москополенского.

Некоторый анализ арумынского языка (наряду с албанским и болгарским, см. выше раздел «Исследования албанского языка») был проведён В. Копитаром, во многом с опорой на Тунманна [Kopitar 1945 (1829): 227, 229 и др.]. Копитар указывает на крайне малое количество источников по «валашскому языку в Македонии» – т. е. арумынскому – и в своей библиографии приводит четыре наименования словарей и грамматик, среди которых словарь Каваллиотиса и «Романская, или македоновлашская, грамматика» Бояджи (нем. «Romanische oder macedonowlachische Sprachlehre», [Μποϊατζής 1813]). Для записи румынского и арумынского языков Копитар использует кириллицу²¹ [Kopitar 1945 (1829): 238 и далее], при этом одной из целей его статьи является обсуждение целесообразности перехода обоих языков на латинский алфавит [Kopitar 1945 (1829): 243]. В то же время он делает оговорку, что «македоно-фессалийские валахи» (т. е. арумыны) не пишут на своём языке [Kopitar 1945 (1829): 238].

Проанализировав идентичные по содержанию тексты на сербском, болгарском, румынском, арумынском и албанском языках, Копитар приходит к выводу, что албанский, арумынский и болгарский демонстрируют фактически одну и ту же грамматику и различаются только лексическим составом [Kopitar 1945 (1829): 272] (см. выше раздел «Исследования албанского языка»).

Далее в «Славянских элементах в румынском» Миклошича данные арумынского (наравне с прочими языками восточнороманской группы) используются при составлении списка общих для балканских языков явлений

²¹ За исключением румынского текста, приведённого и на кириллице, и на латинице.

– таким образом, автор относит арумынский к той общности, которую сейчас принято называть Балканским языковым союзом [Miklosich 1861: 6–8].

В то же время арумынский продолжал и продолжает изучаться и в рамках романского языкознания – так, например, под названием «олимповалашский» он рассматривается в очень подробной четырёхтомной «Грамматике романских языков» В. Мейера-Любке (нем. «Grammatik der Romanischen Sprachen», [Meyer-Lübke 1890]).

Исследование Г. Вейганда «Арумыны», прежде всего этнографическое, затрагивает и вопросы языка. В частности, приложения ко второму тому содержат глоссарий, описание различий между арумынскими диалектами и методы сбора фольклорных текстов для лингвистических целей [Weigand 1894: 287–383].

Арумынская культура – как часть румынской – изучалась даже в Российской империи, где после русско-турецких войн 1806–1812 гг. и присоединения Бессарабии возник повышенный интерес к «валахо-молдовскому языку» [Домосилецкая 2009: 51–52]. Так, родившийся и получивший образование в Бессарабии А. И. Яцимирский при анализе параллелей между сюжетами румынского фольклора и произведений А. С. Пушкина упоминал в том числе арумынские сказки. Он же написал рецензию на «Арумын» Вейганда (опять же не делая различия между арумынским и румынским языками, говоря о «племени, говорящем на румынском языке») [Домосилецкая 2009: 105–107].

Как было сказано выше (см. раздел «Исследования албанского языка»), в 1923 г. Н. С. Трубецкой ввёл в употребление термин «языковой союз» и охарактеризовал балканские языки как пример подобного явления [Трубецкой 1923: 124].

Первой монументальной лингвистической работой об арумынском языке стала книга [Capidan 1932]. Хотя она называется «Арумыны. Арумынский язык» (рум. «Aromânii. Dialectul aromân»), арумынскому этносу в ней посвящено только краткое введение, в то время как основная часть книги

представляет собой полное лингвистическое описание арумынского языка на всех уровнях.

В течение XX в. в балканистических исследованиях достаточно чётко разошлись уже упомянутые выше (см. раздел «Из истории арумын и арумынского языка») две точки зрения на арумынский язык – он считается или отдельным языком, или диалектом румынского (последняя точка зрения по очевидным причинам наиболее распространена в румынской диалектологической традиции).

Есть попытки найти компромиссный вариант наименования – например, в российском энциклопедическом издании «Языки мира» арумынскому, истрорумынскому и мегленорумынскому посвящены отдельные статьи, однако эти идиомы обозначены как «язык/диалект» [Нарумов 2001а; Нарумов 2001б; Нарумов 2001в].

В пользу того, что это самостоятельный язык, говорит, в частности, ряд отличий от румынского, перечисленных, например, в [Нарумов 2001а]. Однако одним из наиболее веских лингвистических аргументов в пользу того, что арумынский является диалектом (точнее, группой диалектов), является отсутствие литературной нормы и единой системы письма [Нарумов 2001а: 640]. Хотя учебники, словари и грамматики арумынского есть, нет какого-то стандарта, который бы признавался всеми. Для письма арумыны, как правило, используют алфавит государственного языка той страны, в которой проживают – т. е. они могут писать и латиницей, и кириллицей, и греческим алфавитом. Даже в лингвистической традиции не выработано единой системы письма для записи арумынского, а существует множество различных вариантов – начиная от алфавита, предложенного В. Копитаром в [Kopitar 1945 (1829): 240], и вплоть до алфавитов, опирающихся на румынскую латиницу, но призванных отражать все тонкости арумынской фонетики, как, например, способ записи, принятый М. Невачь в [Nevaci 2011: 11–14], алфавитов, основанных на смеси латиницы и греческого алфавита, как, например, использованный в [Falo 2002], и т. д.

Все эти проблемы остаются нерешёнными, несмотря на международные арумынистические конгрессы, такие, как состоявшийся в Битоле в августе 1997 г. симпозиум по стандартизации арумынской системы письма [Friedman 2001: 41–42].

Лингвистические исследования в области арумынистики в XX–XXI вв. представляют собой в основном монографические описания конкретных диалектов (например, [Gołąb 1984; Бара и др. 2005]), работы, посвящённые диалектологии, этнолингвистике и социоллингвистике на арумынском материале (среди них [Neiescu 1965; Schlösser 1985; Apetroaie 2013; Šatava 2013]), арумынскому языку в контексте Балканского языкового союза (к примеру, [Марковиќ 2007; Joseph 2007; Joseph 2009; Mutavdžić 2010; Poci 2011; Nevaci 2013]), социологии ([Ruzica 2006; Minov 2011; Minov 2012; Papari 2012]), истории арумын ([Черняк 1991а; Черняк 1991б; Bardu 2007; Gica 2009; Nevaci 2014] и др.). Кроме того, есть исследования арумынской морфологии (к примеру, [Nevaci 2007]) и лексики ([Поленаковиќ 2007]). Фонетика и фонология²² изучаются в основном в рамках румынской диалектологии (примеры тому – [Petrovici 1960; Saramandu, Nevaci 2013; Nisioi 2014]; одна из немногих статей по супрасегментной фонологии на арумынском материале – [Caragiu-Marioţeanu 1964b]).

Полный обзор современных работ по арумынистике не входит в задачи данного исследования, поэтому здесь будут перечислены только наиболее значимые. Труды, в которых так или иначе освещается тема арумынского языка, создаются в нескольких странах, прежде всего, в Румынии. Основные румынские авторы – М. Караджу-Мариоцеану ([Caragiu-Marioţeanu 1958; Caragiu-Marioţeanu 1965; Caragiu-Marioţeanu 1975]), Н. Сараманду ([Saramandu 1971; Saramandu 1988; Saramandu 2003; Saramandu, Nevaci 2013]).

²² Само понятие арумынской фонологии крайне условно, так как в связи с отсутствием литературной нормы «единой фонологической системы ... нет, поскольку в каждом говоре устанавливаются свои фонологические представления» [Нарумов 2001а: 641]. Обычно в работах под «арумынской фонологией» подразумевается как раз-таки фонологическая система исследуемого или близкого автору диалекта.

Арумынистика в Германии представлена работами, например, В. Дамена ([Dahmen, Kramer 1976; Dahmen 1982; Dahmen 1993]), Т. Каля ([Kahl 2002; Kahl 2009]). Наиболее значимые македонские исследования по арумынистике проводятся в области этнологии К. Лиаку-Ановской ([Лиаку-Ановска 2000; Лиаку-Ановска 2002; Лиаку-Ановска 2007]). Среди греческих авторов, пишущих по данной теме, можно назвать, к примеру, А. Лазару ([Lazarou 1987; Lazarou 1988]) и С. Беиса ([Trifon, Beis, Kahl 2005]).

Что касается российской лингвистической традиции, проблемы арумынистики затрагиваются в рамках балканского и реже сравнительно-исторического языкознания, однако фундаментальные научные труды по ним практически отсутствуют. Исключением можно считать вышеназванную монографию [Бара и др. 2005]. Из авторов, занимающихся или занимавшихся арумынским языком, можно назвать А. Б. Черняка (его труды, как правило, посвящены истории арумынского или всей романской группы [Черняк 1990; Черняк 2013; Черняк 2015]), А. Н. Соболева ([Соболев 2007; Соболев 2013; Соболев, Русаков 2001]).

Фонетические, фонологические и историко-фонологические исследования, посвящённые конкретно аффрикатам, есть на материале языков, состоящих в контакте с арумынским – греческого [Nicolaidis et al. 2003; Joseph, Lee 2010], албанского [Curtis 2010], румынского [Todoran 1965], болгарского [Tserdanelis, Joseph 2015]; тема аффрикат затронута в работах по фонетике болгарского ([Жобов 2004; Бояджиев 2012а; Бояджиев 2012б]), румынского [Roceric-Alexandrescu 1964], македонского²³ ([Minissi et al. 1982]), сербского ([Ивић 1998]) и хорватского ([Holzer 2011]) языков, а также в исследованиях по ареальной фонетике на материале идиомов Юго-Восточной Европы вообще ([Савицка 2014]). Восточнороманские аффрикаты упоминаются в типологических исследованиях, таких, как [Melikischwili 1970: 71].

²³ В нашей работе мы придерживаемся точки зрения на македонский как на отдельный язык южнославянской подгруппы славянских языков. О проблемах признания македонского языка и языковой политики по отношению к нему см., например, [Friedman 1985];

Однако специальных исследований арумынских аффрикат, насколько нам известно, ранее не проводилось, и арумынская спонтанная речь также не изучалась отдельно (за исключением нашей небольшой работы [Харламова 2015], послужившей отправной точкой для настоящего исследования).

В базе Ethnologue есть информация по арумынскому и указано (по состоянию на 31.05.2018), что носители арумынского проживают в Греции, Албании, Болгарии, Македонии и Черногории, а численность носителей оценивается в 112960.

В базе РНОIBLE по состоянию на 31.05.2018 какая-либо информация об арумынском языке отсутствует вообще.

Теперь обратимся к аффрикатам, зафиксированным в арумынском языке.

Аффрикаты в арумынском языке

Общепринято мнение, что в фонологической системе арумынского языка присутствуют четыре аффрикаты – /ts/, /dz/, /tʃ/ и /dʒ/ [Нарумов 2001a: 641]. Как было упомянуто выше (см. раздел «Аффрикаты в фонологическом аспекте»), их иногда относят к смычным – так поступает, например, М. Караджу-Мариоцеану в кратком обзоре арумынской фонологии, разделяя все шумные согласные на взрывные и фрикативные без каких-либо комментариев относительно наличия или отсутствия аффрицированности [Caragiu-Marioțeanu 1963: 328; Caragiu-Marioțeanu 1964a: 544].

Исконные арумынские (общерумынские) аффрикаты произошли из смычных согласных /t/, /d/, /k/ и /g/ в позиции перед гласными переднего ряда [Meyer-Lübke 1890: 318–342; Meyer-Lübke 1936: 1; Rothe 1957: 32; Atanasov 2002: 80]. Палатализация и последующая аффрикация /t/ и /k/ – наиболее древний и распространённый процесс палатализации в романских языках. В то время как в период классической латыни аффрикаты /ts/ ещё не было

[Казанский 2017: 6], к середине V в. аффрицированное произношение /t/ было нормировано (хотя есть мнение, что свидетельства аффрикации есть уже в памятниках классической латыни II в.) [Loporcaro 2011: 144]. Анализ данных средневековых вариантов романских языков позволяет предполагать, что аффрикация /k/ произошла после аффрикации /t/ [Loporcaro 2011: 143–144]; она имела место в поздней вульгарной латыни [Alkire, Rosen 2010: 62] и затем в ранних формах романских языков, в каждом из которых уже проходила по своим закономерностям [Giavazzi 2009: 1].

Кроме того, аффрикаты присутствуют в заимствованиях из славянских (к примеру, *vrači* ‘знахарь’, ср. серб. *врач* с тем же значением), тюркских (например, слова с типичным тюркским суффиксом деятеля *-ği*) [Rothe 1957: 46–62], греческого (заимствование флексии множественного числа *-δες* как *-di*) и албанского (например, встретившееся в исследованном нами материале [d’уссан’i] ‘магазин’, ср. алб. *dyqan, dyqani* с тем же значением – сама лексема является турцизмом, но, безусловно, в арумунский она была заимствована через албанское посредничество) языков [Gołąb 1984: 40]. В некоторых арумунских диалектах регулярен переход /tʃ/ в /ts/ и /dz/ в /dz/; вероятно, это следствие контактов с греческими диалектами [Нарумов 2001а: 641].

Наиболее частотные аффрикаты в арумунском – /ts/ и /dz/. Это заметно даже на примере одних только корневых морфем: в одном из черновых вариантов нашей фонетической анкеты (см. далее раздел «Полевая работа»), включающем в себя большинство содержащих аффрикаты слов из лексического раздела [Бара и др. 2005], имелись: 32 словоформы с /ts/, 48 с /dz/, 10 с /tʃ/ и 5 с /dʒ/.

Как можно видеть по [Berns 2014: 382] (см. выше раздел «Типология аффрикат»), самые частотные арумунские аффрикаты являются одновременно и наиболее распространёнными в языках мира, согласно данным UPSID. Заметим, что наличие в консонантной системе /dz/ и /dʒ/ – одно из важнейших отличий арумунского языка от дакорумунского на фонологическом уровне, т. к. в румынском эти звуки перешли в щелевые

[Meyer-Lübke 1890: 318–342; Нарумов 2001a: 642]. Примеры тому – словоформы со значением ‘говорю’ (арум. *đik^u* – рум. *zic*), ‘игра’ (арум. *ğok^u* – рум. *joc*) [Нарумов 2001a: 642]. Хотя есть и альтернативные версии, утверждающие, что /dʒ/ до сих пор присутствует в румынском языке на фонологическом уровне – см., например, инвентарь согласных фонем румынского в [Chitoran 2001: 10].

Перейдём к конкретному арумынскому говору, на материале которого проводилось наше исследование – говору наших информантов из г. Эльбасан.

Арумыны в Албании. Говор наших информантов

Наиболее значительным центром арумын в Албании в XVIII в. был г. Воскопоя (алб. *Voskopojë*, греч. *Μοσχόπολης/Βοσχόπολης*, арум. *Moscopole*, см. карту по [Vidal-Lablache 1898]²⁴ на рис. 4, где название записано как *Moskhopolis*), в котором находилась созданная греками Новая Академия, целью которой была эллинизация арумын и албанцев (см. ранее раздел «Из истории арумын и арумынского языка»). Истории Воскопои посвящено много работ, среди них стоит отметить [Peufuss 1996] и [Xhufi 2010].

²⁴ Хотя населённый пункт на этом месте и с тем же названием существует и сейчас, для наглядности была выбрана карта конца XIX в., так как на современных картах такого масштаба Воскопоя не обозначается – это часть муниципалитета Корча, центром которого является одноимённый крупный город, находящийся всего лишь приблизительно в 20 км от Воскопои.

Рис. 4. Расположение Воскопои на карте Албании

Существование в Воскопое собственной типографии и традиции книгопечатания долгое время оспаривалось в том числе такими знаковыми фигурами арумыноведения, как Миклошич, Капидан и Вейганд; многочисленные скептические высказывания по данному вопросу приведены в [Reyfuss 1996: 12–13]. Однако уже в XIX в. даже не отрицавшие существования воскопойской типографии исследователи (например, А. Ф. Гильфердинг) отмечали, что большая часть сохранившихся изданий крайне редки [Reyfuss 1996: 14].

Активное экономическое развитие Воскопои началось с XVII в., на XVIII в. пришёлся расцвет города [Reyfuss 1996: 36].

В наши дни Воскопоя – маленькая деревня на юго-востоке Албании с населением примерно в 700 человек [Reyfuss 1996: 17]. По состоянию на сентябрь 2017 года, там ещё живут носители арумынского языка, однако коренные воскопояры, хотя они охотно общались по-арумынски с сопровождавшим нас информантом из Эльбасана, от записи их речи и даже от фотографирования отказались.

Несмотря на то, что Воскопоя давно утратила своё первостепенное значение, для обозначения арумын данного региона по-прежнему используется традиционный термин *moscopoleni* 'москополенские'.

В наши дни арумынский язык в Албании обладает для своих носителей некоторой ценностью как культурное наследие (см. выше раздел «Из истории арумын и арумынского языка»), однако поддерживается слабо. Даже в говоре жителей «чисто арумынских» сёл региона Корчи отмечается всё более сильное влияние албанского языка, вплоть до замены базовой лексики на албанскую лексику (об этом см., например, статью [Bardu 2013]). Наш основной информант А. Кристо рассказывал: «У нас статус "культурного сообщества" (*komuniteti kulturele*), у нас нет статуса меньшинства».

Наши информанты, хотя с 1958 года проживают в Эльбасане (см. карту с сайта Техасского университета <http://www.lib.utexas.edu/maps/albania.html> на рис. 5), происходят также из района Корчи.

Рис. 5. Эльбасан на современной политической карте Албании

Их говор обладает рядом черт, свойственных говорам южноарумынской диалектной зоны, в частности, в нём часто происходит возникновение полугласных призвуков на конце слова после *t* и *d* (см. далее полный перечень признаков южноарумынского говора по [Бара и др. 2005: 18–19] в разделе «Пилотные исследования: говор Турьи и говор Ресена»).

Что касается албанской речи наших информантов, они пользуются стандартным вариантом языка и не позиционируют себя носителями каких-либо диалектов.

3. Методика исследования

Пилотные исследования (говор Турья и говор Ресена)

В 2014-2016 годах нами были проведены пилотные исследования по арумынской фонетике спонтанной речи на материале двух говоров – села Кранея/Турья²⁵ (Пинд, Греция) и города Ресен (Преспа, Македония).

Говор с. Турья наиболее полно и подробно описан в посвящённой ему монографии М. Бара, Т. Каля и А. Н. Соболева [Бара и др. 2005]. Мы приведём здесь общие сведения о говоре и наиболее яркие характеристики его фонологической системы.

Арумынское село Турья находится в горном массиве Пинд на высоте 960 м., на границе административной области Западная Македония с Эпиром и Фессалией [Бара и др. 2005: 16] (см. рис. 6, карта из [Saramandu 1988]).

²⁵ Кранея (*Κρανέα, Κρανιά*, иногда *Βλαχοκρανιά*) – греческое название села, в то время как Турья – арумынское.

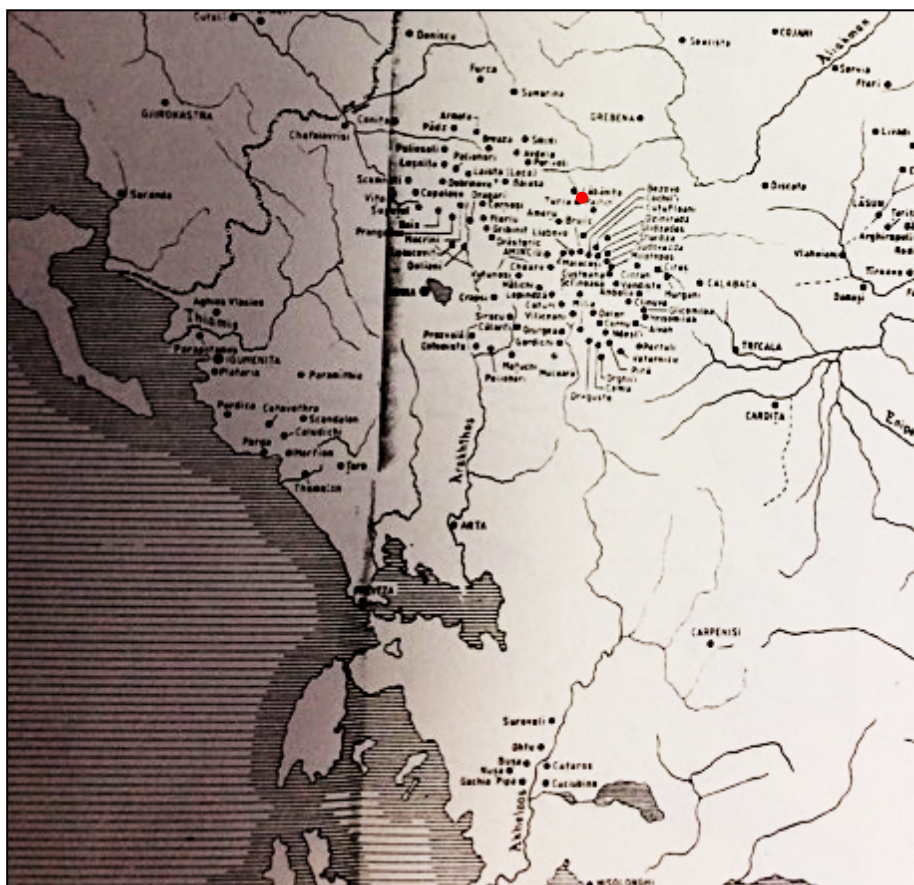

Рис. 6. С. Кранея/Турья (отмечено красным) на территории Греции

В настоящий момент население села, по данным переписи 1991 г., составляет 608 человек. Начальная школа есть только греческая (ранее также имелась румынская). Когда-то село было под влиянием и греческого, и румынского национальных движений, с чем было связано деление его жителей на «арумын» и «греков» (население, считавшее себя греками по национальности, но использовавшее арумынский язык). В большинстве своём «арумыны» эмигрировали в Румынию, поэтому в настоящее время жители Турьи считают себя греками, называют себя влахами (*Vlăχοι*), свой язык – *limba noastră* ‘наш язык’, *vlăh’ești* ‘влашский’, *armânești* ‘арумынский’. Очень распространено мнение, что по-арумынски нельзя писать в принципе [Бара и др. 2005: 17].

Что касается арумынского говора Турьи, он «может служить прекрасным репрезентантом всей группы южноарумынских говоров ... отличающихся, в частности, в области фонетики:

- 1) качественной редукцией безударных $e > i$ и $o > u$;
- 2) наличием гласного u в консонантном финале слова ... или соответствующего неслогового призвука ...
- 3) частым наличием неслогового i -призвука после t и d ...
- 4) частым ... озвончением глухих смычных после носовых сонантов ...
- 5) синкопами ...
- 6) лексикализованными фонетическими особенностями вроде *kāṣkāvaku, aṭol* и др...» [Бара и др. 2005: 18–19].

Фонологического противопоставления гласных среднего ряда по подъёму в говоре не обнаружено [Бара и др. 2005: 19].

Список информантов дан в [Бара и др. 2005: 20–22], мы в основном опирались на записи речи Анастасии Писсоли [Бара и др. 2005: 20]; аудиоматериалы, использовавшиеся в нашем исследовании, доступны на CD-приложении к этой монографии.

Город Ресен находится в граничащем с Албанией регионе Преспа, Македония (см. рис. 7, карта из [Saramandu 1988]), в десяти километрах к северу от Большого Преспанского озера, и является центром Ресенской общины. Согласно переписи 2002 г., в нём проживают 8748 человек, из них 18 арумын. Наряду с государственным македонским языком в городе также используется албанский; в сёлах региона присутствует довольно многочисленное албанское население – в большинстве своём это албано-македонские билингвы, владеющие обоими языками на высоком уровне.

В более ранних исследованиях по арумыноведению (например, у Н. Сараманду, см. рис. 7) Ресен ещё указывается как город с арумынским населением, однако в наше время ситуация с арумынским языком в Преспанском регионе крайне неблагоприятна, и, вероятно, в ближайшие десятилетия этот язык там окончательно исчезнет: им владеет, и то, как правило, не свободно, фактически только старшее поколение, и говорят на нём весьма редко (подробнее об этом см. основанную на наиболее актуальных данных статью [Конёр, Макарова 2017]: сбор материалов А. Л. Макаровой

проводился в том числе летом 2015 года совместно с нашими исследованиями языка ресенских арумын).

Рис. 7. Г. Ресен (отмечен красным) на территории Македонии

В настоящий момент из жителей Ресена арумынским языком в той или иной мере владеет, по нашим данным, только семья Андоновски, которой принадлежит швейная мастерская на центральной площади города. Нашей информанткой согласилась быть 63-летняя Василике Андоновска; кроме того, в ходе полевой работы было принято решение также записать речь её приехавшей в гости замужней дочери, Ирины Стефановски.

Полного описания ресенского арумынского говора не имеется. Кроме того, есть некоторые сомнения относительно того, правомерно ли обозначение «ресенский говор» по отношению к набранному нами материалу. Это связано с тем, что В. Андоновска родилась в Крушево (хотя она живёт в Ресене много лет, маловероятно, что на её говор могли как-то повлиять другие носители арумынского, которых, по всей видимости, сейчас в городе нет). Крушево

расположено приблизительно в сотне километров от Ресена, и в нём проживает, по последней переписи, 744 носителя арумынского, а также, что немаловажно, есть возможность изучения арумынского в школе [Friedman 2001: 40].

И. Стефановска, в свою очередь, родилась в Ресене, училась в Скопье, а после замужества переехала в с. Горна Бела Црква (в семи километрах от города). Таким образом, само понятие «говор города Ресен» (как и «говор города Эльбасан», см. выше раздел «Арумыны в Албании. Наши информанты») достаточно условно, особенно если учесть ничтожно малое количество носителей.

Согласно [Kramer 1991], арумынские говоры Преспы находятся на стыке северно- и южноарумынской диалектных зон. По полученным материалам, мы склонны скорее отнести говор наших информанток к северноарумынскому ареалу, так как, прежде всего, в нём, как правило, отсутствуют неслоговые конечные призвуки (например, [munts] – ‘горы’, ср. в словаре диалекта Турьи *mundā/munṭā*), и нам не удалось установить наличие противопоставления двух разных гласных среднего ряда – эти особенности являются наиболее яркими характерными чертами северноарумынской диалектной зоны [Нарумов 2001а: 638].

Изучение говора Турьи, а затем и говора Ресена, носило скорее тренировочно-ознакомительный характер – были сделаны первые наброски фонетической анкеты (см. далее раздел «Полевая работа»), произведены первые общие наблюдения в области арумынской фонетики, испытаны используемые нами средства для записи и инструментального анализа звукового потока (см. далее разделы «Полевая работа», «Транскрибирование», «Фонетический анализ»). В дальнейшем мы планируем вернуться к этим материалам после, в частности, более близкого ознакомления с доминантными языками данных регионов – греческим и македонским соответственно. В настоящее время, однако, было принято решение сконцентрироваться на речи арумын Эльбасана.

Полевая работа

Фонетическая анкета (см. приложение 1), содержащая лексемы, где ожидается появление аффрикат, изначально была разработана исключительно для арумynского языка, с опорой главным образом на лексический раздел [Бара и др. 2005: 310–410] и на французско-арумынский словарь [Papañagi 1974]. Анкетирование представляло собой предложение информанту албанских стимулов для перевода на арумynский.

Затем было принято решение о включении в тему исследования также и албанских аффрикат, в связи с чем в анкету была добавлена албанская лексика с опорой на корпус албанского языка <http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/>.

В первом варианте анкета была весьма расширенной и включала в себя около трёхсот лексем и фраз; однако данный вариант после испытания в полевой работе был однозначно забракован, так как подавляющее большинство из них не были частотными или даже отсутствовали в пассивном словарном запасе информанта. Это связано не только с их низкой употребительностью в повседневной речи, как в случае, например, с глаголом *si asparđi* ‘падать (о граде)’, но и с тем, что в [Бара и др. 2005] и [Papañagi 1974] преобладают грецизмы (к примеру, *ayizmâç̣iun* ‘сентябрь’), которых в говоре наших информантов по очевидным причинам намного меньше.

В финальной версии анкеты стимулы были разгруппированы по позициям аффрикаты в слове. На этом этапе разработки анкеты возникла дополнительная сложность, представляющая собой различие в дистрибуции албанских и арумynских аффрикат – так, в албанском языке для дентальной аффрикаты /ts/ весьма частотна интервокальная позиция или позиция в абсолютном начале лексемы, в то время как в арумynском эта аффриката или её мягкий коррелят, как правило, находятся в абсолютном конце слова (чаще всего это формы множественного числа существительных и некоторые формы глаголов). В конце концов, позиции, встречающиеся в обоих языках, были

сведены для наглядности в таблицу, а затем были даны списком слова с аффрикатами в позициях, характерных только для одного из языков. Отдельно были взяты те турцизмы, которые, как мы убедились уже на ранних этапах исследования, воспринимаются информантом и в албанском, и тем более в арумынском языке как заимствования.

Для записи была подготовлена программа Voice Memos на iPhone.

Нам удалось найти информантов с помощью проф. Эмы Кристо, арумынки из Эльбасана. Она сама практически не владеет языком (мы задавали ей вопросы из нашей фонетической анкеты, и она смогла ответить только на некоторые из них), однако её дядя, Андон Кристо (р. 1948), не только свободно говорит на арумынском, но и занимается популяризацией культуры и языка своего народа – так, он участвовал в подготовке издания [Falo 2002] на арумынском, публикации словаря [Coloñea 2012]. Семья Кристо, хотя проживает в Эльбасане, происходит из района Корчи.

С участием г-на Кристо и была записана большая часть наших материалов (ок. 8 часов «грязной записи»²⁶ в общей сложности) – анкетирование, неподготовленное чтение текстов и спонтанные монологи.

Кроме того, нашими информантами был кузен г-на Кристо Прокоп Чарауш с супругой Теодорой, от которых нам удалось получить арумыноязычный диалог. Также были записаны: дочь и внучка г-на Кристо Энкелейда и Грейс Димо, его племянницы Эма, как было сказано выше, и Флорина Кристо. Супруги Чарауш ещё могут порождать спонтанные тексты на арумынском языке, хотя уровень владения им у них значительно ниже, чем у г-на Кристо, остальные наши информанты знают только отдельные слова и фразы – т. е. имеет место обычная для малого и не поддерживающегося государством языка ситуация.

Полевые исследования проходили в Тиране и Эльбасане в сентябре 2016 и августе-сентябре 2017 года (см. в приложении 2 фотографии нескольких

²⁶ Имеется в виду, что подсчитана общая длительность аудио, с посторонними шумами, репликами экспериментатора и т. д. – не только собственно речи информанта.

информантов – г-на Кристо, г-жи Чарауш, г-жи Энкелейды Димо). Большая часть нашей аудиозаписи была сделана в офисе г-на Кристо, где обстановка довольно благоприятна для эксперимента, хотя шум с улицы в записях всё же присутствует (об этой проблеме см. далее в разделе «Транскрипция и анализ»). Записанные материалы были впоследствии транскрибированы.

Транскрипция и анализ

Инструментальный анализ записей производился при помощи компьютерных программ Sound Forge и Speech Analyzer. Обе программы могут использоваться для построения спектрограмм и осциллограмм.

Спектральный анализ показывает, какие частоты и насколько интенсивно реализуются в речи. С помощью осциллограмм можно установить, кроме того, длительность и интенсивность самих звуков и частоту основного тона.

При транскрибировании материалов мы использовали, как правило, Sound Forge (см. скриншот программы на рис. 8 – изолированное произношение аффрикаты [dz] в исполнении русского диктора). Выбор объясняется тем, что эта программа менее сложная и соответственно работает быстрее, чем Speech Analyzer; кроме того, в Sound Forge удобнее как работать с длинными записями, так и вырезать из них более мелкие отрывки (для удобства транскрипции или для наглядности каких-либо примеров).

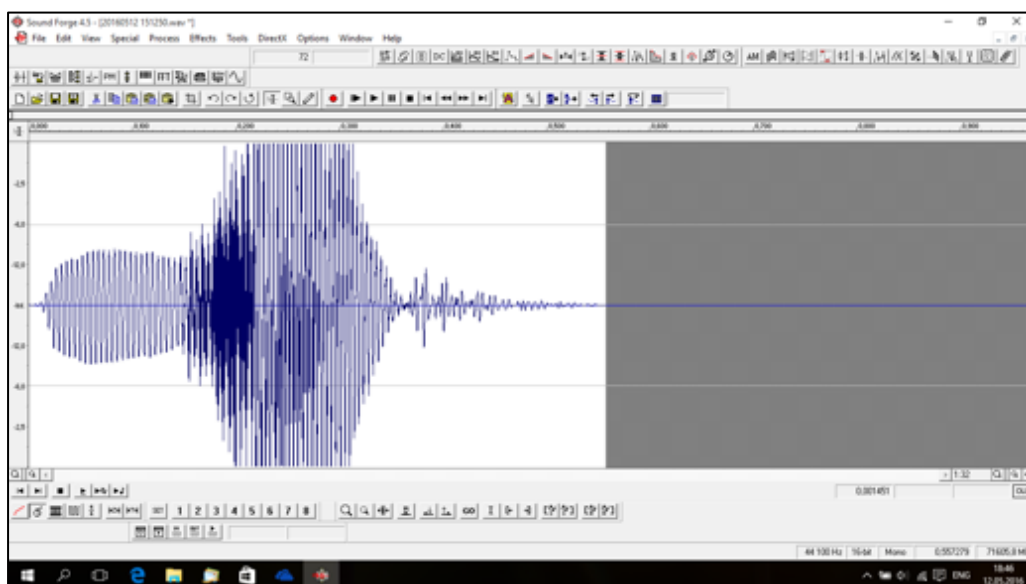

Рис. 8. [dz] в произношении автора в программе Sound Forge

Speech Analyzer (см. скриншот программы на рис. 9, анализ той же записи, что и на рис. 8) был выбран как дополнительная программа анализа звукового сигнала потому, что, на наш взгляд, спектрограммы, построенные в Speech Analyzer, чётче и качественнее тех, что создаются при помощи Sound Forge.

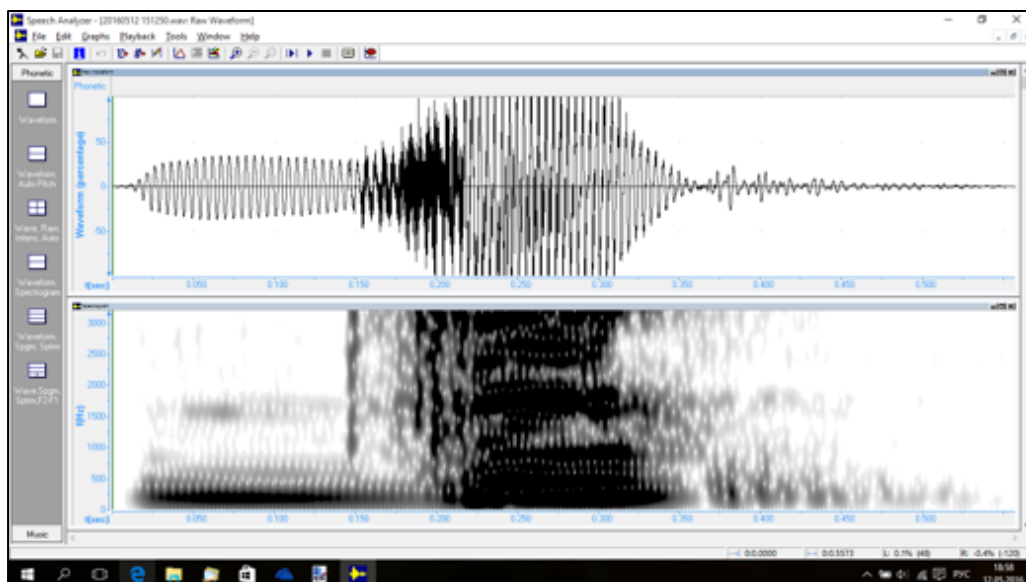

Рис. 9. [dz] в произношении автора в программе Speech Analyzer

Наша транскрипция является фонетической – т. е. отражает не нормированное (в применении к арумынскому языку – считающееся наиболее характерным для данного диалекта или считающееся правильным с точки зрения конкретного носителя) произношение, как, например, транскрипция М. Бара, приведённая в [Бара 2005: 435–486], а реальное звучание конкретного речевого потока.

Транскрипция создавалась по методике, используемой в лаборатории моделирования речевой деятельности. Текст транскрибировался на слух с опорой на осциллограммы, полученные в Sound Forge, и спектрограммы Speech Analyzer.

Необходимо сделать следующее уточнение. В связи с тем, что записи проводились не в лабораторной обстановке и при всём старании мы не могли исключить посторонние шумы, а также с тем, что г-н Кристо часто говорил крайне тихо, неоднократно случалось так, что спектро- и осциллограммы давали весьма нечёткую картину, и при распознавании звуков приходилось в основном опираться на наше восприятие. Хотя возможность удаления шума в используемых нами программах есть, мы в конечном итоге отказались от такого шага, так как вместе с белым шумом может быть удалена часть речевого потока – см. выше раздел «Фонетические методы исследования аффрикат».

Идентификация речевого сигнала проводилась на интервалах, которые не превышали длительности слога – таким образом исключалось какое бы то ни было влияние семантики на соответствие транскрипции потоку речи. Запись транскрипции производилась при помощи Международного фонетического алфавита. По причине сложности определения места ударения и качества ударного гласного в спонтанной речи и с учётом того, что ударный и безударный вокализм не имеет прямого отношения к теме настоящего исследования, знаки ударения не проставлялись в транскрипции вообще²⁷.

²⁷ В дальнейшем мы планируем учитывать связанные с позицией относительно ударного гласного параметры при анализе исследуемых звуков; однако для этого необходимо будет отдельно

Фонетический анализ нами также проводился при помощи сделанной нами транскрипции, а также спектрограмм и осциллограмм, так как даже при самом точном транскрибировании какие-то оттенки звучания могут остаться неотражёнными. Нами был выделен инвентарь имеющихся аффрикат (для каждого из исследуемых языков), затем собрана статистика по их различным реализациям, с учётом их позиций в слове. Отдельно были обговорены спорные случаи (например, невозможность по причине шума или нечёткости произношения определить, какая именно аффриката реализуется в данном случае).

Перейдём к конкретным результатам нашего исследования.

решить, по крайней мере, для языков, на материале которых мы работаем, проблему ударения, представляющую собой отдельный и крайне неоднозначный вопрос и в фонологии, и в фонетике – даже на материале лучше изученных в данных аспектах языков.

4. Аффрикаты в исследуемом материале

Инвентарь аффрикат в албаноязычной записи

В албанской речи наших информантов, помимо четырёх «ожидаемых», в соответствии с литературной нормой, аффрикат [ts], [dz], [tʃ] и [dʒ], нами были обнаружены такие звуки, как [dʒ], [tʃ] и [cç]. Примеры [ts], [dz] и [tʃ] см. в приложении 4, употребление остальных четырёх аффрикат будет подробно разобрано далее в разделе «Палатализация аффрикат».

Необходимо подчеркнуть, что, *q* и *gj* произносились нашими информантами именно как аффрикаты (см. выше в разделе «Аффрикаты в албанском языке» обзор различных точек зрения на эти согласные). Нельзя исключать вероятность, что это гегское влияние – на том, что в гегском варианте албанского *q* и *gj* воспроизводятся как аффрикаты, сходятся все исследователи. Однако подобное предположение, как нам кажется, не имеет под собой достаточных оснований.

Во-первых, Эльбасан находится на южной границе гегской диалектной зоны (географически – в самом прямом смысле, будучи расположенным на берегу Шкумбина). Во-вторых, наш основной информант А. Кристо вырос и учился на юге Албании. В-третьих, хотя он и его семья проживают в Эльбасане, насколько мы можем судить, они чаще имеют дело с литературной нормой, нежели с диалектной речью – А. Кристо работает бухгалтером и занимается изданием популярных книг и статей об арумынском языке, Э. Кристо преподаёт в университетах Албании и Германии. Наконец, в случае гегского влияния, на наш взгляд, имело бы место произнесение *q* и *gj* как [tʃ] и [dʒ] (что повсеместно наблюдается и считается региональной нормой в таких безусловно гегскоязычных районах, как частично признанная Республика Косово), в то время как в наших материалах они в большинстве случаев произносились гораздо более мягко (см. подробнее по данной теме раздел «Палатализация аффрикат»).

Так, например, *shoqerore* ‘общественная’ произносится как [ʃocʃerore] (см. спектрограмму и осциллограмму на рис. 10; здесь и далее аффрикаты или возникшие на их месте звуки отмечены на рисунках жёлтым), *qytetit* ‘город-GEN’ – как [cʃytetit] (см. рис. 11). Первый случай – отрывок из перевода спонтанного чтения на арумынском [Falo 2002], произнесённый, однако, очень тщательно, так как информант забыл албанскую лексему, некоторое время её припоминал и поэтому, наконец, воспроизвёл громко и чётко. Вторая словоформа – также из перевода, но она произнесена намного более бегло. Тем не менее, палатальная аффриката присутствует в обеих.

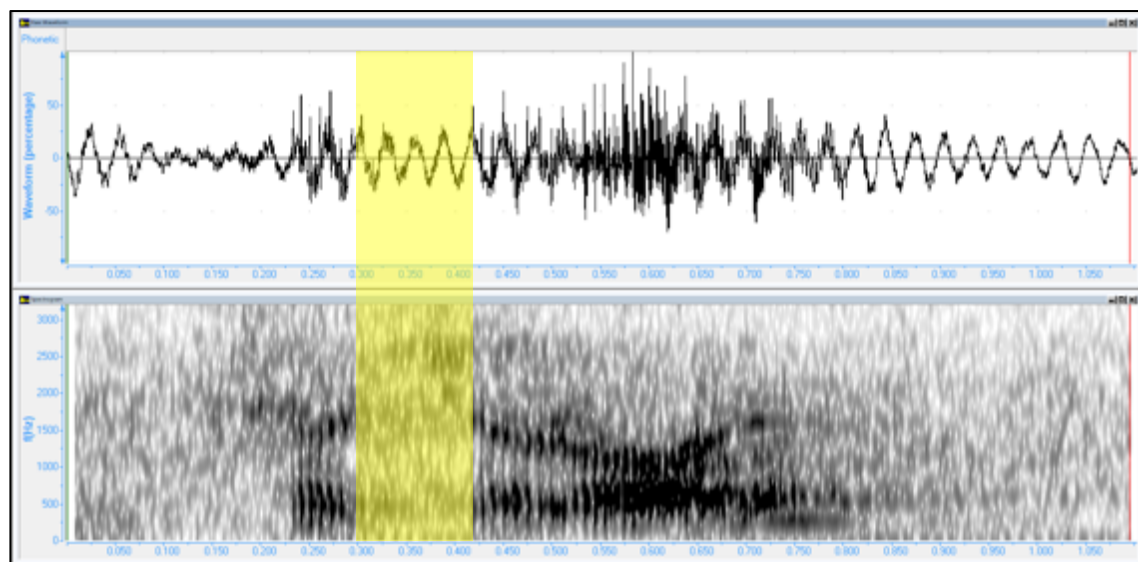

Рис. 10. *shoqerore* [ʃocʃerore] ‘общественная’

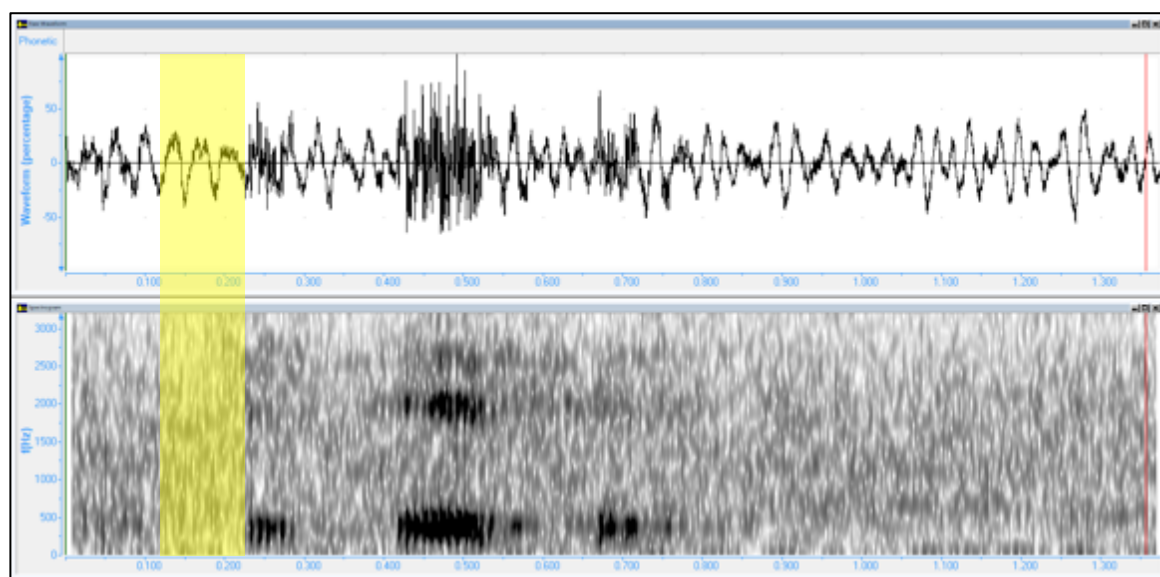

Рис. 11. *qytetit* [cʃytetit] ‘город-GEN’

Инвентарь аффрикат в арумыноязычной записи

В арумыноязычных материалах, собранных нами, помимо опять же «общепризнанных» [ts], [dz], [tʃ] и [dʒ], присутствуют [t'sʰ], [d'zʰ], [dz], [ʃʃ] и [çç] – относительно палатоальвеолярных см. далее раздел «Палатализация аффрикат» о проблеме пласта заимствованной лексики и отнесения его к арумынскому языку. Примеры [ts], [dz], а также [dz], [ʃʃ] и [çç] в словах, не относящихся к вышеупомянутой спорной лексике, см. в приложении 4. В свете дискуссий о различии аффрикат и смычных, подробно описанных в разделах, посвящённых аффрикат, стоит отметить, что, произнося [ʃʃ] (и в единичных случаях [dz]) и [çç] на месте буквосочетаний *ch* и *gh*, наш информант был уверен, что это просто сильно смягчённые смычные.

Любопытно, что весьма частотная, согласно словарям, фонема /dz/ в речи наших информантов реализовалась очень редко – это хорошо видно в таблице 4 (см. раздел «Палатализация аффрикат»), где случаев реализации [dz] и [d'zʰ] не набирается и десятка. Есть единственный случай появления [d'zʰ] в словоформе, в которой не предполагается /dz/: в словосочетании *multu ghini* ‘очень хорошо’, где в быстром произношении информанта произошла ассимиляция [t] и [gʰ] (см. спектрограмму и осциллограмму на рис. 12).

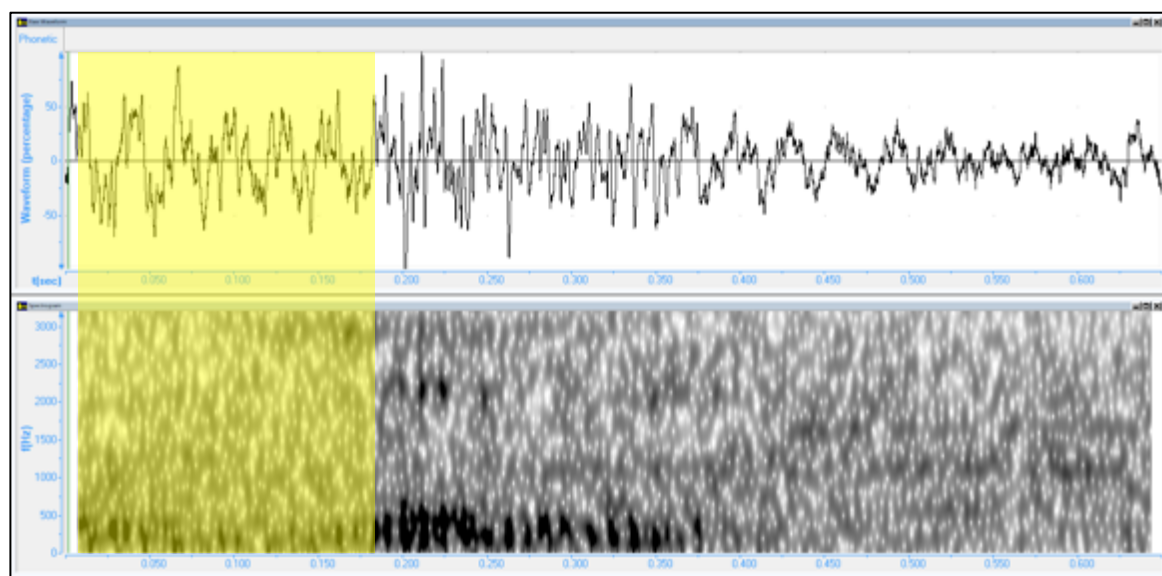

Рис. 12. *ghini* [d'z'in'i] ‘хорошо’

Ни в одном из известных нам арумынистических исследований ([Нарумов 2001а; Бара и др. 2005] и т. п.) палатализованные аффрикаты [t's'] и [d'z'] не были упомянуты отдельно от соответствующих твёрдых звуков. С другой стороны, если учесть отсутствие нормы и поэтому невозможность говорить об общеарумынской фонологии в строгом смысле слова, а также то, что многие говоры арумынского крайне мало исследованы, особенно в области фонетики, в изданиях об арумынском языке, не являющихся описанием конкретного говора, как правило, делается оговорка, что представленная в описании картина может отличаться от того, что можно обнаружить по диалектам [Нарумов 2001а: 641] (см. выше раздел «Исследования арумынского языка»).

Кроме того, в немногочисленных работах по общей балканской фонетике, таких, как [Sawicka 1997], восточнороманские языки отмечаются как сохранившие живую палатализацию, по крайней мере, частично, поэтому возможность появления [t's'] и [d'z'] не отрицается.

В одной и той же позиции согласный может произноситься и как палатоальвеолярная, и как палатальная аффриката. Так, например, перед [i] в слове *nici* 'ничего' произносится палатальный звук (см. ниже спектрограмму и осциллограмму на рис. 20), а в слове *aici* 'здесь' – [tʃ] (см. рис. 13).

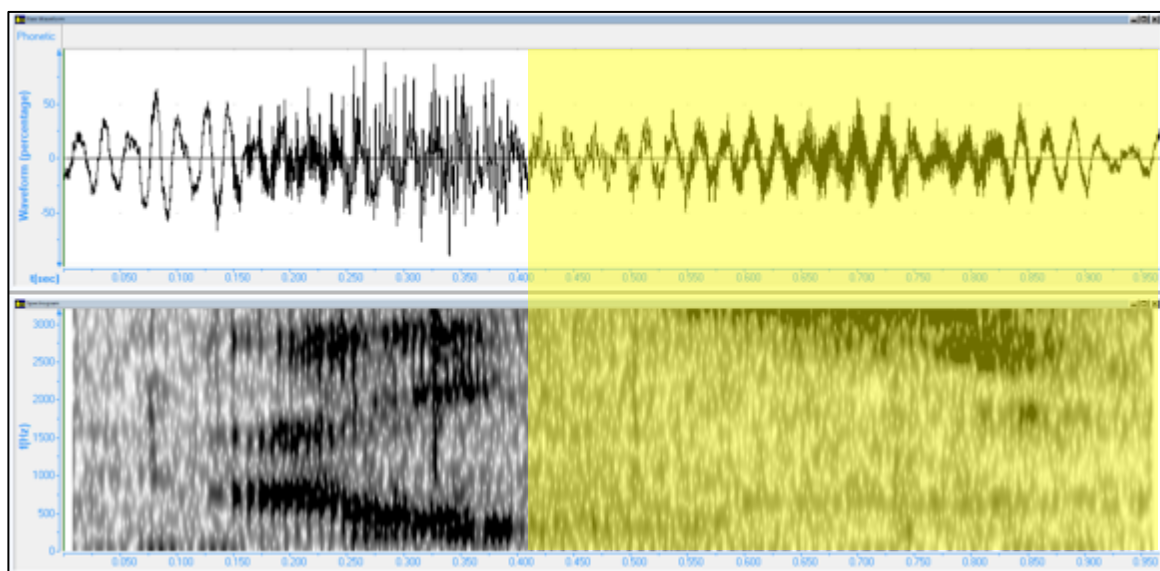

Рис. 13. aici [aitʃ] 'здесь'

Перейдём теперь к замеченным нами фонетическим процессам.

Палатализация аффрикат

Наибольший интерес среди полученных результатов представляет собой Палатализация аффрикат, проходящая, по нашим наблюдениям, и в арумьнской, и в албанской речи информантов, однако совершенно различным образом.

Прежде всего, следует отметить нехарактерную для литературного албанского языка палатализацию палатоальвеолярных аффрикат [tʃ] и [dʒ], причём часто происходящую перед гласными непереднего ряда, вплоть до того, что, по нашему мнению, может иметь место переход в более палатальный по месту образования звук.

Так, например, в *xham* 'стекло' можно говорить о переходе /dʒ/ в [dz]. На спектре (см. рис. 14, с осциллограммой) ясно виден *i*-образный переход между аффрикатой и [a] – значение верхней форманты достигает 3000. Для сравнения приведены также спектр и осциллограмма той же лексемы, произнесённой информантом без какой-либо палатализации (см. рис. 15).

Примечательно, что оба примера были записаны в процессе анкетирования, т. е. тогда, когда по идее ожидается максимальная чёткость произношения и близость хотя бы к условному, признаваемому информантом стандарту.

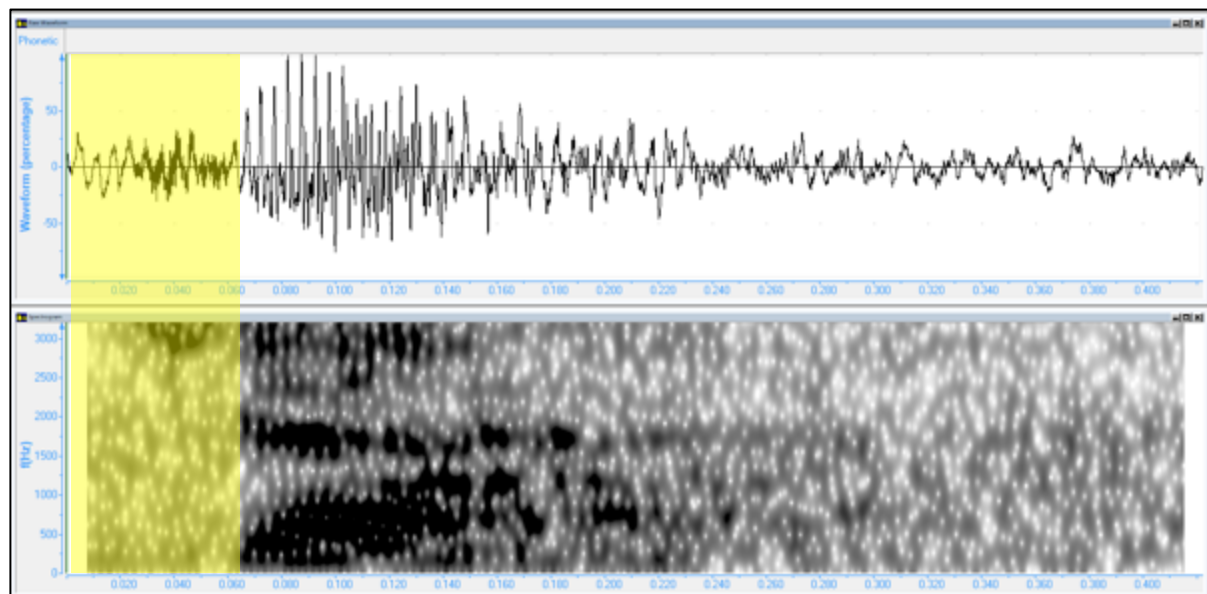

Рис. 14. xham [dzam] 'стекло'

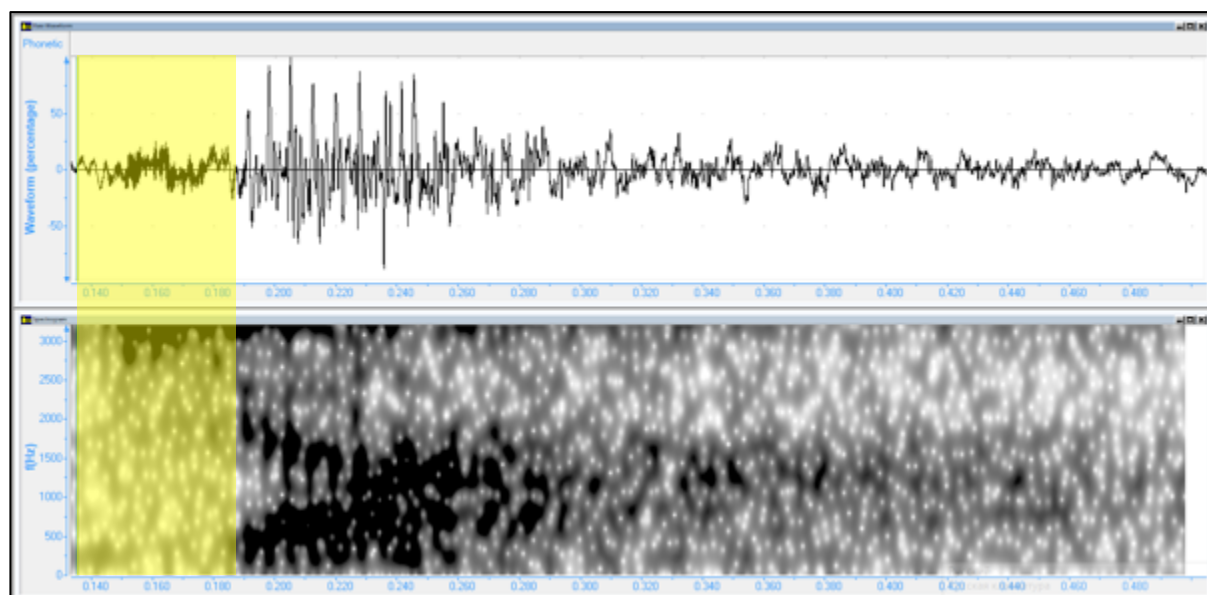

Рис. 15. xham [dzam] 'стекло'

В свою очередь, аффриката /tʃ/ в албаноязычной речи наших информантов также может переходить в более палатальный по месту образования звук, даже в [çç], как, к примеру, мы видим в слове *çelësi* [çel'si]

‘ключ-DEF’ (см. спектральный анализ и осциллограмму на рис. 16). Однако данная аффриката изменяется только перед переднеязычными звуками, в отличие от своей пары по звонкости, что, на наш взгляд, представляет собой дополнительное подтверждение уже выявленной в ходе исследований различных языков нестабильности звонких аффрикат по сравнению с глухими [Zygis et al. 2012: 299].

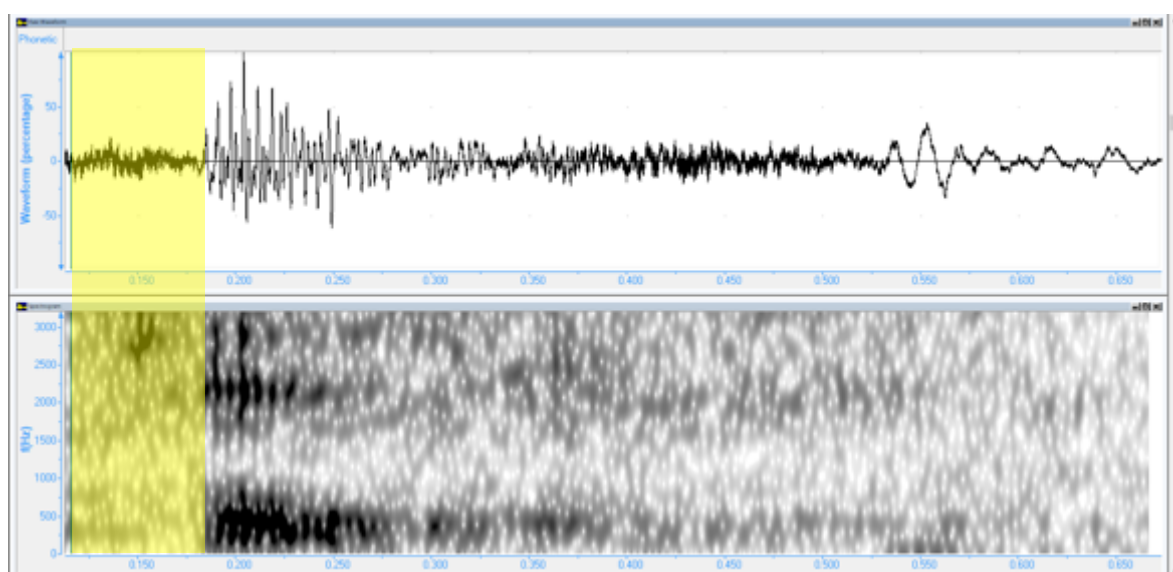

Рис. 16. çelësi [çel'si] ‘ключ-DEG’

Общая статистика по случаям смягчения твёрдых палатоальвеолярных аффрикат в исследованном на данный момент материале такова (см. таблицу 3, построенную с учётом качества согласного и его позиции в слове):

Таблица 3. Смягчение палатоальвеолярных аффрикат в албанской речи

/dʒ/		
Позиция	Наличие смягчения	Отсутствие смягчения
Перед гласными непереднего ряда	21	8
Перед гласными переднего ряда	3	5

В конце слова	1	4
/tʃ/		
Позиция	Наличие смягчения	Отсутствие смягчения
Перед гласными непереднего ряда	0	3
Перед гласными переднего ряда	7	11
Перед согласным	1	1

Как мы видим, наиболее высокие показатели по смягчению даёт звонкая аффриката перед гласным непереднего ряда. Причину этого можно обозначить следующим образом. /dʒ/ – наименее частотная аффриката в арумынском языке, представленная в подавляющем большинстве случаев в турцизмах, которые осознаются арумынами как некий чужеродный пласт лексики. Соответственно, даже при произношении слов второго языка²⁸ информант осознавал данную фонему как чуждую и реинтерпретировал её как более привычно звучащий согласный звук (весьма частотное в албанском языке буквосочетание *gj*, которое читается либо как аффриката, либо как [gʲ] – см. выше раздел «Аффрикаты в албанском языке» – он произносил как [ʒʒ]).

Могло сыграть свою роль и то, что слова с /dʒ/ перед гласными непереднего ряда практически все представляли собой именно турецкие заимствования (такие, как *xham* ‘стекло’, *xhami* ‘мечеть’, *xhuxh* ‘карлик’).

Наконец, есть и вероятность, что подобная палатализация аффрикат не мотивирована какими-либо явными внешними факторами.

Что касается арумынских материалов, то в арумынской спонтанной речи можно наблюдать ярко выраженную палатализацию дентальных аффрикат.

²⁸ Следует учесть и то, что в ходе записи несколько раз происходил временный переход на арумынский, как при необходимости уточнить звучание того или иного слова на этом языке в сравнении с албанским, так и просто случайно (см. примеры текстов в приложении 3).

В первую очередь, это смягчение, явно обусловленное позицией перед гласным переднего ряда. Оно происходит не повсеместно – так, например, в слове *civilizație* ‘цивилизация’ первая из аффрикат не подверглась смягчению, а вторая подверглась, при том, что обе находятся перед [i] (см. рис. 17). Скорее всего, это связано с тем, что вторая аффриката содержится в аффиксе, который и произносится менее тщательно, чем корень.

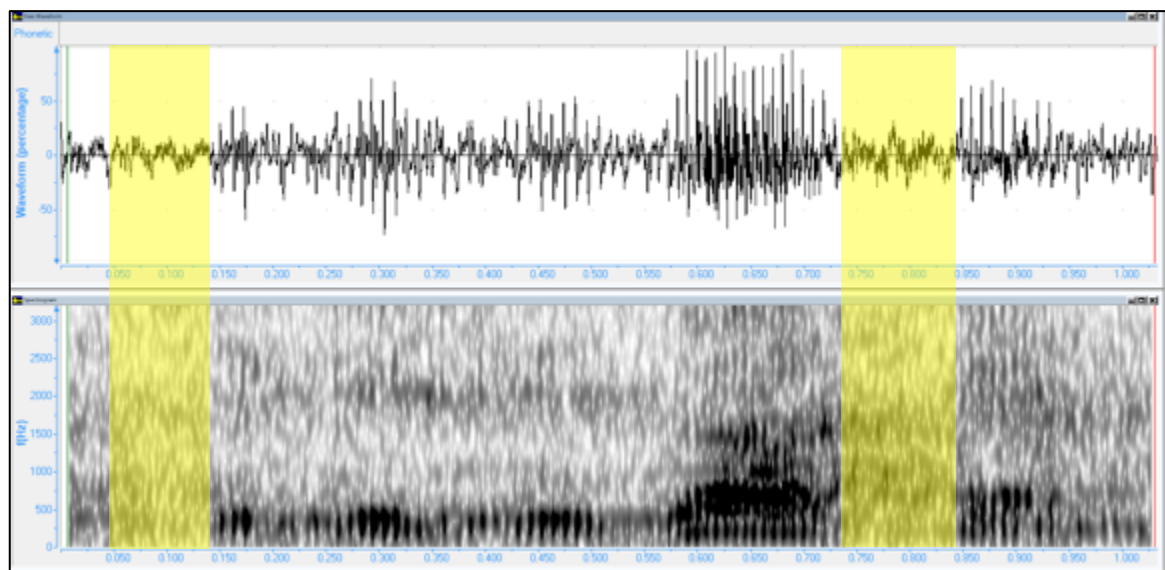

Рис. 17. *civilizație* [tsiv'il'izat's'ja] ‘цивилизация’

Кроме того, есть случаи смягчения на конце слова – точнее, перед призвуком переднего ряда, который иногда, в зависимости от информанта и говора, произносится, иногда нет. К примеру, такое смягчение мы наблюдаем в *interesați* [ɛnter'esat's'] ‘заинтересованные’ (см. рис. 18).

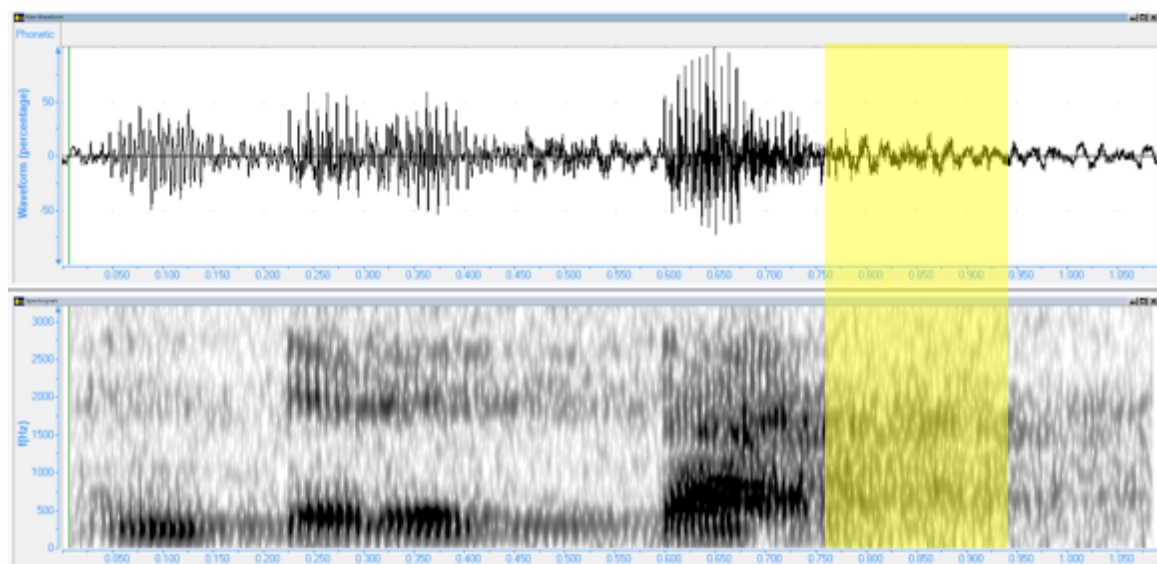

Рис. 18. interesatî [ənter'esat's] 'заинтересованные'

В имеющихся в нашем распоряжении материалах из Турьи (см. выше раздел «Пилотные исследования: говор Турьи и говор Ресена») палатализация дентальных была наиболее заметна в кратких и частотных лексемах, таких, как *ʃi* 'что'. Однако эльбасанские данные, как мы видим, демонстрируют несколько иную картину – смягчение чётче всего проявляется в аффиксах многосложных слов²⁹. Для сравнения см. спектрограмму и осциллограмму *ʃi* в произношении г-на Кристо на рис. 19: смягчается только вторая фаза, и то незначительно.

²⁹ Можно также предположить, что смягчению подвергаются аффрикаты, расположенные непосредственно после ударных гласных. Однако, как уже было упомянуто в разделе «Транскрипция и анализ», выяснить, как определяется в данном идиоме ударность гласного – это совершенно отдельная задача, поэтому пока что мы воздерживаемся от составления какой-либо статистики по данному критерию.

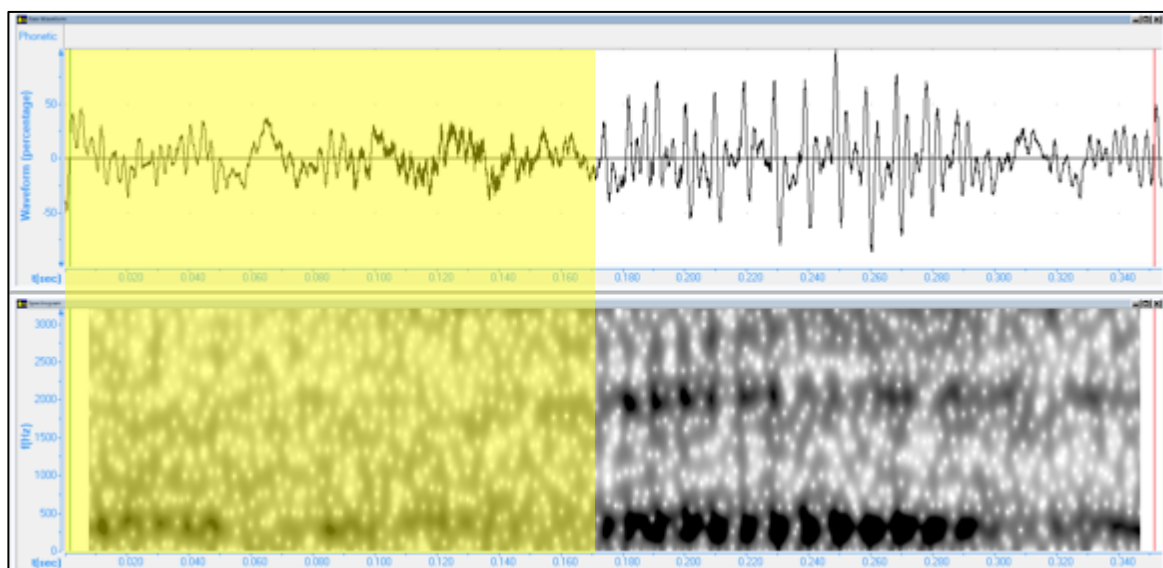

Рис. 19. *ʃi* [ts'i] 'что'

Сами информанты не воспринимают разницы между палатализованными и непалатализованными аффрикатами – не только потому, что палатализация, как было сказано выше, происходит нерегулярно и незакономерно, но и потому, что они не считают, что она должна иметь место. Подтверждения этому мы видели на анкетировании: после подачи реакции *ʃati/ʃāʃi* [zat's'i] 'десять' на заданный стимул (см. ниже раздел «Переход аффрикат в щелевые» и рис. 22) наш информант стал произносить это слово по буквам как «[dz], [a], [ts]».

Из составленной на данный момент статистики по смягчению дентальных аффрикат перед гласным переднего ряда мы видим следующее (см. таблицу 4).

Таблица 4. Позиционно обусловленное смягчение дентальных аффрикат в арумынской речи

Позиция	/ts/		/dz/	
	Смягчение	Без смягчения	Смягчение	Без смягчения
На конце слова перед призвуком	11	14	2	0
Перед гласным переднего ряда ³⁰ или [j]	22	38	4	3

Более частотная аффриката /ts/ демонстрирует многочисленные случаи палатализации. Как было отмечено выше (см. раздел «Инвентарь аффрикат в арумыноязычной записи»), это в целом более ожидаемо в арумынском, нежели в албанском, по причине того, что восточнороманские языки частично сохраняют палатализацию даже на фонологическом уровне.

Кроме того, применительно к арумынской речи информантов также встаёт вопрос о турецкой лексике, палатоальвеолярные аффрикаты в которой подвергаются палатализации. Выше уже было отмечено, что турцизмы до сих пор воспринимаются арумынами как нечто чужеродное, поэтому наши информанты, произнося их, даже не делали различия между албано- и арумыноязычной реакцией на стимулы нашей анкеты, отвечая, что слово «то же самое» для обоих языков. С нашей точки зрения, наиболее правильным было бы учитывать палатализацию в турцизмах отдельно, но относить эти словоформы к албанским (по крайней мере, как элементы пассивного

³⁰ Важно оговориться, что наряду с гласными переднего ряда при составлении данной статистики учитывался также гласный среднего ряда в слове *dāṭi* ‘десять’, так как он, по нашим данным, может смягчаться под действием финального гласного (или призвука). Причиной этого, скорее всего, являются краткость произнесения и частотность слова.

албанского словарного запаса информантов), так как вероятнее всего то, что в арумынский язык они попали через албанское посредничество.

При этом нельзя не упомянуть отдельные случаи палатализации палатоальвеолярных в исконной арумынской лексике, например, в словоформе *niçi* ‘ничего’ [niççi] (см. спектрограмму и осциллограмму на рис. 20).

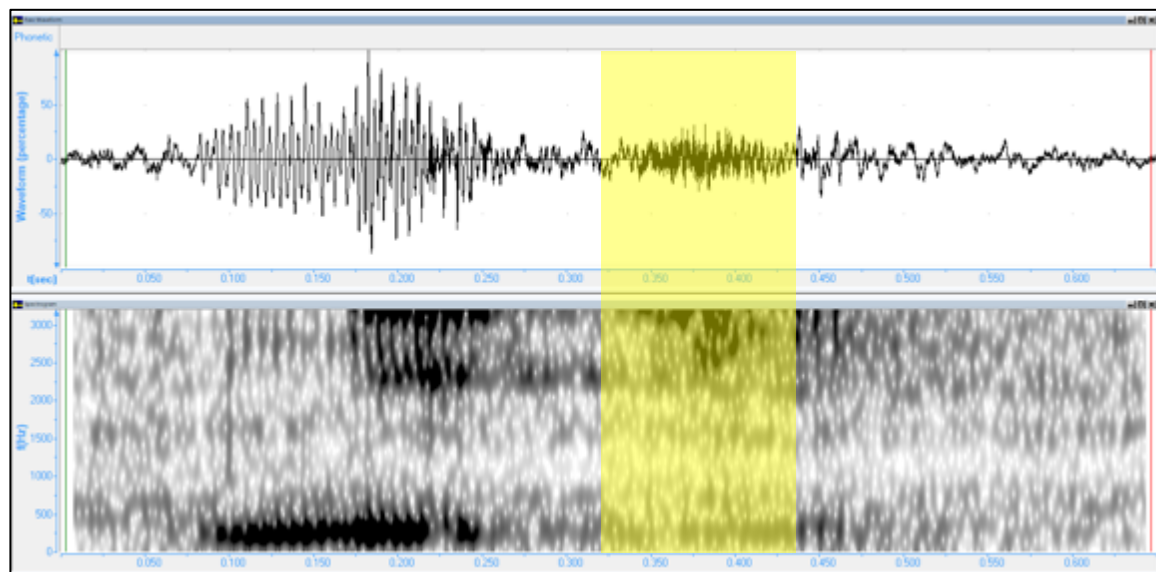

Рис. 20. *niçi* ‘ничего’ [niççi]

Более того, нами был обнаружен даже пример сходной с албанской палатализации перед гласным непереднего ряда в слове *ğumitatā* ‘половина’, имеющем ещё латинские корни – от лат. *dimidium* с тем же значением [Coloñea 2012: 150] (см. спектрограмму и осциллограмму на рис. 21).

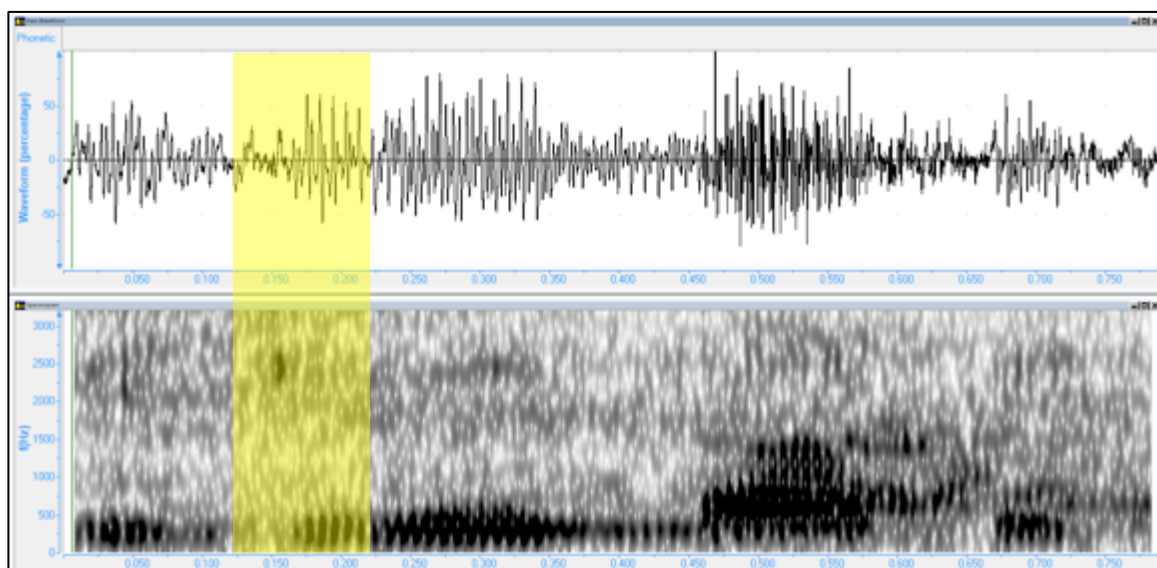

Рис. 21. *ḡumitatā* [dʒym'itati] 'половина'

Эти случаи единичны и, на наш взгляд, происходящая в них палатализация подтверждает наше предположение о стремлении речи к «избавлению» от «чужеродных» данному языку фонем. Если мы обратимся к исследованиям по фонетической типологии, то увидим, что, например, в [Guion 1998], уже высказывалась мысль, что палатализация может быть результатом перцепции звуков самим говорящим – правда, в данной статье шла речь только о палатализации перед гласными переднего ряда как о наиболее распространённом явлении.

Переход аффрикат в щелевые

Из процессов, затрагивающих дентальные аффрикаты в арумынском, также следует отметить дезакклюдацию, т. е. выпадение смычной фазы. Этот процесс был особенно заметен в аудиозаписях арумын Греции (см. выше раздел «Пилотные исследования: говор Турьи и говор Ресена»), в некоторых из которых в 50% случаев употребления [ts] эта аффриката произносилась без смычки; в материалах, собранных в Эльбасане, такой переход представлен гораздо менее широко. Один из немногих случаев, который, на наш взгляд, не является спорным – произнесение *ḡaṭi* 'десять' как [zat'sⁱ] (см. рис. 22).

Причём это имело место при анкетировании, т. е. в наименее спонтанной части материалов, а во всех других случаях употребления данной лексемы перехода аффрикат в щелевые не наблюдалось, так что пока это можно назвать только случайностью, не релевантной для общей картины.

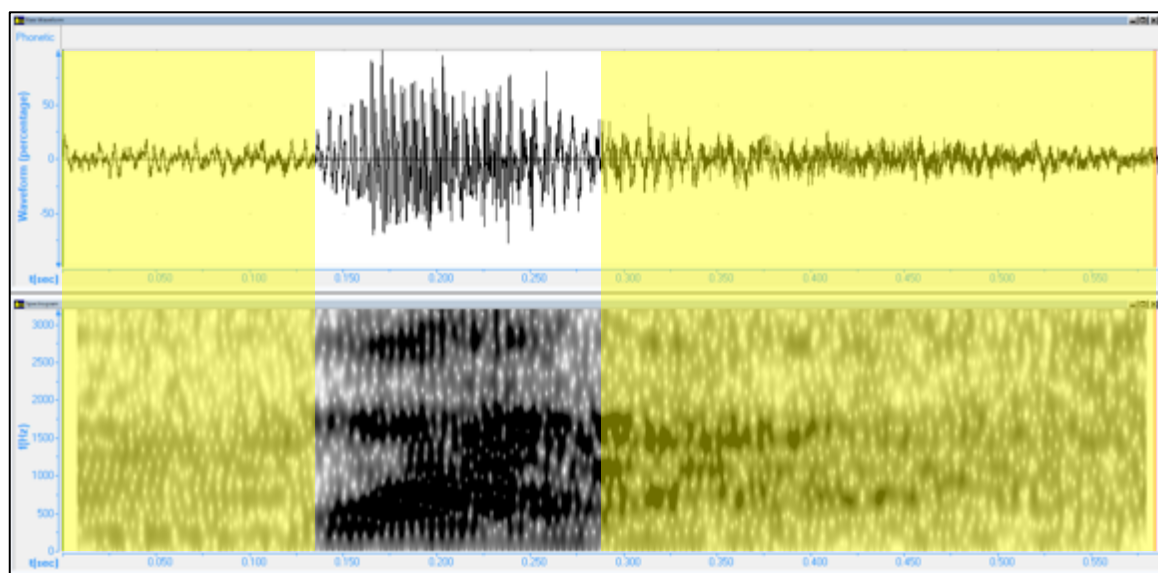

Рис. 22. *ḍaṭi* [zat's'i] 'десять'

Отдельно стоит упомянуть о лексеме, применительно к которой, по нашему мнению, можно говорить о состоявшемся переходе аффрикаты в щелевой, на данный момент не отражённом в словарях: лексема *aḍ* 'сегодня' в имеющихся в нашем распоряжении источниках по арумынской лексике (в частности, [Papaḥagi 1974; Бара и др. 2005]) записана как содержащая аффрикату. Но все информанты, которые вообще знали её, произносили её исключительно как [az], и было очевидно, что они и произносят, и воспринимают согласный звук как щелевой. Кроме того, ранее наша информантка из Ресена также не просто воспроизводила это слово как [az], но и, предложив письменно ответить на вопросы нашей анкеты, записала его через з.

В албанской речи наших информантов никаких подобных процессов отмечено не было.

Если мы обратимся к данным фонетической типологии, то увидим, что исчезновение смычной фазы у аффрикаты – наблюдаемый или реконструируемый во многих языках процесс. В одной из важных работ по диахронической фонологии [Kümmel 2007] перечислены случаи выпадения смычки у свистящих аффрикат, например, для большей части групп индоевропейской языковой семьи.

Наиболее частотным представляется выпадение смычки в [ts] –согласно [Kümmel 2007: 376–409], оно происходило, к примеру, в поздней латыни, венецианском диалекте, южнорусских диалектах, чакавском хорватском и др., а также реконструируется для таких мёртвых языков, как фригийский, праалбанский и прагреческий [Kümmel 2007: 372–373]. Для них же реконструируется выпадение смычки в [dz]; из письменно зафиксированных языков оно происходило в гегском албанском и очень часто в романской группе, например, в старокаталонском. Утрата смычки в [tʃ] отмечена в каталонском и леонском, а также в некоторых латышских и словацких диалектах [Kümmel 2007: 349–447]. Немаловажно, что утрата смычки в звонких аффрикатах произошла в румынском (см. выше раздел «Инвентарь аффрикат»), генетически самом близком к арумынскому языку. В типологических исследованиях также отмечается, что именно переднеязычные согласные чаще всех остальных подвергаются изменениям [Paradis, Prunet 1991: 19].

Переход аффрикат в щелевые наблюдался и в ходе анализа конкретных языков. Так, в работе [Касаткин 1999], посвящённой современной фонетике различных вариантов русского языка, на материале, к примеру, говоров Гдовского района Псковской области описываются как случаи ослабления смычки и удлинения щелевой фазы аффрикат, так и случаи полного перехода аффрикат в щелевые [Касаткин 1999: 266–270].

В исследовании по истории шведских аффрикат [Кузьменко 1970а] отмечено выпадение смычного начала у аффрицированных согласных в говорах южной Швеции, таких, как говор Сконе [Кузьменко 1970а: 7].

Общеизвестным является пример выпадения смычки у /ts/ и /dz/ из исторической фонологии французского языка [Malmberg 1958: 545; Alkire, Rosen 2010: 62].

Некоторые диалектологические работы на материалы различных идиомов, тоже регистрирующие переход аффрикат в щелевые, перечислены в [Žygis et al. 2012: 308–309]; примеры языков, где имел место этот переход, см. также в [Hock, Joseph 2009: 134].

Нестабильность, незащищённость аффрикат в системе звуков языка экспериментально подтверждается и в современных русскоязычных исследованиях, в том числе на материалах, собранных в Санкт-Петербурге [Вербицкая 2017].

Итоги и перспективы

Как мы видим, инвентарь аффрикат в албанской и арумынской речи наших информантов совпадает, за исключением присутствующих в арумынском мягких [t'sʰ] и [d'zʰ] более того, ранее не отмеченный (насколько нам известно) в литературе по данному вопросу процесс – палатализация аффрикат в спонтанной речи – затрагивает материал на обоих языках.

Однако, во-первых, дистрибуция албанских и арумынских аффрикат различна. Наиболее частотные позиции для аффрикат (не считая турецкой лексики, которая далее будет разобрана отдельно):

- в арумынской речи:
 - в начале слова перед гласным или в его конце перед призвуком, чаще всего переднего ряда
 - [ts], [t'sʰ]: в интервокальной позиции в суффиксах, реже в корнях, поздних заимствований
 - палатальные аффрикаты: в интервокальной позиции на месте буквосочетаний *ch*, *gh* перед гласными переднего ряда

- в албанской речи:
 - в интервокальной позиции
 - в немногочисленных, но частотных словах в начале (*cili* ‘который’, *çfar* ‘что’)

Процесс палатализации, пусть и имеет единый механизм, происходит различным образом в албанской и арумынской записи. В албанском в наибольшей степени затрагиваются палатоальвеолярные аффрикаты, причём наиболее часто в позициях, которые обычно не обуславливают смягчение (отсутствие предшествующего или последующего гласного переднего ряда). В арумынском смягчаются дентальные, и палатализация происходит исключительно при наличии обычных факторов – следующего за данным согласным гласного звука, призвук или же [j].

Возникает вопрос, стоит ли говорить здесь об интерференции и о влиянии арумынского языка на албанский – хотя о наличии фонологического смягчения в восточнороманских языках известно давно, ни в одном из имеющихся в нашем распоряжении источников не говорится о живой палатализации в албанском наподобие такой, которая описана с опорой на наши данные.

На наш взгляд, речь следует вести о влиянии в области не фонетики как таковой, а дистрибуции звуков. Палатоальвеолярные аффрикаты присутствуют в малой части лексем и редко употребляются в арумынском; в связи с культурой и вероисповеданием информантов можно смело предполагать, что и в албанской повседневной речи они нечасто используют турцизмы. Соответственно, наша теория о «чужеродности» палатоальвеолярных для речи информантов представляется закономерной.

Дентальные аффрикаты в албанском, тем более в позиции перед гласным переднего ряда, употребляются намного реже, чем в арумынском, и, в отличие от арумынских дентальных, которые чаще присутствуют в начале или в конце слова, они, как правило, занимают интервокальную позицию. В

связи с этим, как мы считаем, палатализация дентальных, даже позиционно обусловленная, в албанской речи отсутствует совершенно.

Подобная ситуация схематично описана ещё в классической статье У. Вайнрайха, где отмечено, что «если некоторый признак присутствует в языке S [источнике интерференции] в порядке свободного варьирования, а в языке C [объекте интерференции] участвует в фонологическом противопоставлении, то следует ожидать *непредсказуемых ошибок*» [Вайнрайх 1972: 34; курсив наш – А. Х.]. С некоторыми поправками (как было указано выше, чёткого описания арумынской фонологии нет, а живой палатализации в албанском, подобной отмеченной нами, больше ни в каких источниках не описано – однако нет и никаких факторов, которые бы полностью исключали её возможность), по нашему мнению, эта характеристика применима к тому, что мы наблюдаем в речи наших информантов.

Что касается «ошибок» (пользуясь выражением Вайнрайха), мы можем на основании наших частных выводов предположить, что фонетический процесс, характерный для одного из контактирующих языков и чужеродный (или менее характерный) для другого, в таких случаях будет в первую очередь затрагивать наименее привычные носителю словоформы с необычным для родного языка информанта фонетическим обликом – как это и произошло с турцизмами.

Мы не можем делать каких-либо выводов о том, будет ли в случае с каким-либо из описанных нами процессов иметь место языковое изменение – мы склонны разделять позицию, высказанную в [Клейнер 2006]: «перемещение этих [произносительных] вариантов “по горизонтали”, т. е. в пределах данного синхронного среза, отражает динамику языка, которую часто принимают за языковое изменение. В действительности же любые модификации в пределах синхронного среза нельзя интерпретировать иначе, как варьирование ... Такое варьирование может иметь отношение к истории языка, но совсем не обязательно к эволюции данной языковой системы»

[Клейнер 2006: 135]. Желательно было бы проследить развитие исследуемых говоров в течение нескольких десятилетий (по способу изучения языковых изменений, предложенному ещё У. Лабовом [Labov 1965: 94]), но в нашем случае возможность такого исследования очень мала, так как даже нынешнее среднее поколение практически не владеет арумынским.

Для более чёткой картины по аффрикатам в речи албано-арумынских билингвов и проверки наших теорий относительно чужеродной лексики следует собрать больше аудиоматериалов от других проживающих в Албании носителей арумынского языка. Кроме того, в будущем мы планируем обратить внимание на речь албанцев-монолингвов³¹ и билингвов-носителей других языков (например, албанцев Черногории), чтобы иметь возможность сопоставить влияние различных идиомов на фонетику их спонтанной речи.

³¹ По крайней мере (в связи со сложностью поисков чистых монолингвов в современном мире), не владеющих двумя языками как родными.

Заключение

В работе был проведён обзор исследований по фонетике спонтанной речи и аффрикатам, затем дана информация по албанскому и арумынскому языку и исследованиям, посвящённым им. В связи с этим было указано, что работ по спонтанной речи на балканоязычном материале в нашем распоряжении не имеется, а аффрикаты, как албанские, так и арумынские, практически не рассматриваются как отдельная тема.

Был кратко охарактеризован арумынский говор наших информантов, и было отмечено, что, говоря на албанском, они используют литературную норму. Далее мы привели развёрнутое описание методики нашего исследования – предварительной работы с другими арумынскими диалектами, подготовки и проведения экспедиции в Эльбасан и фонетического анализа собранных аудиозаписей.

В результате нашего исследования выявлены и проанализированы инвентари аффрикат в албанской и арумынской речи информантов. Как мы установили, они почти совпадают, за исключением присутствующих только в арумынском материале мягких дентальных, однако дистрибуция албанских и арумынских аффрикат различна. Далее мы выявили как в албанском, так и в арумынском материале многочисленные свидетельства палатализации аффрикат, анализ которых позволяет нам сделать следующие наблюдения.

В албаноязычном речевом потоке смягчаются палатоальвеолярные аффрикаты, и оно в большинстве случаев не обусловлено никакими видимыми внешними факторами (и, напротив, перед гласными переднего ряда, когда смягчение было бы более ожидаемо и закономерно, оно происходит редко). В арумынской же речи палатализации подвержены дентальные аффрикаты, как правило, перед гласным или призвуком переднего ряда, т. е. процесс закономерен, и, более того, наши данные согласуются с данными восточнороманской фонетики и фонологии: известно, что румынский язык сохраняет фонологическое смягчение.

Такая картина позволяет нам предположить, что вследствие влияния арумынского языка в албанской речи нашего информанта происходит устранение чуждых для него звуков – палатоальвеолярные, особенно звонкие, аффрикаты крайне слабо представлены в арумынском. Другим фактором этого процесса, который можно выявить при обращении к типологическому контексту, является общая нестабильность звонких аффрикат.

Дополнительно нами отмечены единичные случаи процесса, весьма интенсивно проходящего в других известных нам арумынских говорах – выпадения смычной фазы аффрикаты.

Перспектив дальнейшей работы весьма много. Прежде всего, это дальнейшее исследование албано-арумынского билингвизма и фонетической интерференции албанского и арумынского языков, в том числе на материале других языковых вариантов.

С этой задачей связаны проблемы, во-первых, разработки общеарумынской фонологии, во-вторых, рассмотрения спорных моментов в фонологии албанского языка, как, например, вопроса наличия или отсутствия среднеязычных аффрикат. В этой области, в связи с разрозненностью имеющихся исследований, поле для возможной работы очень велико.

Кроме того, проблема билингвизма крайне любопытна с психо- и социолингвистической точки зрения, и сейчас, когда идёт возрождение самосознания арумын, мы можем проанализировать не только собственно звучание их речи, но и их собственное восприятие албанских и арумынских фонем.

Список использованной литературы

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений: учебное пособие. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
2. Апушкина И. Е. Безударные гласные в спонтанном тексте // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трёх поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Отв. ред. Е. В. Ерофеева. – Пермь: [б.и.], 2011. – С. 38–45.
3. Апушкина И. Е., Венцов А. В., Слепокурова Н. А. Фонетическое слово – реальность или фантом? // Труды третьего междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи» (АР³ – 2009). – СПб.: ГУАП, 2009. – С. 18–22.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
5. Балшайтите Д. Длительность фазы взрыва согласного и палатализация: звонкие смычные согласные в речи носителей русского языка в Литве // Verbum. № 1. – Vilnius: Vilnius University, 2010. – P. 17–26.
6. Бара М., Каль Т., Соболев А. Н. Южноарумынский говор села Турья (Пинд) // Materialien zum Südosteuropasprachatlas, hrsg. von H. Schaller und A. N. Sobolev. Bd. IV. – München: Biblion Verlag, 2005.
7. Богданова-Бегларян Н. В., Бродт И. С., Куканова В. В., Павлова О. В., Сапунова Е. М., Суббота И. А., Филиппова Н. С., Хан Н. А., Чуйко В. М. и др. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.
8. Бондарко Л. В. Загадка спонтанной речи / Филология. Русский язык. Образование: Сборник статей, посвящённых юбилею профессора Л.

- А. Вербицкой. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 41–50.
9. Бондарко Л. В. Языкознание и технический прогресс // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 3. – М.: АН СССР, 1973. – С. 255–260.
10. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. Два аспекта прикладных исследований фонетики // Структурная и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник. Вып. 2. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. – С. 138–145.
11. Бондарко Л. В. Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. Распознаваемые звуковые единицы русской речи и их соотношение с фонемами // Семинар по психолингвистике (30 мая–1 июня 1966). Тезисы докладов и сочинений. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1966. – С. 29–30.
12. Бояджиев Т. Образуване на африкати от проходни съгласни в българските говори диалекти / Бояджиев Т. Книжовен език и диалекти. – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2012а. – С. 294–297.
13. Бояджиев Т. Произход и дистрибуция на звучните африкати в българските диалекти / Бояджиев Т. Книжовен език и диалекти. – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2012б. – С. 284–293.
14. Булашевич А. Е. Оценка уровня вокализации методом прямого синтеза // Труды третьего междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи» (АР³ – 2009). – СПб.: ГУАП, 2009. – С. 52–56.
15. Бухтилов Л. Д., Дегтярев Н. П., Лобанов Б. М. Об автоматическом выделении из речевого сигнала акустического признака «тон – не тон» // Грубник Н. А (глав. ред.) и др. Труды Акустического института. Вып. XII. – М.: АИАН, 1970. – С. 17–20.

16. Васильева М. Г. Сложные согласные звуки в фонетическом и фонологическом отношении (экспериментально-фонетическое исследование на материале халха-монгольского, бурятского и русского языков). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.
17. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике, вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 32–36.
18. Венцов А. В. Перцептивный словарь и автоматическое распознавание речи // Труды третьего междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи» (АР³ – 2009). – СПб.: ГУАП, 2009. – С. 14–17.
19. Венцов А. В., Грудева Е. В. Частотный словарь словоформ русского языка (проект). – Череповец: Издательство ЧГУ, 2008.
20. Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994.
21. Венцов А. В., Нигматулина Ю. О., Раева О. В., Риехакайнен Е. И., Слепокурова Н. А. Корпус русских спонтанных текстов: структура и единицы // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2013». – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2013. – С. 223–230.
22. Венцов А. В., Слепокурова Н. А. Об опыте создания фонетически аннотированного корпуса русской спонтанной речи // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8–10 октября 2010 года. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010. – С. 27–28.
23. Венцов А. В., Слепокурова Н. А. Фонетика русского звучащего текста и проблема моделирования процессов восприятия речи / Человек говорящий: исследования XXI века: коллективная

- монография. Под ред. Л. А. Вербицкой, Н. К. Ивановой. – Иваново: ФГБОУ ВПО «ИГХТУ», 2012. – С. 43–50.
24. Венцов А. В., Слепокурова Н. А., Снюгина Е. А. Особенности паузации спонтанного и прочитанного текстов // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2011): Труды пятого междисциплинарного семинара. – СПб.: ГУАП, 2011. – С. 27–32.
25. Вербицкая Л. А. Норма орфоэпическая и норма орфографическая. Доклад 13 марта на пленарном заседании XLVI Международной филологической научной конференции. Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 13–22 марта 2017 года.
26. Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. К вопросу о сочетаниях согласных в русской речи // Филологические науки, № 3 (51). – М.: Высшая школа, 1969. – С. 43–53.
27. Винцюк Т. К. Анализ, распознавание и интерпретация речевых сигналов. – М.: Рипол Классик, 1987.
28. Вольская Н. Б. Интонация и языковой контакт: прагматический аспект внутри- и межъязыковой интерференции // XLII Международная филологическая конференция (11–16 марта 2013 года). Избранные труды. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. – С. 85–92.
29. Галунов В. И., Слепокурова Н. А. Метрическая модель восприятия речи // Семинар по психолингвистике (30 мая–1 июня 1966). Тезисы докладов и сочинений. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1966. – С.: 30–31.
30. Гирфанова А. Х. Источники изучения тюркских заимствований в албанском языке // Н. Н. Казанский (отв. ред.) Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. V, ч. 1. – СПб.: Наука, 2009. – С. 37–50.
31. Горлова А. А., Слепокурова Н. А. Редукция предударных компонентов словоформ в спонтанной речи // Анализ разговорной

- русской речи (АРЗ-2012): Труды шестого междисциплинарного семинара. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – С. 15–20.
32. Григорян А. А. О характеристиках каналов для выделения группы гласных звуков и частоты второй форманты // Грубник Н. А. (глав. ред.) и др. Труды Акустического института. Вып. XII. – М.: АИАН, 1970. С. 75–77.
33. Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. – Л.: Наука, 1968.
34. Десницкая А. В. К изучению латинских элементов в лексике балканских языков / А. В. Десницкая (отв. ред.) и др. *Romano-Balkanica* (Вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале): сборник научных трудов. – Л.: Наука, 1987. – С. 3–36.
35. Десницкая А. В. О происхождении албанского языка (сравнительно-исторический и социально-исторический аспекты) // Вопросы языкознания, № 2. – М.: Наука, 1990. – С. 5–12.
36. Домосилецкая М. В. Изучение румынского языка и культуры румын в России (XIX в. – начало XX в.) // Н. Н. Казанский (отв. ред.) *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. Т. V, ч. 1. – СПб.: Наука, 2009. – С. 51–151.
37. Жобов В. Звуковите в българския език. – София: ИК «СЕМА РШ», 2004.
38. Жугра А. В., Сытов А. П. Албанский язык // Десницкая А. В. (отв. ред.) и др. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки). – Л.: Наука, 1990. – С. 46–91.
39. Зиндер Л. Р. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков // Учёные записки Ленинградского университета. Серия филологических наук. Вып. 69. Вопросы фонетики. Отв. ред. М. И.

Матусевич. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. – С. 3–27.

40. Зиндер Л. Р. Некоторые принципиальные основы экспериментально-фонетических исследований // Экспериментально-фонетические исследования речи. Материалы межвузовского симпозиума (21–23 июня 1968 года). Вып. 2. – Минск: Вышэйшая школа, 1969. – С. 109–116.
41. Зиндер Л. Р. Общая фонетика // Л. Р. Зиндер. Общая фонетика и избранные статьи. Сост., вступ. ст. Л. В. Бондарко. – СПб.; М.: Филологический факультет СПбГУ; Академия, 2007.
42. Ивић П. Два главна правца развоја консонантизма у српскохрватском језику // П. Ивић. Расправе, студији, чланци. – Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1998. – С. 309–335.
43. Казанский Н. Н. Очерк фонологии латинского языка. – М.: Российская Академия наук, 2017.
44. Каминская Л. Н. К вопросу о фонологической системе албанского говора села Георгиевка (Приазовье) // Современная албанистика: достижения и перспективы. Сборник статей. – СПб.: Нестор-История, 2012. – С. 161–170.
45. Каминская Л. Н. Методы экспериментально-фонетического анализа речи и некоторые проблемы фонологии албанского языка // Материалы XXVI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 11–14 марта 1997 года. Вып. 3. Балканские чтения. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 1997. – С. 32–35.
46. Касаткин Л. Л. Аффрикатy на месте взрывных согласных перед щелевым в русском языке // Л. Л. Касаткин. Избранные труды. Т. 1. – М.: Издательский дом ЯСК, 2017. – С. 125–130.

47. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999.
48. Клейнер Ю. А. Языковые изменения и динамика языка / Филология. Русский язык. Образование: Сборник статей, посвящённых юбилею профессора Л. А. Вербицкой. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 126–136.
49. Ковалёва Л. С. Артикуляция аффрикаты и смычного согласного // Русское языкознание: республиканский междуведомственный научный сборник / Вып. 14. – Киев: Вища школа, 1987. – С. 121–122.
50. Ковалёва Л. С. Развитие теории аффрикат Л. В. Щербы в экспериментально-фонетических исследованиях // Русское языкознание: республиканский междуведомственный научный сборник / Вып. 14. – Киев: Вища школа, 1985. – С. 127–133.
51. Конёр Д. В. К вопросу об образовании терминологии свадебной обрядности в с. Ябалча (Банат, Румыния). Доклад на секции «Балканистика. Византистика. Неоэллинистика» XLVI Международной филологической научной конференции. Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 13–22 марта 2017 года.
52. Конёр Д. В., Макарова А. Л. Арумунский язык в Преспанском регионе (Республика Македония) сегодня // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 62, issue 2. – Budapest: Akademiai kiado, 2017. – С. 291–303.
53. Кузнецов С. А. (гл. ред.) Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998.
54. Кузьменко Ю. К. Диахроническая фонология аффрикат в германских языках // Вопросы языкознания, № 4. – М.: Наука, 1969. – С. 45–55.

55. Кузьменко Ю. К. История шведских аффрикат. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Л.: Институт языкознания АН СССР, Ленинградское отделение, 1970а.
56. Кузьменко Ю. К. Определение различительного признака аффрикат // Лингвистические исследования. Отв. ред. С. Д. Кацнельсон. – Л.: Институт языкознания АН СССР, Ленинградское отделение, 1970б. – С. 114–124.
57. Кузьмина Е. В. Принцип языковой экономии в спонтанной письменной форме речи (на материале испаноязычных текстов социальных сетей Facebook, Twitter, Tuenty) // Современная коммуникативистика / Т. 5, вып. 1. – М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2016. – С. 29–32.
58. Лиаку-Ановска, К. Влашките народни приказни од Источна Македонија. – Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 2007.
59. Лиаку-Ановска, К. Влашките народни приказни од Крушево. – Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 2002.
60. Лиаку-Ановска, К. Социјално-фолклорни интеракции во влашкото семејство. – Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 2000.
61. Лухт Л. И., Нарумов Б. П. Румынский язык // Языки мира. Ред. колл. Т. Ю. Жданова, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, О. И. Романова / Романские языки. – М.: Academia, 2001. – С. 574–636.
62. Марковиќ М. Ароманскиот и македонскиот говор од Охридско-Струшкиот регион во балкански контекст. – Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2007.
63. Мележик К. А. Фонетическая вариативность территориально-социального «диалекта Устья» // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного університету. Філологія, педагогіка, психологія. Вып. 24. – Київ: КНЛУ, 2012. – С. 26–32.

64. Нарумов Б. П. Арумынский язык/диалект // Языки мира. Ред. колл. Т. Ю. Жданова, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, О. И. Романова / Романские языки. – М.: Academia, 2001а. – С. 636–656.
65. Нарумов Б. П. Истрорумынский язык/диалект // Языки мира. Ред. колл. Т. Ю. Жданова, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, О. И. Романова / Романские языки. – М.: Academia, 2001б. – С. 656–671.
66. Нарумов Б. П. Мегленорумынский язык/диалект // Языки мира. Ред. колл. Т. Ю. Жданова, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, О. И. Романова / Романские языки. – М.: Academia, 2001в. – С. 671–681.
67. Нигматулина Ю. О. Стяжения звуков и сегментация звучащей речи // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых учёных». – М.: ИЯ РАН, 2012. – С. 204–212.
68. Нигматулина Ю. О. Стяжения звуков на стыке словоформ в звучащей речи (на материале русского языка) // Вестник СПбГУ. Т. 14. Язык и литература. Вып. 1. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. – С. 76–88.
69. Нигматулина Ю. О., Раева О. В. Исследование русской спонтанной речи: новые методы – новые результаты // *Język i metoda*. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. <http://www.ejournals.eu/Language-and-Method/2015/2015/art/6695/>
70. Новик А. А. Лечебные травы в народной медицине арумын с. Маловишта (Македония). Доклад 23 марта на секции «Балканистика. Византистика. Неоэллинистика» XLVII Международной филологической научной конференции. Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 19–28 марта 2018 года.
71. Поленаковиќ Х. Турските елементи во ароманскиот / Превод од српскохрватски В. Лаброска. – Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2007.

72. Раева О. В., Риехайainen Е. И. Редуцированные словоформы и предсказательная сила контекста // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых учёных». – М.: ИЯ РАН, 2013. – С. 296–306.
73. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение, 1976.
74. Русаков А. Ю. Звуковые законы и фонетические тенденции (на материале албанского языка) // Лингвистические исследования 1981. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков. — М.: Институт языкознания АН СССР, 1981. — С. 191–194.
75. Русаков А. Ю. К вопросу о фонетической адаптации латинской лексики в албанском языке / Десницкая А. В. (отв. ред.) и др. Romano-Balcanica (Вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале). Сборник научных трудов. — Л.: Наука, 1987. — С. 127–144.
76. Савицка И. Фонетските проблеми во ареалната лингвистика (врз основа на јазичната ситуација во Југоисточна Европа) / Превод од полски В. Лаброска. — Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2014.
77. Сержант И. А. Относительная хронология процессов палатализации прабалтийских *k и *g в латышском (ареальная интерпретация) // Вопросы языкознания, № 1. — М.: Наука, 2008. — С. 121–129.
78. Слепокурова Н. А. Прочитанная и спонтанная речь: сходство и различия // Р. Л. Смулаковская (отв. ред.). Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XI выездной школы-семинара (7–8 декабря 2012 г., г. Череповец). — Череповец: ЧГУ, 2013. — С. 54–62.
79. Соболев А. Н. Греческое грамматическое влияние на современный южноарумынский говор Пинда // Т. Н. Свешникова, И. А. Седакова,

- Т. В. Цивьян (ред. колл.). Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. – М.: Индрик, 2007. – С. 201–209.
80. Соболев А. Н. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. Т. I. Homo balcanicus и его пространство. – СПб; München: Наука; Verlag Otto Sagner München, 2013.
81. Соболев А. Н., Русаков А. Ю. (отв. ред.) Актуальные вопросы балканского языкознания: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 29–30 мая 2001 г.). – СПб.: Наука, 2001.
82. Страбон. География в 17 книгах / Пер. и комм. Г. А. Стратановского, под ред. С. Л. Лутченко, ред. перевода О. О. Крюгер. – М.: Наука, 1964.
83. Сухачёв Н. Л. Латинская речь на Балканах // Десницкая А. В. (отв. ред.) и др. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки). – Л.: Наука, 1990а. – С. 125–140.
84. Сухачёв Н. Л. Румынский язык // Десницкая А. В. (отв. ред.) и др. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки). – Л.: Наука, 1990б. – С. 141–182.
85. Таов Х. Т., Маремукова Э. В. История шипящих звуков в адыгских языках // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. Т. II, № 3. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, 2012. – С. 106.
86. Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Кн. 3. – Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. – С. 107–124.

87. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона. – М.: Аспект Пресс, 2000.
88. Трубецкой Н. С. Письмо к Р. О. Якобсону от 30.03.1923 / Письма и заметки Н. С. Трубецкого. Вступ. ст. В. Н. Топорова, подгот. к изд. Р. О. Якобсона, Х. Барана, О. Ронена, М. Тейлор, пер. с англ. В. А. Плунгяна, Д. А. Паперно, Д. В. Сичиनावы. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 48.
89. Трунин-Донской В. Н., Цемель Г. И. Опознавание гласных звуков по клиппированному речевому сигналу // Проблемы передачи информации / Т. 4, вып. 2. – М.: Наука, 1968. – С. 62–71.
90. Фант Г. Акустическая теория речеобразования / Пер. с англ. Л. А. Варшавского и В. И. Медведева, под ред. В. С. Григорьева. – М.: Наука, 1964.
91. Фёдоров В. М., Юрьев П. Ю. Распознавание эмоционального состояния человека по акустическим параметрам речи // Труды третьего междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи» (АР³ – 2009). – СПб.: ГУАП, 2009. – С. 63–67.
92. Хамити А. Фонетика и фонологија на албанскиот јазик. – Скопје: Менора, 2008.
93. Харламова А. В. Опыт фонетического анализа арумьинской спонтанной речи // XVIII Международная конференция студентов-филологов СПбГУ, Санкт-Петербург, 6–11 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Д. Н. Чердаков. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – С. 214–215.
94. Черняк А. Б. Арумьинский язык // Десницкая А. В. (отв. ред.) и др. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона / Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки). – Л.: Наука, 1990. – С. 192–220.

95. Черняк А. Б. Византийские свидетельства о романском (романизованном) населении Балкан V–VII вв. // Византийский временник / Т. 51. – М.: Наука, 1991а. – С. 132–141.
96. Черняк А. Б. К вопросу о прародине румын / Албанская филология, балканистика, проблемы языкознания. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой. – СПб. Наука, 2013. – С.: 240–259.
97. Черняк А. Б. Кекавмен о происхождении влахов // Материалы V Международного конгресса по фракологии / Ред. Л. Гиндин и др. – М.: Association Terra Antiqua Balcanica, 1991б. – С.: 255–263.
98. Черняк А. Б. Языковая ситуация в Римской империи: свидетельства древних авторов и раннероманских глоттонимов. – СПб.: Нестор-История, 2015.
99. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958.
100. Ярцева В. Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
101. Μποϊατζής Μ. Γ. Γραμματική Ρομανική ήτοι Μακεδονοβλαχική. – Βιέννη: Η τυπογραφία του Ιωάννου Συρρερου, 1813 (параллельный текст на греческом и немецком).
102. Aguilar L., Blecua B. Machuca M., Marín R. Phonetic Reduction Processes in Spontaneous Speech // Proceedings of the 3rd European Conference on Speech Communication and Technology EUROSPEECH'93. – Autrans: ISCA, 1993. – P. 433–436.
103. Alkire T., Rosen C. Romance Languages: A Historical Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
104. Apetroaie V. Ethnicity Online: The negotiation of sociocultural identity in the online environment among Aromanian youth. A Romanian perspective. – Master Thesis, submitted to obtain the degree of MS in

- Social and Cultural Anthropology, academic year 2012–2013. Leuven: University of Leuven, 2013.
105. Appian. *Historia Romana*, V. 1 / Ed. P. Viereck, A. G. Roos. – Leipzig: Teubner, 1962.
106. Atanasov P. Aromunisch // *Lexikon der Sprachen des Europäischen Ostens*. WEEO, Bd. 10 / Übersetzt aus dem Makedonischen von P. Rau. – Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002. – S. 77–82.
107. Bardu N. Eighteenth Century Aromanian Writers: the Enlightenment and the Awakening of National and Balkan Consciousness // *Philologia Jassyensia*, An III, Nr. 1. – Iași: Asociația culturală “A. Philippide”, 2007. – P. 93–102.
108. Bardu N. Influența limbii albaneze asupra graiului de azi al aromânilor moscopoleni din localitatea Grabova (Greava) din Albania. Aspecte lexicale // O. Ichim (coord.) *Cultură și identitate românească. Tendințe actuale și reflectarea lor în diaspora*. – Iași: Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2013. – P. 23–28.
109. Barić H. *Istorija arbanaškog jezika / Balkanološki institut. Djela. Knjiga XIII*. – Sarajevo: Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine, 1959.
110. Beci B. *Fonetika e gjuhës shqipe*. – Tiranë: EDFA, 2004.
111. Beci B. Rreth inventarit të fonemave zanore të gegërishtes / Современная албанистика: достижения и перспективы. Сборник статей. – СПб.: Нестор-История, 2012. – С. 39–52.
112. Beci B. *Struktura dialektore e shqipes. Një qasje e re*. – Tiranë: UET Press, 2016.
113. Berisha A. N. *Pjetër Budi poet dhe prozator*. – Prishtinë: Faik Konica, 2015.
114. Berns J. A Typological Sketch of Affricates // *Linguistic Typology*, 18 (3). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. – P. 369–411.

115. Berns J. The Phonological Representation of Affricates // *Language and Linguistics Compass*. T. 10, issue 3. – Wiley Online Library, 2016. – P. 142–156.
116. Bondarko L. V., Volskaya N. B., Tananaiko S. O. Vasilieva L. A. Phonetic properties of Russian spontaneous speech // M. Solé, D. Recasens, J. Romero. *Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences*. – Barcelona: ICPHS Archive, 2003. – P. 2973–2976.
117. Bopp F. Über das Albanesische in seinen verwandtschaftlichen Beziehungen. Gelesen in der Königlichen Akademie der Wissenschaften am 18. Mai 1854. – Berlin: J. A. Stargardt, 1855.
118. Bowman A. K., Champlin E., Lintott A. (eds.) *The Cambridge Ancient History*. Vol. X. The Augustan Empire, 43 B.C.–A.D. 69. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008a.
119. Bowman A. K., Garnsey P., Rathbone D. (eds.) *The Cambridge Ancient History*. Vol. XI. The High Empire, A.D. 70–192. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008b.
120. Brooks M. Z. On Polish Affricates // *Word*, Vol. 20, № 2. – New York: Taylor & Francis, 1964. – P. 207–210.
121. Brosnahan L. The Affricates of the High German Consonant Shift // *Neophilologus* / Vol. 43, issue 1. – Alphen aan den Rijn: Kluwer Academic Publishers, 1959. – P. 112–123.
122. Brugmann, K. *Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre der indogermanischen Sprachen*. 1. Band: Einleitung und Lautlehre. Erste Hälfte (§ 1 bis 694). Zweite Bearbeitung. – Straßburg: Karl J. Trübner, 1897.
123. Buttler J. The Formation and Acoustic Structure of Affricates // *Acta Linguistica Scientiarum Hungaricae*, T. XIV, fasc. 3–4 / Red. J. Németh. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1964. – P. 263–273.
124. Capidan Th. *Aromânii. Dialectul aromân*. – Bucureşti: Imprimeria naţională, 1932.

125. Caragiu-Marioțeanu M. Compendiu de dialectologie română (nord- și sud-dunăreană). – București: Editura științifică și enciclopedică, 1975.
126. Caragiu-Marioțeanu M. Din fonologia istorică a aromânei (silabele deschise) / I. Iordan (ed.) et al. Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani. – București: Editura academiei republicii socialiste România, 1965. – P. 111–114.
127. Caragiu-Marioțeanu M. Influența dacoromână asupra graiului unei familii aromâne din R. P. R. // *Fonetică și dialectologie* / Vol. 1. Red. Al. Rosetti. – București: Editura academiei republicii populare române, 1958. – P. 79–112.
128. Caragiu-Marioțeanu M. Phonologie aroumaine // *Revue roumaine de linguistique*. Tome IX, № 5. – București: Editura Academiei Române, 1964a. – P. 535–545.
129. Caragiu-Marioțeanu M. Sistemul fonologic al aromânei // *Studii și cercetări lingvistice*. № 3, anul XIV. – București: Editura academiei republicii populare române, 1963. – S. 313–331.
130. Caragiu-Marioțeanu M. Structure de la syllabe en aroumain // *Revue roumaine de linguistique*. Tome IX, № 3. – București: Editura Academiei Române, 1964b. – P. 269–284.
131. Carrera-Sabaté J. Affricates in Lleidatà: A sociophonetic case study / J. N. Stanford, D. R. Preston (ed.). *Variations in Indigenous Minority Languages*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 77–108.
132. La Charité D. The Internal Structure of Affricates. Thesis submitted to the School of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the PhD degree in Linguistics. University of Ottawa, 1993.
133. Chitoran I. The Phonology of Romanian: A Constraint-Based Approach // *Studies in Generative Grammar*, 56 / Ed. by H. van der Hulst, H. van Riemsdijk, J. Koster. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001.

134. Chuang Y. Y., Fon J. The effect of prosodic prominence on the realizations of voiceless dental and retroflex sibilants in Taiwan Mandarin spontaneous speech // *Speech Prosody 2010 Conference Proceedings*, University of Illinois <http://speechprosody2010.illinois.edu/papers/100414.pdf>
135. Ciolac M. Bilinguisme, bidialectalisme, diglossie ; quelques dissociations utiles pour étudier les contacts linguistiques des aroumains // *Revue roumaine de linguistique*. Tome XXXVII, № 1. – Bucureşti: Editura Academiei Române, 1992. – P. 11–18.
136. Clements G. N. Affricates as Noncontoured Stops / O. Fujimura, B. D. Joseph, B. Palek (ed.) *Proceedings of LP' 98: Item Order in Language and Speech*. – Prague: The Karolinum Press, 1999. – P. 271–299.
137. Coloñea I. *Dicţionar armănescu-latinescu*. – Fier: Ymeraj, 2012.
138. Curtis M. *Xhorxh, xhuxhmaxhuxh and the xhaxhallarë: The Xenophonemic Status of Albanian /xh/* // *Balkanistica / Vol. 23*. Ed. by D. Dyer. – Starkville: Mississippi State University, 2010.
139. Çabej E. Betrachtungen über die rumänisch-albanischen Sprachbeziehungen // *Revue roumaine de linguistique*. Tome X, № 1–3. – Bucarest : Éditions de l'Académie de la République Populaire Roumaine, 1965. – P. 101–115.
140. Çabej E. *Fonetikë historike e gjuhës shqipe*. – Tirane: Botime Çabej, 2012.
141. Çabej E. Për historinë e konsonantizmit në gjuhën shqipe // *Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës*. Seria „Shkencat Shoqerore” 1. Viti XII. – Tiranë: Universiteti Shtetëror i Tiranës, 1958. – F. 31–80.
142. Çabej E. *Studime gjuhësore III. Hyrje në historinë e gjuhës shqipe. Fonetika historike. Parashtesat – Prapashtesat. Shumësi i singularizuar*. – Prishtinë: Rilindja, 1976.
143. Çabej E. Über einige Lautregeln des Albanischen // *Die Sprache. Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, hrsg. von W. Dressler und M.

- Mayrhofer. XVIII. Band, 2. Heft. – Wiesbaden; Wien: Otto Harassowitz, Gerold & Co., 1972. – S. 132–155.
144. Dahmen W. Selbstbezeichnung und Fremdbenennung der Aromunen // *Balkan-Archiv, Neue Folge / Bd. 7.* – Berlin: Lehmann, 1982. – S. 207–214.
145. Dahmen W. Zur Typologie der süddanubischen Rumänität – Istrorumänisch, Aromunisch und Meglenorumänisch im Spannungsfeld zwischen Romanität und Balkanität // *Balkan-Archiv, Neue Folge / Bd. 17/18.* – Berlin: Lehmann, 1992/1993. – S. 125–134.
146. Dahmen W., Kramer J. Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Jahre 1976 // *Balkan-Archiv, Neue Folge / Bd. 1.* – Berlin, Lehmann, 1976. – S. 7–78.
147. Demiraj B. Das Meyersche Gesetz über den Schwund der intervokalischen Media im Albanischen (Revision) // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft.* Hrsg. von H. Hettrich und K. Strunk. H. 61. – Dettelbach: Verlag Josef H. Röhl, 2001. – S. 57–92.
148. Demiraj S. Epiri, pellazgët, etruskët dhe shqiptarët. – Tiranë: Infobotues, 2008.
149. Demiraj S. Gjuhësi ballkanike. – Shkup: Logos-A, 1994.
150. Demiraj S. Gramatikë historike e gjuhës shqipe. – Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2015.
151. Demiraj S. Sulle principali innovazioni del sistema fonologico dell'albanese rispetto all'indoeuropeo // *Atti del 3° seminario internazionale di studi albanesi (Rende – Lungro – Frascineto – S. Basile, 18–21 dicembre 1997).* Omaggio ad Antonino Guzzetta. – Calabria: Università della Calabria, 1997. – F. 35–40.
152. Dodi A. Fonetika dhe fonologjia e gjuhës shqipe. – Tirane: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2004.
153. Droysen G. Allgemeiner historischer Handatlas in 96 Karten mit erläuterndem Text. – Bielefeld: Velhagen & Klasing, 1886.

154. Dzino D. *Illyricum in Roman Politics: 229 BC–AD 68*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
155. Ernst E., Gleßgen M.-D., Schmitt C., Schweikard W. (hrsg. von). *Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen / 3. Teilband*. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006.
156. Evgrafova K., Evdokimova V., Skrelin P., Chukaeva T. Vocal fatigue in voice professionals: collecting data and acoustic analysis. Poster presented at ExLing 2015 – 6th International Conference on Experimental Linguistics, 26–27 August 2015, Athens, Greece.
157. Falo Dh. *Trayedia ali Muscopuli / Turnari pi-armāneashti*: A. Kristo, J. Gusho. – Tirana: Editura cartea aromānā, 2002.
158. Friedman V. After 170 Years of Balkan Linguistics: Whither the Millennium? // *Mediterranean Language Review*. Issue 12 / Ed. by M. Erdal, W. Arnold, V. Friedman and J. Niehoff-Panagiotidis. – Wiesbaden: Hassarowitz Verlag, 2000. – P. 1–15.
159. Friedman V. The Sociolinguistics of Literary Macedonian // *International Journal of the Sociology of Language*, Vol. 52. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1985. – P. 31–57.
160. Friedman V. The Vlah Minority in Macedonia: Language, Identity, Dialectology, and Standardization // *Studia Helsingiensia*, 21: Papers in Slavic, Baltic, and Balkan Studies. – Helsinki: Yliopistopaino, 2001. – P. 26–50.
161. Giavazzi M. On the application of Velar Palatalization in Italian. Poster presented at the 17th Manchester Phonology Meeting, 2009. <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.370.1684&rep=rep1&type=pdf>
162. Gica A. The Recent History of the Aromanians from Romania // *New Europe College Yearbook 2008–2009* / Ed. by I. Vainovski-Mihai. – Bucharest: New Europe College, 2009. – P. 173–200.

163. Gołąb Z. The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia, SFR Yugoslavia. – Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1984.
164. Goldsworthy A. Caesar: Life of a Colossus. – New Haven: Yale University Press, 2006.
165. Gosturani Xh. Historia e Albanologjisë. – Tiranë: Albin, 1999.
166. Greenberg S., Hollenback J., Ellis D. Insights into spoken language gleaned from phonetic transcription of the Switchboard corpus // ICSLP 96 Proceedings. – Wilmington: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 1996. – P. 24–27.
167. Guion S. The Role of Perception in the Sound Change of Velar Palatalization // *Phonetica* / Vol. 55, № 1–2. Ed. C. Best. – Basel; New York: S. Karger, 1998. – S. 18–52.
168. Gut U. Introduction to English Phonetics and Phonology. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009.
169. Hidri H., Hidri S. Historia e Durrësit. – Durrës: Botimet Jozef, 2014.
170. Hock H. H., Joseph B. J. Language History, Language Change, and Language Relationship: An Introduction to Historical and Comparative Linguistics // *Trends in Linguistics. Studies and Monographs*, 218. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.
171. Holzer G. Glasovni razvoj hrvatskoga jezika. – Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011.
172. Hu, G., Wang D. L. Separation of Fricatives and Affricates // *Acoustics, Speech, and Signal Processing*, 2005. Proceedings. IEEE International Conference / Vol. 1. – Piscataway: IEEE Press, 2005. – P. 1001–1004.
173. Hualde J. On Basque Affricates // *Proceedings of the West Coast Conference on Formal Linguistics* / Ed. by M. Crowhurst. Vol. 6. – Stanford: The Stanford Linguistics Association, 1987. – P. 77–90.
174. Jokl N. Studime historiko-krahasuese për gjuhën shqipe. Historisch-vergleichende Untersuchungen über das Albanische // *Përgatitur nga R. Ismajli, H. Eichner; përkthyer nga S. Gashi, E. Çabej, A. Krajni, A.*

- Dhrimo, E. Lika, G. Lafe, T. Dani. – Prishtinë: Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës, 2017.
175. Joseph B. Broad vs. Localistic Dialectology, Standard vs. Dialect: The Case of the Balkans and the Drawing of Linguistic Boundaries // *Language Variation – European perspectives II: Selected papers from the 4th International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 4)*, Nicosia, June 2007 / Ed. by S. Tsiplakou, M. Karyolemou, P. Pavlou. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009. – P. 119–143.
176. Joseph B. Opshta i lokalna dijalektologija na Balkanot: Podatoci od slovenskite jazici. – Naučna diskusija, Ohrid, 27.08.2007.
[http://www.ling.ohio-state.edu/~bjoseph/publications/Article186\(Eng\).pdf](http://www.ling.ohio-state.edu/~bjoseph/publications/Article186(Eng).pdf)
177. Joseph B., Lee G. Greek ts/dz as Internally Complex Segments: Phonological and Phonetic Evidence // *Ohio State University Working Papers in Linguistics*. – Columbus: Ohio State University, 2010. P. 1–9.
178. Kahl T. Για την ταυτότητα των Βλάχων. Εθνοπολιτισμικές προσεγγίσεις μιας βαλκανικής πραγματικότητας / Μετάφραση: Στέφανος Μπολασικής. Αθίνα: Βιβλιοραμα, 2009.
179. Kahl T. The Ethnicity of Aromanians after 1990: The Identity of a Minority that Behaves like a Majority // *Ethnologia Balcanica*, ed. by K. Roth / №6. – Sofia; Münster: Prof. Marin Drinov Academic Publishing House; Waxmann Verlag, 2002. – P. 145–170.
180. Kázmér M. Bemerkungen zur Methodik der Untersuchung von Affrikaten // *Acta Linguistica Scientiarum Hungaricae* / T. XI, fasc. 3–4. Red. J. Németh. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1961. S. 387–404.
181. Kehrein W. Phonological Representation and Phonetic Phasing: Affricates and Laryngeals // *Linguistische Arbeiten*, hrsg. von H. Altmann, P. Blumenthal, H. J. Heringer, I. Plag, H. Vater und R. Wiese. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002.

182. Kipp A., Wesenick M.-B., Schiel F. Pronunciation modeling applied to automatic segmentation of spontaneous speech // Proceedings of the 5th European Conference on Speech Communication and Technology EUROSPEECH'97. – Autrans: ISCA, 1997. – P. 1023–1026.
183. Kohler K. Articulatory Reduction in German Spontaneous Speech // First ETRW on Speech Production Modeling. – Autrans: ISCA, 1996. – P. 89–92.
184. Kopitar J. Albanische, walachische u. bulgarische Sprache // Jerneja Kopitara Spisov / 2 knjiga. Prired. R. Nahtigal. – Ljubljana, 1945. – S. 227–273.
185. Korkuti M. Parailirët, ilirët, arbërit. Histori e shkurtër. – Tiranë: Botimet toena, 2003.
186. Kortlandt F. Palatovelars before syllabic resonants: another look // Baltistica, 48, № 1. – Vilnius: Vilnius University, 2013. – P. 13–17.
187. Kramer J. Rumänische Areallinguistik II. Aromunisch // Lexikon der romanistischen Linguistik, hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt / Bd. III. – Berlin: Walter de Gruyter, 1991. – S. 423–435.
188. Kümmel M. J. Konsonantenwandel: Bausteine zu einer Typologie des Lautwandels und ihre Konsequenzen für die vergleichende Rekonstruktion. – Wiesbaden: Reichert Verlag, 2007.
189. Labov W. On the Mechanism of Linguistic Change // Monograph Series on Language and Linguistics, № 18 / Ed. by C. Kreidler. – Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1965. – P. 91–114.
190. Lazarou A. Aroumain “Bana”, est-il un héritage aborigène? // Balkan Studies / Vol. 29. № 2. – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1988. – P. 309–340.
191. Lazarou A. La singularité des Aroumains dans leur poésie populaire // Balkan Studies / Vol. 28. № 2. – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1987. – P. 373–389.

192. Leinonen M. Finnish and Russian as they are spoken: From linguistic to cultural typology // *Scando-Slavica*. Vol. 31, issue 1. – New York; Abingdon-on-Thames: Routledge; Association of Nordic Slavists and Baltologists, 1985. – P.: 117–144.
193. Lindenbauer P. Die Entwicklung der rumänischen Hochsprache / Rumänien. Raum und Bevölkerung. Geschichte und Geschichtsbilder. Kultur. Gesellschaft und Politik heute. Wirtschaft. Recht. Historische Regionen, red. von T. Kahl, M. Metzeltin, M.-R. Ungureanu. – Wien; Berlin: Lit Verlag, 2006. – S. 339–355.
194. Lleó C., Prinz M. Syllable Structure Parameters and the Acquisition of Affricates / S. J. Hannahs, M. Young-Scholten. *Focus on Phonological Acquisition*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – P. 143–164.
195. Loporcaro M. Phonological Processes / Maiden M., Smith J.-C., Ledgeway A. *The Cambridge History of the Romance Languages*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – P. 109–154.
196. Luschützky H. C. *Zur Phonologie der Affrikaten*. – Frankfurt am Main: Hector, 1992.
197. Malmberg B. Note sur l'articulation du [s] et le traitement de l'affriquée [ts] en roman occidental / Omagiu lui Iorgu Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani. – București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1958. – P. 543–545.
198. Melikischwili I. G. Einige universale Gesetzmäßigkeiten in dem System der Affrikaten // *Theoretical Problems of Typology and the Northern Eurasian Languages* / Ed. by L. Dezső and P. Hajdú. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1970. – P. 65–73.
199. Memushaj R. *Fonetika e shqipes standarde. Botimi i katërt i riparë*. – Tirana: Infobotues, 2015.
200. Meyer G. *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*. – Strassburg, K. J. Trübner, 1891.

201. Meyer G. Kurzgefasste albanesische Grammatik mit Lesestücken und Glossar. – Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1888.
202. Meyer G. Zur Geschichte der indogermanischen Sprachen. – Leipzig: S. Hirzel, 1875.
203. Meyer-Lübke W. Grammatik der romanischen Sprachen / 1. Band: Lautlehre. – Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1890.
204. Meyer-Lübke W. Zur Geschichte von lat. *Ge*, *Gi* und *J* im Romanischen // *Vox Romanica*, Bd. 1, № 1. – Zürich; Leipzig: Max Niehans Verlag, 1936. – P. 1–31.
205. Miklosich Fr. Die slavischen Elemente im Rumunischen. – Wien: Die kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1861.
206. Mikropoulos T. Elevating and Safeguarding Culture Using Tools of the Information Society: Dusty Traces of the Muslim Culture. – Ioannina: EARTHLAB, 2008.
207. Minissi N., Kitanovski N., Cinque N. Фонетика на македонскиот јазик. – Napoli: Bibliopolis, 1982 (паралелен текст на македонском, англискиот и италијанском).
208. Minov N. The Aromanians and IMRO // *Macedonian Historical Review* / Vol. 2. – Skopje: University of Ss. Cyril and Methodius, 2011. – P. 181–200.
209. Minov N. The War of Numbers and its First Victim: The Aromanians in Macedonia (End of 19th – Beginning of 20th century) // *Macedonian Historical Review* / Vol. 3. – Skopje: University of Ss. Cyril and Methodius, 2012. – P. 153–192.
210. Mócsy A. Pannonia and Upper Moesia: A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire. – Abingdon; New York: Routledge, 2014.
211. Mutavdžić P. On the Former and Present Status of the Aromanian Language in the Balkan Peninsula and in Europe // *Komunikacija i kultura*

- online, godina 1, broj 1. – Belgrade: Univerzitet u Beogradu, 2010. – P. 146–161.
212. Nedelkov J. L. The Ethnic Code of the Vlachs at the Balkans // *EthnoAnthropoZoom*. №6 / Ed. A. Svetieva. – Skopje: St. Cyril and Methodius University, 2009.
213. Neiescu P. Recherches dialectales chez les roumains sud-danubiens // *Revue roumaine de linguistique*. Tome X, № 1–3. – Bucarest: Éditions de l'Académie de la République Populaire Roumaine, 1965. – P. 229–237.
214. Nevaci M. Cercetări recente de teren la aromânii din Albania // Н. Н. Казанский (отв. ред.) *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. Т. V, ч. 1. – СПб.: Наука, 2009. – С. 208–224.
215. Nevaci M. Graiul aromânilor fărșeroți din Dobrogea. – București: Editura Universitară, 2011.
216. Nevaci M. Identitate românească în context balcanic. – București: Editura Muzeului Național al Literaturii Române, 2013.
217. Nevaci M. Sisteme de scriere în dialectul aromân (cu referire la scrierile din secolul al XVIII-lea) // *Limba română: diacronie și sincronie în studiul limbii române / Vol. 1: Gramatică. Fonetică și fonologie. Istoria limbii române, filologie*. Ed. R. Zafiu, A. Dragomirescu, A. Nicolae. – București: Editura Universității din București, 2014. – P. 297–302.
218. Nevaci M. Ternary Deictic System in Aromanian // *Dialectologia et Geolinguistica / Vol. 2007, Issue 15*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. – P. 71–76.
219. Nicolaidis K., Edwards J., Beckham M., Tserdanelis G. Acquisition of Lingual Obstruents in Greek // *Proceedings of the 6th International Conference of Greek Linguistics*. – Rethymno: University of Crete, 2003.
220. Nisioi S. On the syllabic structures of Aromanian // *14th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*:

- Proceedings of the 8th Workshop on Language Technology for Cultural Heritage, Social Sciences, and Humanities (LaTeCH). – Göteborg: The Association for Computational Linguistics, 2014. – P. 110–118.
221. Odé C. Russian Intonation: A Perpetual Description, Vol. 1 // Studies in Slavic and General Linguistics / Vol. 13. – Amsterdam; Atlanta GA: Brill, 1989.
222. Papahagi T. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. Ediția a doua augmentată. – București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1974.
223. Papari A. C. Aspecte identitare ale populației multietnice din Dobrogea, în contextul globalizării: studiu antropologic pe populația aromână. – București: Editura Muzeului Național al Literaturii Române, 2013.
224. Paradis C., Prunet J.-F. (ed.) Phonetics and Phonology. The Special Status of Coronals: Internal and External Evidence / Vol. 2. – San Diego: Academic Press Inc., 1991.
225. Pedersen H. Die Gutturale im Albanesischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Hrsg. von E. Kuhn und J. Schmidt. Bd. 36. – Gütersloh: Druck und Verlag von C. Bertelsmann, 1900. – S. 277–340.
226. Petrovici E. La « dépalatalisation » des consonnes devant *e* en Valachie, au sud-est de la Transylvanie et dans le dialecte istro-roumain // Revue de linguistique. T. V, № 1. – Bucarest : Éditions de l'Académie de la République Populaire Roumaine, 1960. – P. 53–65.
227. Peyfuss M. Shtypshkronja e Voskopojës, 1731–1739. Përktheu Gj. Misha. Tiranë: Shtëpia e Librit & Komunikimit, 1996.
228. Pfau R. Grammar as Processor: A Distributed Morphology account of spontaneous speech errors. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.

229. Poci S. Balkan Features of Aromanian Language // European Scientific Journal / Vol. 21. – Ponta Delgada: European Scientific Institute, 2011. – P. 55–60.
230. Raymond J., Pitt M., Johnson K., Hume E., Makashay M., Dautricourt R., Hiltz C. An analysis of transcription consistency in spontaneous speech from the Buckeye corpus. Conference paper presented at the 7th International Conference for Spoken Language Processing, Denver, Colorado, September 16–20, 2002. <https://www.researchgate.net/publication/221478217>
231. Roceriu-Alexandrescu A. Statistical Observations on the Rumanian Asymmetric Consonant Groups // Revue roumaine de linguistique. Tome IX, № 3. – Bucarest: Éditions de l'Académie de la République Populaire Roumaine, 1964. – P. 261–267.
232. Rothe W. Einführung in die historische Laut- und Formenlehre des Rumänischen. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1957.
233. Ruzica M. The Balkan Vlachs/Aromanians: Awakening, National Policies, Assimilation. – ASN Conference “Globalization, Nationalism and Ethnic Conflicts in the Balkans and Its Regional Context”, Belgrade, 28– 30.09.2006.
234. Saramandu N. Harta graiurilor aromâne și meglenoromâne din Peninsula Balcanică // Studii și cercetări lingvistice. Anul XXXIX, br. 3. – București: Institutul de Lingvistică al Academiei Române „Iorgu Iordan – Al. Rosetti”, 1988. – P. 225–245.
235. Saramandu N. Neutralizarea opoziției de sonoritate în aromână // Studii și cercetări lingvistice. Fr. 22, № 4. – București: Academia Republicii Socialiste România, 1971. – P. 377–380.
236. Saramandu N. Studii aromâne și meglenoromâne. – Constanța: EX PONTO, 2003.
237. Saramandu N., Nevaci M. Sinteze de dialectologie română. – București: Editura Universitară, 2013.

238. Sawicka I. The Balkan Sprachbund in the light of phonetic features. – Warszawa: Wydawnictwo Energeia, 1997.
239. Schlösser R. Historische Lautlehre des Aromunischen von Metsovon // Balkan-Archiv, Neue Folge / Bd. 3. – Berlin: Lehmann, 1985.
240. Schrijver P. Language Contact and the Origins of the Germanic Languages. – New York; Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014.
241. Sievers E. Grundzüge der Lautphysiologie: zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen. – Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf und Härtel, 1876.
242. Stier H.-E. Westermanns Großer Atlas zur Weltgeschichte. – Braunschweig: Westermann, 1956.
243. Stylos N. Fjalori katërgjuhësh i Daniil Voskopjarit / Përktheu nga origjinali greqisht: LL. Ruci. – Tiranë: Kristal, 2011.
244. Šatava L. The Ethnolinguistic Situation of the Aromanians (Vlachs) in Macedonia: Young People in Kruševo as Indicators of Ethnic Identity and Attitude to the Language // Journal of Ethnic Studies, №71. – Ljubljana: Inštitut za narodnostna vprašanja, 2013. – P. 5–26.
245. Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. – Leipzig: Siegfried Crusius, 1774.
246. Todoran R. Un problème de dialectologie historique : $\hat{c} > \hat{s}$ et $\hat{g} > \hat{z}$ dans les parlers moldaves // Revue roumaine de linguistique. Tome X, № 4. – București: Editura Academiei Române, 1965. – P. 375–386.
247. Topalli K. Dukutitë fonetike të sistemit bashkëtingëllor të gjuhës shqipe. – Tiranë: Shkenca, 2004.
248. Topalli K. Fërkimoret e afrikatet e gjuhës shqipe. – Tiranë: Botim i Akademisë së Shkencave, 2003a.
249. Topalli K. Fonetika historike e gjuhës shqipe. – Tiranë: DITURIA, 2007.
250. Topalli K. Mbylltoret e gjuhës shqipe. – Tiranë: Botim i Akademisë së Shkencave, 2003b.

251. Topalli K. Theksi në gjuhën shqipe. – Tiranë: Shtëpia Botuese Enciklopedike, 1995.
252. Trifon N., Beis S., Kahl T. Les Aroumains : un peuple qui s'en va. – Paris : Éditions Acratie, 2005.
253. Tserdanelis G., Joseph B. On the Phonetic Description and IPA Notation of Affricates. Poster presented at the Stony Brook State University of New York, 2015.
254. Vidal-Lablache P. Atlas Général Vidal-Lablache. – Paris: Armand Colin, 1898.
255. Ward W. Understanding Spontaneous Speech // HLT '89 Proceedings of the workshop on Speech and Natural Language. – Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 1989. – P. 137–141.
256. Weigand G. Die Aromunen. Ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen über das Volk der sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren / Bd. 1. Land und Leute. – Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1895.
257. Weigand G. Die Aromunen. Ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen über das Volk der sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren / Bd 2. Volkslitteratur der Aromunen. – Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1894.
258. Weijer J. van de. Basque affricates and the Manner-Place dependency // *Lingua* / Vol. 88, № 2. Ed. J. Rooryck. – Amsterdam: Elsevier, 1992. – P. 129–147.
259. Weijer J. van de. Segmental structure and complex segments. – Tübingen: Niemeyer, 1996.
260. Xhufi P. Shekulli i Voskopojës (1669–1769). – Tiranë: Botimet toena, 2010.
261. Xylander J. Ritter von. Die Sprache der Albanesen oder Schkipetaren. – Frankfurt am Main: Andreaische Buchhandlung, 1835.
262. Zenelaj M. Pellazgët, ilirët, shqiptarët. – Prishtinë: Botime Artini, 2017.

263. Żygis M., Fuchs S., Koenig L. L. Phonetic explanations for the infrequency of voiced sibilant affricates across languages // *Laboratory Phonology*, № 3. – Berlin: Walter de Gruyter, 2012. – P. 299–336.
264. Албанский национальный корпус <http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/>
265. Корпус болгарских диалектных текстов «Bulgarian Dialectology as Living Tradition» <http://bulgariandialectology.org/>
266. Сведения о Варфоломее Копитаре на сайте Российской Академии наук http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=.id-50805.ln-ru.dl-.pr-inf.uk-12
267. Албанский и арумынский язык в базе данных Ethnologue, дата обращения 31.05.2018 <https://www.ethnologue.com/18/language/sqi/>
<https://www.ethnologue.com/language/rup>
268. Фонетическая база данных PHOIBLE <http://phoible.org/languages>

Приложения

Приложение 1. Фонетическая анкета

Позиция	Албанский	Арумынский
аффр. + а	sak – граница xaxax – дикий çaj – чай	çarā – земля, страна çaṭi – десять (спорно) çak ^u – лодыжка
аффр. + лаб.	xurxull – пьяный çuarje – поездка xhuxh – карлик quaaj – звать	ḑ`uua – день ç`umā – холм ḑ`umitatā – половина çu`oi – челюсть
аффр. + пер./сред. ряд	cila – который sen – недостаток xixë – блеск çelës – ключ	ṭi – что ṭer – небо ḑ`iniri – зять çilim`an – подросток
n + аффр.	nxenës – ученик	ḑinḑ`ii – резина

Не имеющие (распространённых) соответствий позиции:

Албанский

curril – поток

gjuhë – язык

gjumë – сон

gjush – дедушка

lexoj – читать

kaq – так

kuq – красный

ngjaj – смотреть

Арумынский

aḑ – сегодня

braṭ – плечо

fraṭ – брат

gl`eṭ – лёд

albe`aṭā – белок глаза

Распространённые тюркизмы

xham – стекло

xhami – мечеть

xher – карман

xhezve – турка

dyqan – магазин
сірес – четверть
çorap – носок

Распространённые славизмы

vraċi – знахарь, лекарь
čud- – «чудо» (алб.), «смотреть» (арум.)
čast – момент

Приложение 2. Фотографии информантов

Андон Кристо

Теодора Чарауш

Энкеleyда Димо

Приложение 3. Примеры текстов

Спонтанный монолог (отрывок из рассказа о семье)

[fimejenostə_ ehumb'in'its_el'basan_tuanul'_ unən'ijenausutet's'indzit's'iopt_e_ki
nd'in'imeotsije_m'in'era_mu_la_ʃkoli_ eðihapteunikl'asiʃ'in'ifkul_adaunikl'asə_n'
ifkolə_unəʃkolinaimfraʃər'i_ank'i_tatən'əlu_vendu_tsav'jatuk'ipotətsil'mərjan_ojə
kepekajmalektrovanəalui_ʃkotsejprad'z'it's'i_ amuntədigənder'i_erun_pol'akas_da
poi_atsel_frat's'ikamamer_ʃuverðə_kamamerd'inl'in'ijintrarəp'iluk_ankənoiv'inif
ə_unfrat'if_unʃok_kaman'ijkən_mesməlaʃkolə_(нрзб)]

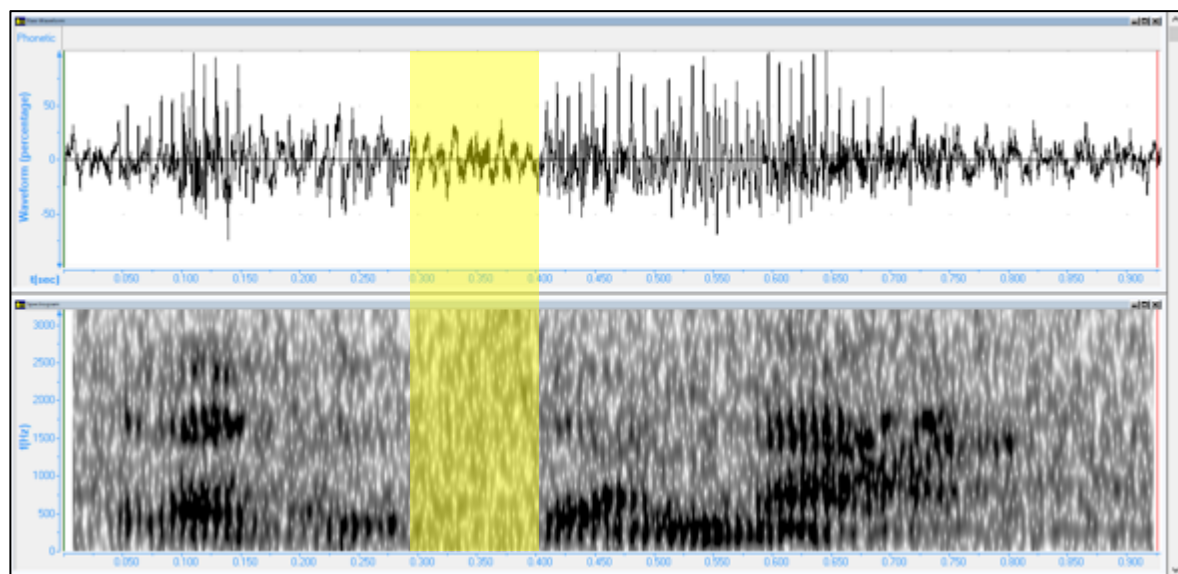
Спонтанное чтение с комментариями (отрывок из [Falo 2002: 3])

[kartja_ aromənə_jest'iun_not_for_profit_e_fariscupo_d'i_am'intare_ose_pacçelım
fitim'i_organ'izat's'ja_incorporatəstatlu_n'jujork_d'itamericçij_scupułu_a'rgan'
izatsje_est'i_prezervarjaʃ'ipromurvarja_apitr'imon'juluj_kul'tural'_armənes_ku_t'
ipusera_d'ikərts_ʃ'irevist'i_doj_organ'izar'jaʃ'ikosponsor'izar'jad'isemin'arl'iarbu
narəʃ'ikongreset'i_kulturi_arməni_trej_areg'istrar'jatukaset'i_audio_iv'ideo_a_akt
iv'itislukul'tural'earməneʃt'_kəntət's'i_ʃi_dzokur'i_apatrul'e_fundar'aunrej_kasır
mın'ascəjuseadun'aʃ'istsənəkərts_d'iskuj_lurban'i_magnetits_art'ikul'd'ifol'kl'or_
ʃ'_alt'_ʃ'i_atsint's'il'a_alt'iakt'iv'itsətsfapt'itrə_prəzervar'ja_apotrən'jumonului_k
ul'tural'armənes].

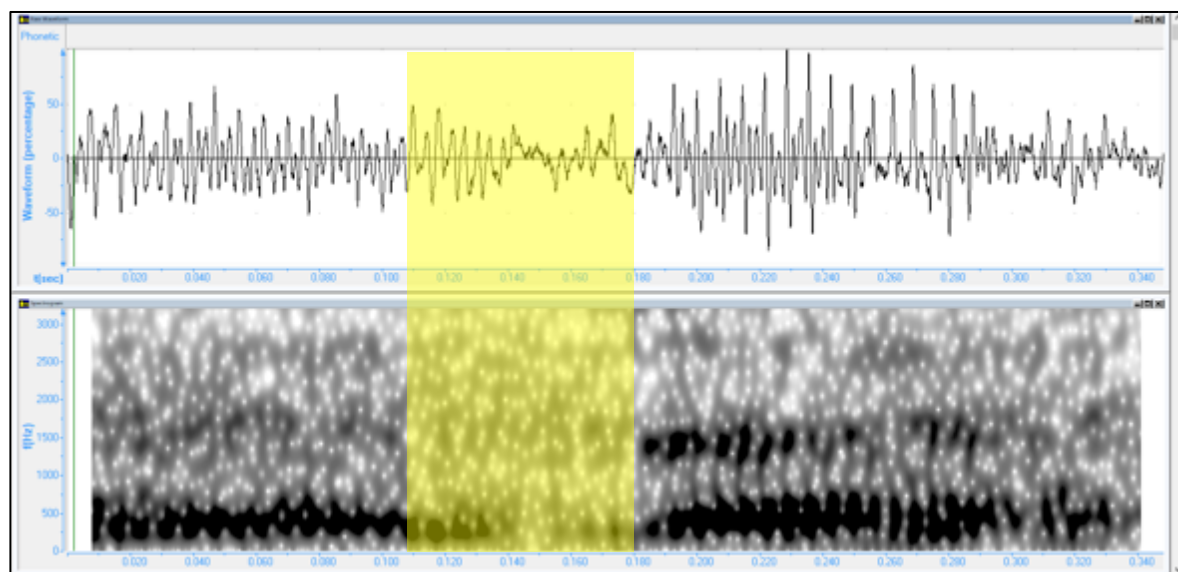
Читаемый текст (сохранена орфография оригинала): CARTEA AROMĂNĂ
Inc. easti ună “Not-For-Profit” organizatsie ncorporatā tu statlu New Yorku dit
Amirichii. Scupolu a organizatsiiljei eati prizirvarea shi prumuvarea-a
patrimonjului cultural armānescu cu (i) tipusirea di cārtsā shi rivisti; (ii)
organizarea shi co-sponsorarea di seminari, adunāri shi cunGRESI di culturā armānā;
(iii) ānregistrarea tu caseti, audio i video, a activitatslor culturali armāneshti,
cāntitsi shi jocuri; (iv) fundarea-a unei casā armāneascā iu si s-adunā shi si s-
tsānā cārtsā, discuri, rubani magnetitsi, articuli di folclor, etc. shi (v) alti activitāts
fapti trā prizirvarea-a patrimonjului cultural armānescu.

Приложение 4. Спектрограммы и осциллограммы наиболее частотных аффрикат

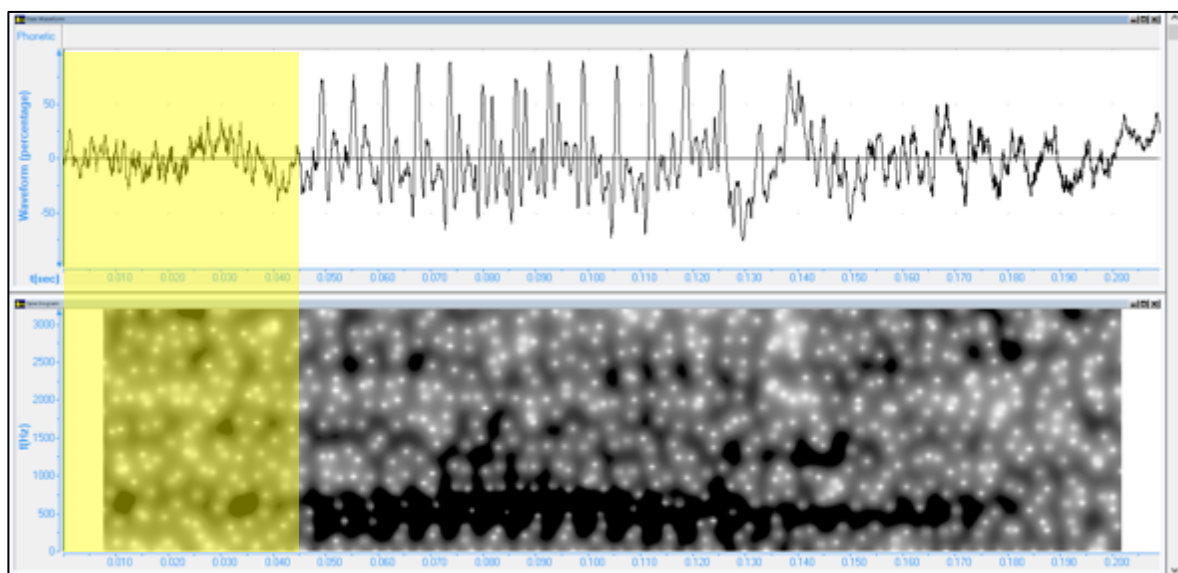
Албанская речь

[ts]: *tradicional* [trad'itsjona] 'традиционный'

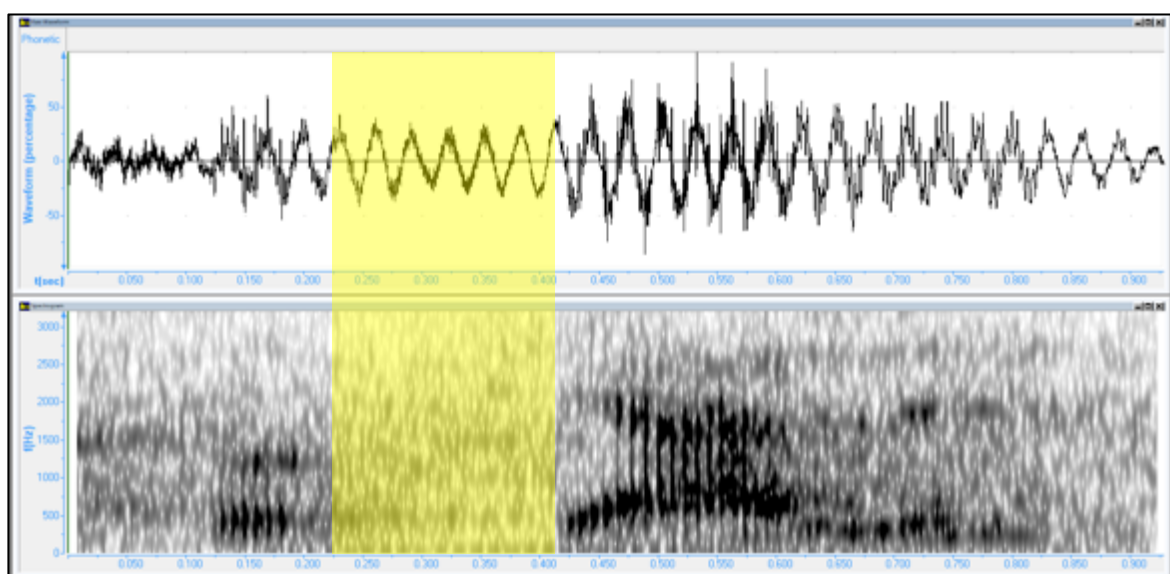

[dz]: *lexoj* [l'idxoj] 'читаю'

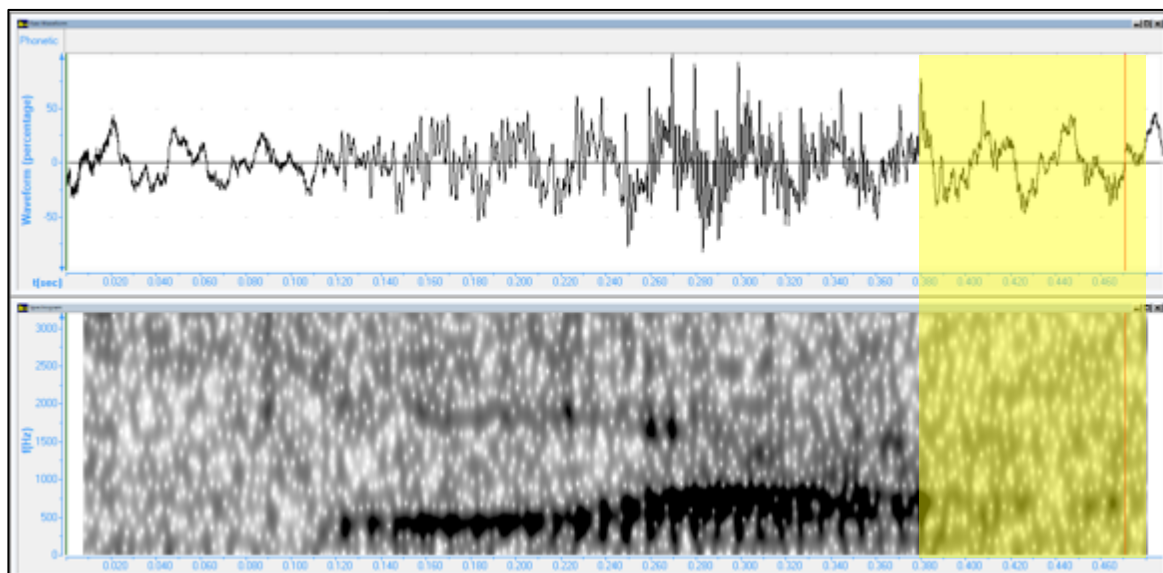

[tʃ]: *ʧ'është* [tʃo] 'что есть'

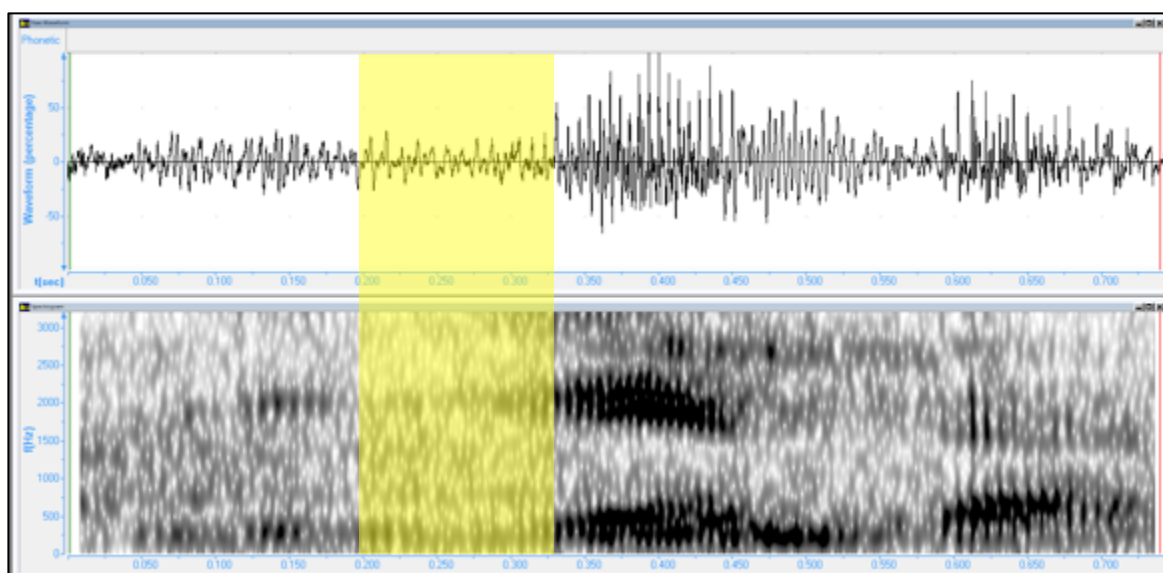
Арумынская речь

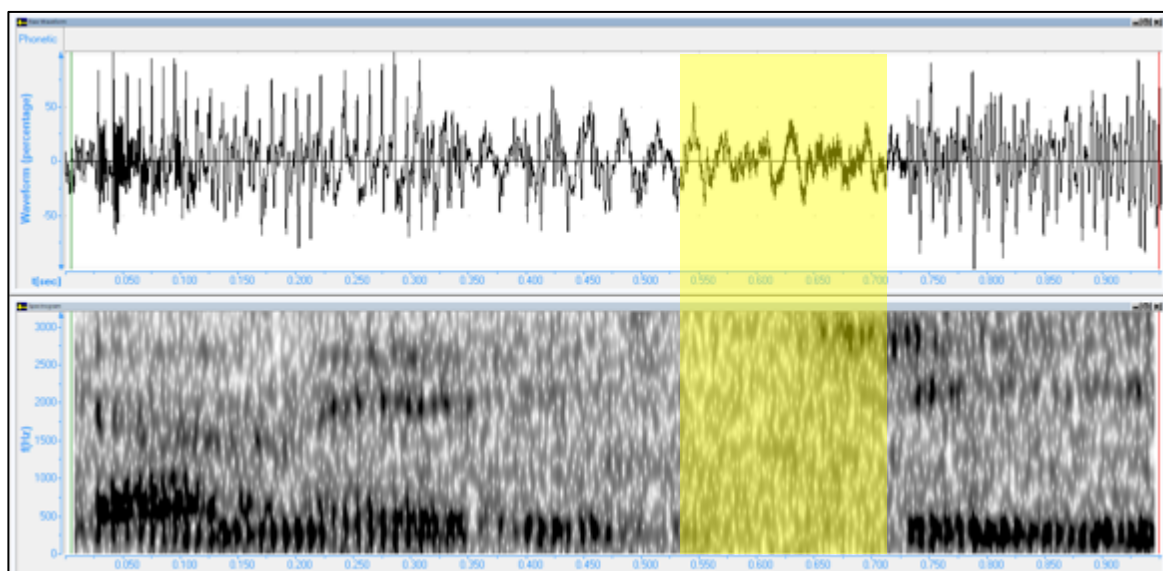
[ts]: *sutsială* [sotsjal'e] 'общественная'

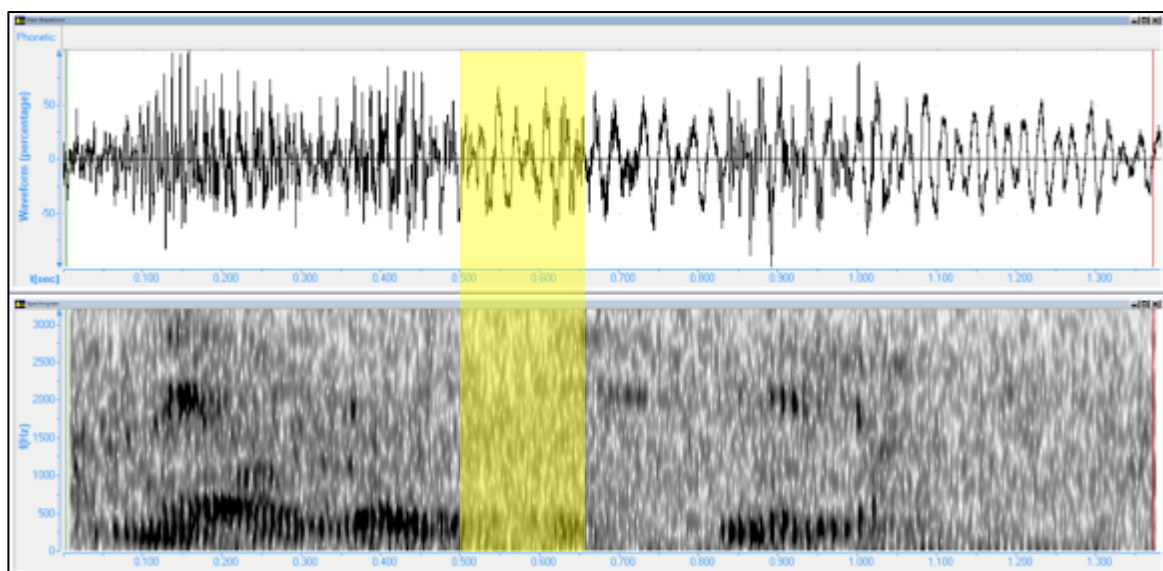
[dz]: *scriati* [skr'eadz] 'пишете'

[dz]: *ligenda* [l'edzinda] 'легенда'

[çç]: *Americhij* [američij] ‘Америка-GEN’

[jj]: *neologismilor* [neulojjism’il’o] ‘неологизм-GEN.PL’